

ლიტერატურა

ტრუზია

12

1976

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ
[К семидесятилетию со дня рождения]

Литературная Грузия

Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал

Орган Союза писателей Грузии

12
ДЕКАБРЬ

19 ИЗДАТЕЛЬСТВО 76
ЦК КП ГРУЗИИ

«ლიტერატურნაია გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

საქართველოს ლიტერატურულ-მხატვრული და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

№ 12

დეკემბერი 1976 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Издается

с июня 1957 года

АДРЕС РЕДАКЦИИ

380008, ТБИЛИСИ, ул. ЛЕНИНА, 5.

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора — 93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ

Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) — 93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. В.) — 93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) — 93-65-18

Главный редактор
Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Тенгиз БУАЧИДZE,

Гиви ЖВАНИЯ,

Марк ЗЛАТКИН,

Исидор КОЗАЕВ,

Георгий ЛОМИДZE,

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Гурам ХАРАИДZE
(заместитель главного редактора),

Владимир ХОМУТОВ
(ответственный секретарь),

Эммануил ФЕЙГИН.

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Содержание

К 70-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА	5
ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕР- НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В СВЕТЕ РЕ- ШЕНИЙ XXV СЪЕЗДА КПСС. Доклад первого секретаря ЦК КП Грузии тов. Э. А. Ше- варднадзе на Всесоюзной научно-практической конференции 20 октября 1976 года в г. Тбилиси	7

ПОЭЗИЯ

РЕВАЗ МАРГИАНИ. «1942». Первое видение. Огонь, снег и ранняя весна. Зарисовка. Моление к весне. Молоко. Кажется, рано. Перевод Михаила Си- нелъникова. Беседа с Новым годом. Перевод Елены Николаевской	32
---	----

ПРОЗА

ЭЛИЗБАР МАЙСУРАДЗЕ. Партизаны. Повесть. Окон- чание. Перевод Бориса Пугачева	39
БУРХАН ДЖАХИД. Счастливый род. Рассказ. Перевод с турецкого Серги Джикия	56

ОЧЕРК

РУСУДАН ГУДЖЕДЖИАНИ. Призвание — хирургия. Штрихи к портрету	58
---	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

БАГРАТ ШИНКУБА. За вершиной — вершина	37
ГЕОРГИЙ НАТРОШВИЛИ. «Я живу, я преграды сме- таю...»	61

ГЕОРГИИ МАРГВЕЛАШВИЛИ. Триптих Эммануила Фейгина	70
МАРК ЗЛАТКИН. Свидетельствует современник	70

ИСКУССТВО

ЛАРИСА НАДАРЕИШВИЛИ. «Кавказский меловой круг» театра им. Шота Руставели	79
ГИВИ ДЖОХАДЗЕ. Здравствуй, улыбка!	78

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМНЕНИЯ

СЕРГИ ДУРМИШИДЗЕ. Первый день почетного президента	81
---	----

НАУКА

КОНСТАНТИН ЦЕРЕТЕЛИ. Арамейский язык в Грузии	83
---	----

В МИРЕ КНИГ

А. ГЕРШТЕНБЛИТ. Книга друзей	91
●	
К 80-ЛЕТИЮ Н. С. ТИХОНОВА	92
●	
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУ- ЗИЯ» ЗА 1976 ГОД	93
●	

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ

ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА

Наше великое социалистическое Отечество, страны народной демократии, все прогрессивное человечество с чувством глубочайшего уважения, с искренней любовью и сердечностью отмечают славное семидесятилетие выдающегося марксиста-ленинца, прозорливого руководителя советского народа и Коммунистической партии Советского Союза, общепризнанного лидера мирового коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря ЦК КПСС ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА. Вся наша трудовая планета от души поздравляет с этой знаменательной датой выдающегося деятеля современности и желает ему долгих лет жизни и новых больших успехов на благородном поприще.

Народы знают ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА как виднейшего политического деятеля нашей эпохи, подлинного революционера ленинского типа, мудрого теоретика и замечательного практика. Он обладает счастливой способностью удивительно прозорливо, с четких партийных, классовых позиций решать сложнейшие вопросы внутренней и внешней политики КПСС.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ не только внес огромный вклад в строительство социалистического государства, но и обогатил марксистско-ленинскую теорию и практику эпохи развитого социализма новыми важнейшими положениями с учетом диалектики развития всего нашего общества, мирового коммунистического и рабочего движения.

Вся деятельность ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА направлена на претворение в жизнь важнейшего программного положения КПСС, согласно которому коммунистическое строительство в СССР рассматривается как величайшая интернациональная задача советского народа, отвечающая коренным интересам всей мировой социалистической системы, интересам международного пролетариата, интересам всего человечества.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ разработал узловые вопросы борьбы за мир на современном этапе. Его неустанная борьба за ленинскую политику мирного сосуществования государств с различным социальным строем, за разрядку международной напряженности сделала товарища ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА знаменосцем величайшего движения за мир, выразителем сокровенных чувств всех народов планеты.

Будучи неуклонным проводником ленинской национальной политики, ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ внес огромный вклад в развитие и укрепление мировой социалистической системы. Его последовательная борьба за осуществление ленинской национальной политики в современных условиях знаменует торжество идей марксизма-ленинизма, активно способствует прогрессу человечества.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ, являя собой чудесный пример настоящего интернационалиста, с подлинно ленинской любовью и теплотой относится ко всем братским народам Советского Союза.

ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ не раз проявлял чуткую заботу и исключительное внимание и к грузинскому народу. Грузинский народ никогда не забудет, что в тяжелейшую годину Великой Отечественной войны, когда фашистские полчища рвались к Кавказу, стремясь в числе других закабалить и Грузию, товарищ БРЕЖНЕВ самоотверженно сражался за наш седой край, за судьбу его народов, за их древнейшую культуру и был одним из наиболее выдающихся организаторов защиты Кавказа.

Грузинская советская общественность, весь грузинский народ глубоко благодарны ЛЕОНИДУ ИЛЬИЧУ БРЕЖНЕВУ за то, что три важнейших документа, три исторических решения ЦК КПСС, касающиеся нашей республики, приняты по его инициативе и под его непосредственным руководством; это постановления ЦК КПСС по Тбилисскому горкому, по дальнейшему ускоренному развитию народного хозяйства Грузии и о проведенной парторганизацией республики работе по претворению в жизнь решения ЦК КПСС по Тбилисскому горкому. Эти три исторических документа вместе с решениями XXV съезда КПСС стали той боевой программой, решению которой коммунисты Грузии, весь грузинский народ отдают все свои силы.

Вся наша республика воодушевлена тем радостным обстоятельством, что в Грузинской ССР успешно выполняются задания XXV съезда КПСС по десятому пятилетнему плану. Время со всей очевидностью показывает, как хорошо реализуются все наметки первого года новой пятилетки, а также повышенные социалистические обязательства, взятые тружениками республики.

Можно с уверенностью сказать, что благодаря повседневному руководству ЦК КПСС и большой организаторской работе ЦК КП Грузии в республике создан здоровый морально-политический климат и все условия для успешного выполнения всех предначертаний великой партии Ленина. Мы уже пожинаем те плоды, которые обусловлены исключительной большой работой партийной организации нашей республики.

Писатели Советского Союза, и в частности писатели Грузии, высоко ценят то исключительное внимание и постоянную заботу, которые ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ проявляет в отношении советской художественной интеллигенции. В сердце каждого советского писателя глубоко запали проникновенные слова Генерального секретаря ЦК КПСС, сказанные им с трибуны XXV съезда КПСС об успехах интернациональной советской литературы, о перспективах ее дальнейшего развития и о высокой миссии советских писателей.

Писатели Грузии прилагают все усилия, чтобы идти в ногу с современностью, стоять на уровне высоких требований нашего времени и активно помогать родной Коммунистической партии и ее ленинскому Центральному Комитету в идейно-политическом воспитании трудящихся республики.

Отмечая славное семидесятилетие ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА, писатели Советской Грузии заверяют ленинский Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, лично товарища ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА БРЕЖНЕВА, что они будут и впредь идти в первых рядах тружеников республики и всячески крепить интернациональные узы братства всех народов великого социалистического содружества.

Осуществление ленинской национальной политики и актуальные вопросы интернационального воспитания в свете решений XXV съезда КПСС

ДОКЛАД ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КП ГРУЗИИ
ТОВ. Э. А. ШЕВАРДНАДЗЕ НА ВСЕСОЮЗНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ 20 ОКТЯБРЯ 1976 ГОДА В г. ТБИЛИСИ

Товарищи!

XXV съезд КПСС, обогативший сокровищницу творческого марксизма-ленинизма новыми важнейшими теоретическими выводами и положениями, многогранным практическим опытом политической и организаторской деятельности партии в коммунистическом строительстве, большое внимание уделил вопросам ленинской национальной политики, диалектике национального и интернационального в условиях развитого социализма, проблемам воспитания масс в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма. Это вполне понятно, ибо диалектика национального и интернационального — сложная диалектика, поистине с энциклопедической широтой и полнотой отражающая социально-политические, социально-экономические, идеологические, словом, почти все теоретические и практические грани жизни общества в их непрерывном развитии.

Всесоюзная научно-практическая конференция на тему: «Осуществление ленинской национальной политики и актуальные вопросы интернационального воспитания в свете решений XXV съезда КПСС», созванная в Тбилиси по решению ЦК КПСС, проходит в знаменательное время, в преддверии 60-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в первый год десятой пятилетки, пятилетки эффективности и качества, когда вся наша страна в обстановке невиданной трудовой и политической активности масс успешно претворяет в жизнь исторические решения XXV съезда КПСС.

Докладываю участникам конференции, что в Грузинской республике успешно выполняются задания XXV съезда КПСС по десятому пятилетнему плану. Реализуются планы первого года новой пятилетки, встречные планы, социалистические обязательства. Можно с уверенностью сказать, что наша республика и ее Компартия еще никогда не были вооружены столь научной и конкретной программой действия, как на современном этапе, когда подлинный расцвет экономики и культуры осуществляется на базе решений XXV съезда КПСС и трех

исторических для нас решений ЦК нашей партии: по Тбилисскому горкому, по дальнейшему ускоренному развитию народного хозяйства Грузии и о работе парторганизации республики по претворению в жизнь решения по Тбилисскому горкому партии. Решения XXV съезда партии, эти три документа играют решающую роль в интернациональном и патриотическом воспитании масс.

В республике после известных исторических постановлений ЦК КПСС создается атмосфера подлинного творчества и созидания, здоровый морально-психологический климат. Все это — результат ленинского подхода и к вопросам национальной политики, и пролетарского интернационализма.

Проведение этой конференции в Тбилиси мы расцениваем как большое доверие, одобрение и поддержку осуществляемых в республике мероприятий по дальнейшему оздоровлению морально-психологического климата, по изжитию отдельных проявлений национализма и шовинизма, фактов неклассового подхода к оценке исторических событий, по неуклонному проведению в жизнь ленинской национальной политики нашей партии.

Поэтому разрешите мне от имени Центрального Комитета Компартии Грузии, правительства и всех трудящихся республики поблагодарить Центральный Комитет нашей партии за оказанную нашей республике столь высокую честь и высокое доверие.

Наша конференция представляет собой олицетворение единства партии, интернационалистского характера ее политики, общности наших целей и мыслей. Здесь присутствуют делегации всех союзных республик, почти всех автономных республик, краев, округов и областей. Позвольте от имени партийной организации и всех трудящихся Грузии сердечно приветствовать всех участников конференции — наших дорогих гостей — активных и неутомимых борцов за коммунистические идеалы и выразить им свою признательность за прибытие в Тбилиси и участие в работе конференции.

Проведение научно-практических конференций в различных регионах страны является замечательной системой мероприятий, обогащающих всех нас новым опытом, новыми теоретическими и практическими ценностями.

Наша конференция по своему составу и рассматриваемым проблемам подчеркивает коллективную ответственность всех отрядов партии за разработку и осуществление важнейших аспектов ленинской национальной политики применительно к современному этапу нашего развития, вопросов интернационального и патриотического воспитания масс в свете решений XXV съезда КПСС.

Интересы правильного осуществления на практике ленинской национальной политики требуют дальнейшей разработки и конкретизации ее теоретических основ в духе творческого марксизма-ленинизма.

Как известно, великие основоположники научного коммунизма — Маркс и Энгельс разработали основы теории нации и национальных отношений.

Вслед за Марксом и Энгельсом поистине титанический вклад в развитие теории о нациях и национальных отношениях, в практику и теорию пролетарского интернационализма, как известно, внес великий гений человечества — В. И. Ленин. Практически В. И. Ленин создал научные основы партии рабочего класса, национальной политики социалистического государства, интернационального воспитания трудящихся, которые были, есть и будут магистральным направлением коммунистического и рабочего движения в этой области.

В. И. Ленин дал наиболее полное определение буржуазной нации в следующей формуле: «Язык и территория. Главное. (Экономический признак). Исторический характер»¹.

В этой формуле великого стратега, теоретика, практика, основателя многонационального Советского государства, корифея науки — Владимира Ильича Ленина, с одной стороны, изложено то главное, что характеризует нацию, и, с другой стороны, то, что отличает ее от других социальных и исторических общностей.

Ученики В. И. Ленина опубликовали ряд важных трудов по проблемам марксистского решения национального вопроса. И. В. Сталин, опираясь на учение Маркса, Энгельса, Ленина, в труде «Марксизм и национальный вопрос» дал известное определение нации, которое сыграло значительную роль как в теоретическом, так и в практическом отношениях в борьбе КПСС, коммунистических и рабочих партий за подлинно марксистско-ленинское учение о нации и национальных отношениях, в борьбе против идеалистических и метафизических теорий наций.

На современном этапе марксистско-ленинская теория нации и национальных отношений развивается в документах партийных съездов, пленумов, в решениях Центрального Комитета.

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 30, с. 53.

Огромный вклад в теорию и практику национального строительства в СССР на современном этапе, в разработку стройной научной системы интернационального и патриотического воспитания масс внес Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, который обогатил марксистско-ленинскую теорию и практику новыми важнейшими положениями, идеями с учетом диалектики развития наций и национальных отношений в эпоху развитого социализма, с учетом диалектики развития всего нашего общества и мирового коммунистического и рабочего движения.

Мы все знаем Леонида Ильича Брежнева как глубоко убежденного интернационалиста, виднейшего политического деятеля современности, подлинного революционера ленинского типа, всегда подходящего к решению любых проблем осуществления национальной политики КПСС, ее международной деятельности с четких партийных, классовых позиций. Мы не раз подчеркивали и повторяем это сегодня, что Леонид Ильич с одинаковой любовью, с одинаковой подлинно ленинской теплотой относится ко всем братским народам Советского Союза, всей своей неутомимой деятельностью являет красноречивый пример того, как должен исполнять свой высший интернациональный долг подлинный вождь партии и народа.

В Программе КПСС подчеркивается, что «партия рассматривает коммунистическое строительство в СССР как великую интернациональную задачу советского народа, отвечающую интересам всей мировой социалистической системы, интересам международного пролетариата, всего человечества». И вся практическая деятельность тов. Л. И. Брежнева направлена на претворение в жизнь этого программного положения. Этой исторической цели служат его многочисленные выступления и труды, имеющие огромное теоретическое, поистине основополагающее значение. В докладе о 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик Леонид Ильич Брежнев на основе глубокого анализа закономерностей развития нашего общества, внутренних и внешних аспектов жизни народов СССР и их взаимоотношений научно разработал новые важнейшие теоретические положения о советском народе как новой исторической общности людей, о чувстве общенациональной гордости советского человека и многие другие положения.

Ярким примером подлинно творческого отношения к теории марксизма-ленинизма являются Отчетные доклады Центрального Комитета КПСС XXIII, XXIV и XXV съездам партии. Поднятые в них актуальные проблемы дальнейшей интернационализации советского общества и патриотического и интернационального воспитания трудящихся знаменуют важный этап в выполнении партий своего интернационального долга, вносят ценный вклад в теорию и практику осуществления мудрой ленинской национальной политики КПСС, служат глубокому теоретическому обоснованию конкретных путей в решении проблем расцвета и сближения наций, народностей, упрочения их дружбы и всестороннего сотрудничества, дальнейшего укрепления и развития советского народа, как новой исторической общности людей, коммунистического воспитания масс.

Огромное значение для дальнейшего укрепления дружбы народов имели полувековые юбилеи союзных республик, вылившиеся в яркую демонстрацию поистине несокрушимой силы интернационального единства народов Советского Союза. Присутствие Леонида Ильича Брежнева на этих юбилеях, его яркие, проникнутые подлинно отеческой заботой и теплотой выступления превращали торжества каждой республики в большой общесоюзный праздник. «И каждый раз, — говорил Л. И. Брежнев, — отмечая эти славные годовщины, мы как бы заново переживали героическую историю Советской страны, мы еще и еще раз проходили мысленно тот путь, который вел братские народы к социализму, к дружбе и единству».

Говоря о роли Леонида Ильича Брежнева в решении актуальных проблем социалистического интернационализма, нельзя не отметить его огромный вклад в дело развития и укрепления мировой социалистической системы, социалистического содружества свободных и равноправных наций и государств. Леонид Ильич отмечал, что «мы хотим, чтобы мировая система социализма была дружной семьей народов, вместе строящих и защищающих новое общество, взаимно обогащающих друг друга опытом и знаниями, — семьей, сплоченной и крепкой, в которой люди земли видели бы прообраз будущего мирового содружества свободных народов».

И последовательная борьба Л. И. Брежнева за осуществление ленинской национальной политики в современных условиях обострения классовой борьбы между социализмом и капитализмом имеет всемирно-историческое значение для торжества идей марксизма-ленинизма и принципов пролетарского, со-

циалистического интернационализма на всей нашей планете, для прогресса и светлого будущего человечества.

Тов. Л. И. Брежнев разработал узловые вопросы борьбы за мир на современном этапе развития человечества.

Неустанная борьба за ленинскую политику мирного сосуществования государств с различным социальным строем, разрядку международной напряженности возложила на Л. И. Брежнева роль знаменосца этого величайшего движения современности с вытекающей из нее исторической ответственностью. Тем самым он стал выразителем самых сокровенных чувств всех народов земли.

Л. И. Брежневу безгранично доверяют люди доброй воли всего мира, вся трудовая планета.

Большой вклад в теорию и практику пролетарского интернационализма, расцвета и сближения социалистических наций вносят члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, видные деятели партии и государства. Нельзя не отметить также большую работу в данном направлении ЦК КП союзных республик, краевых, областных комитетов партии, представители которых присутствуют в этом зале.

Партия высоко ценит большую заслугу советских ученых в разработке теории и практики национального и интернационального строительства, в том числе и тех товарищей, которые присутствуют на нашей конференции.

Советские ученые, конкретнее — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, выдвинули формулировку понятия нации, хорошо известную участникам конференции.

Следует отметить, что эта формулировка, безусловно, отражает достижения марксистско-ленинской мысли в области теории нации и национальных отношений.

Усилиями советских ученых многое сделано в разработке понятия социалистической нации, закономерностей развития национальных отношений в условиях зрелого развитого социализма.

Как уже отмечалось, знаменательным итогом социалистического, коммунистического строительства в нашей стране, осуществления социальной и национальной политики партии явилось формирование новой исторической общности людей — советского народа. Понятие «советский народ» стало предметом теоретического осмысления.

Особое значение для формирования советского народа имели пролетарская, классовая солидарность трудящихся и сплочение всего нашего общества на этой основе, решение главных политических, социально-экономических и социально-культурных задач социализма, торжество ленинской дружбы народов, морально-политическое единство наций, населяющих СССР, воспитание советского народа в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Что такое советский народ? В книге «Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях» дана следующая формулировка: «Советский народ — это образовавшаяся в результате социалистических преобразований и сближения трудящихся классов и слоев, наций и народностей новая историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющая единую Родину, территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель — построение коммунизма».

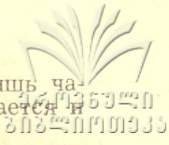
В ходе подготовки к данной конференции некоторые товарищи высказывали мнение по поводу формулировки понятия «советский народ». Они считают, что необходимо на первый план выдвинуть фактор экономической общности советского народа.

Высказывается мнение, что при определении понятия «советский народ», совершенно правильно подчеркивая значение культурной общности, акцент делается лишь на содержание культуры, которое может быть только социалистическим, но открытым остается вопрос о характере формы культуры советского народа, которая на данном этапе является многонациональной. Желательно было бы это подчеркнуть, имея в виду диалектику формы и содержания.

Касаюсь определения понятий — нация, народность, советский народ, мы подразумеваем, что данные формулировки, конечно же, отвечают современному уровню развития этих исторических категорий, единств, что, однако, не исключает дальнейшую работу по установлению абсолютно соответственного определением текста.

В документах партии, творчески развивающих ленинские идеи, четко вырисовываются две взаимосвязанные тенденции: расцвет и сближение наций. Эта диалектическая взаимосвязь состоит в том, что, во-первых, расцвет происходит на основе сближения и ведет к дальнейшему усилению этой тенденции. Во-вторых, сближение осуществляется на основе расцвета.

Социалистическая революция не решила бы возложенную на нее историческую миссию, если бы она не решила национального вопроса. Смело можно

утверждать, что любое демократическое движение, любая революция лишь частично и временно решает вопросы, стоящие перед ними, если не решается национальный вопрос.

Ликвидация социального, так же как и национального, угнетения, построение социалистического, коммунистического общества являются гарантией всестороннего расцвета наций.

Диктатура пролетариата выполнила свою великую общечеловеческую, демократическую миссию, именно демократическую миссию, прежде всего и тем, что она подавила эксплуататорские классы и создала все условия как для социального, так и национального расцвета народов.

Социалистическая перестройка экономики — главная гарантия политического, социального и культурного расцвета нации. Огромную роль в этом сыграла также культурная революция, осуществленная в нашей стране, подлинная свобода личности и расцвет ее дарований.

Сближение наций, так же как и расцвет наций, является главной тенденцией мирового закона социализма в области национальных отношений. Это — историческая закономерность, значение которой все более возрастает в условиях развитого социализма.

Практика показывает, что нельзя смешивать «сближение наций» с их «слиянием». Каждый исторический этап национальных взаимоотношений характеризуется присущими только ему спецификой, особенностями и т. д. Этапу развитого социализма соответствует именно процесс расцвета и интенсивного сближения наций.

Иной раз спрашивают: что является главным в учении Ленина по национальному вопросу — национальное или интернациональное? Расцвет или сближение? Это — ошибочная постановка вопроса. Маркс и Энгельс завещали своим потомкам классический лозунг — «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Этот лозунг был и остается одним из главнейших условий на пути осуществления исторической миссии рабочего класса всей планеты.

Ленин, так же как и Маркс и Энгельс, в борьбе за социализм и коммунизм во главу угла ставил вопрос солидарности и единства пролетариев всех наций и народностей.

Сказать об этом принципиально необходимо, ибо некоторые запутавшиеся в сетях мелкобуржуазного национализма и сегодня односторонне подходят к учению Ленина о нациях и национальных отношениях. В этом учении они видят только положения о правах нации, в том числе о праве нации на самоопределение, о праве нации выделяться в отдельное государство и т. д., но не видят главной стороны вопроса — учения о пролетарском интернационализме.

Являясь великим теоретиком и организатором пролетарского интернационализма, В. И. Ленин требовал устранения всех барьеров и препятствий, которые мешали братству и единству всех народов, всего рабочего класса России. Прежде всего он требовал уничтожения социального и национального гнета, осуществляемого царизмом. Ленин ставил задачу искоренения межнациональной розни, зависти, недоверия между нациями. Страх перед потерей всего национального, национальной самобытности, недоверие и подозрение между народами были теми серьезными препятствиями, которые мешали утверждению пролетарского интернационализма. Необходимо было исключить факторы страха, недоверия и подозрения из сферы взаимоотношений народов.

Ленин считал, что национальная свобода, так же как и свобода личности, не только не противоречит пролетарскому интернационализму, но, наоборот, является его составной частью и обязательным условием его торжества.

Ленин считал, что, если элементы насилия и неравноправия в отношениях между нациями не будут похоронены навсегда, это может нанести непоправимый вред историческому делу социалистического строительства в СССР. Эта ленинская мысль озарилась особым светом его гения на историческом фоне царской России, история которой полна социального насилия над национальным естеством народов, в том числе над национальной сущностью самого русского народа.

Коммунистическая партия создала гарантии, исключаящие насилие, неравноправие, несправедливость между народами, как метод в национальных взаимоотношениях. Эти гарантии, наряду со многими другими факторами, подразумевали самоопределение наций, вплоть до выделения в самостоятельное государство.

В условиях многонационального социалистического государства это было великим революционным учением, великой революционной акцией, которые не только на словах, но и практически, на деле способствовали утверждению доверия между нациями, торжеству веры в счастливый завтрашний день народов.

Развивая ленинское учение о нациях и национальных отношениях, тов. Л. И. Брежнев подчеркивает, что нельзя искусственно ни ускорять, ни тормозить

зить процесс сближения наций. Обе тенденции — как расцвет, так и сближение наций имеют объективный характер, т. е. их можно познать и на этой основе управлять ими, но никто не в силах их отменить. Поэтому любые попытки делать крен только в сторону расцвета нации, пытаться приостановить процесс сближения с другими нациями, могут вести к национальной замкнутости, обособленности. То же самое можно сказать о другой возможной тенденции: стараться брать курс на искусственное слияние наций, на их ускоренную интеграцию без учета интересов их расцвета. И это могло бы лишь нанести вред делу коммунистического строительства.

Современный этап развития истории показывает, что тенденции расцвета и сближения наций, продолжают углубляться и усиливаться. Прогнозировать, хронологически определять время, когда наступит процесс отмирания нации, по меньшей мере рискованно. Ясно одно, что нация — исторически преходящая категория. Имея в виду закономерность развития нации и национальных отношений при социализме, партия делает все для того, чтобы создать все условия, как материальные, так и духовные, для расцвета и дальнейшего сближения наций. И это единственно правильная политика.

Решение национального вопроса в СССР блестяще подтвердило тезис Ф. Энгельса о том, что интернациональное сотрудничество возможно только между равными.

В. И. Ленин писал: «Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию...»¹

В. И. Ленина не удовлетворяла формула «политическое и правовое равенство наций». Он выступил инициатором и организатором достижения фактического равенства наций. Имелось в виду фактическое равенство и в политическом, и в экономическом, и в культурном отношениях.

Советская власть, по словам В. И. Ленина, дала «всем нерусским национальностям их собственные республики или автономные области»².

В ходе социалистического строительства в нашей стране, как известно, сложились четыре формы советской национальной государственности: союзная республика, автономная республика, автономная область и национальный округ. Ныне Союз ССР объединяет 53 национально-государственных образования: 15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов.

В районах расселения национальностей, не имеющих в силу особой малочисленности или рассредоточенности в различных районах страны собственной национальной государственности, действуют местные органы власти, школы, культурно-просветительные учреждения, пресса, радио. Лучшие представители этих народов избираются не только в местные, но и в высшие органы государственной власти.

Грузия — многонациональная республика. В ней проживают представители свыше 80 равноправных наций и народностей.

Исторически так сложилось, что из союзных республик, имеющих в своем составе национально-государственные формирования, после РСФСР, Грузия оказалась республикой, которая из существующих четырех форм национальной государственности включает в себя три: союзную и автономные республики и автономную область. Создание в составе Грузинской ССР Абхазской и Аджарской автономных республик и Юго-Осетинской автономной области оказалось лучшей формой национально-государственного строительства народов Грузии, бурного развития их экономики и культуры, важным средством осуществления национальной политики партии. Автономные республики и автономная область, в свою очередь, являются многонациональными государственными образованиями. Например, в Абхазии проживают представители более 60 наций и народностей.

Строительство национальной государственности народов Грузии под руководством ЦК КПСС направляет Коммунистическая партия Грузии — один из старых и боевых отрядов ленинской партии. Ныне она объединяет в своих рядах лучших представителей 75 наций и народностей. На 1 января 1976 года в парторганизации Грузии насчитывается 318.371 коммунист. В том числе: грузин — около 250 тыс., армян — более 22 тыс., русских — 17 тыс., украинцев — около 3 тыс., азербайджанцев — более 6 тыс., абхазцев — около 5 тысяч, осетин — 10 тысяч и т. д. Состав партийной организации республики является живым воплощением социалистического интернационализма и ленинской дружбы народов.

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 45, с. 211.

² В. И. Ленин, ПСС, т. 44, с. 146.

Структура построения высших органов государственной власти и государственного управления обеспечивает решающее участие трудящихся всех национальностей в управлении республикой.

В состав Верховного Совета Грузинской ССР 9-го созыва избрано 2400 депутатов, представителей разных наций и народностей. Более половины депутатов составляют рабочие и колхозники.

Из 49.248 депутатов местных Советов Грузинской ССР 33.174 человека (или 67,4 проц.) составляют рабочие и колхозники.

Эти статистические данные свидетельствуют о том, что политический расцвет грузинской нации, а также всех других наций и народностей, населяющих республику, вполне обеспечен и в том смысле, что в законодательных, исполнительных и прочих органах власти закономерно представлены все нации, все социальные классы, все слои населения.

Наша республика, как и все республики Страны Советов, обладает атрибутами государственности, имеет свою Конституцию, высшие законодательные органы — Верховный Совет республики, его Президиум, свою исполнительскую власть и т. д. Все это дала грузинской нации Великая Октябрьская социалистическая революция. С другой стороны, конституционные атрибуты являются гарантией проведения в жизнь интернационалистской политики партии и государства.

Конституционная государственность позволяет нам осуществлять большие политические, экономические, воспитательные, законодательные, административные функции в рамках Конституции СССР и Конституции республики. Комплексные государственные функции республика осуществляет в области планирования, производства, сбыта, культуры, просвещения и т. д., т. е. она осуществляет полный цикл экономических, политических, культурных и прочих государственных функций.

Суверенитет республики находит свое отражение и в необходимости нашего права бороться за дальнейший расцвет грузинского и всех проживающих в Грузии народов в братской семье социалистических наций, за благосостояние трудящихся республики, значит, всего советского народа, ибо грузинский народ, как и все народы СССР, — составная часть советского народа. Бороться за то, чтобы сделать достоянием народа все больше социальных и материальных благ, чтобы производить продукции больше и лучшего качества, развивать производительные силы, строить больше квартир и школ, детских садов и яслей, бороться за образцовый правопорядок и моральную чистоту, за процветание нашей великой Родины, за дружбу и братство народов. Вот в чем заключается наш суверенитет в действии. Безоблачный завтрашний день нашей нации и всех народов, счастье и процветание живущих и будущих поколений народа — вот наш суверенитет в действии.

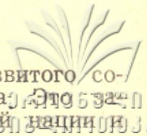
Возьмем экономику. Республика среди других прав, которыми она пользуется, имеет безусловное право и возможность вкладывать в народное хозяйство и культуру огромные все возрастающие средства. Так, например, если в 7-й пятилетке капитальные вложения государственных и кооперативных предприятий и организаций по Грузинской ССР составляли 2 млрд. 678 млн. рублей, то в 8-й пятилетке — 4 млрд. 312 млн. рублей, а в 9-й пятилетке — 5 млрд. 374 млн. рублей, в десятой же пятилетке этот показатель достигнет 6 млрд. 816 млн. рублей.

Или возьмем динамику роста национального дохода по Грузинской ССР за последние 15 лет. В 1960 году национальный доход республики составил 2 млрд. 132 млн. рублей, в 1970 году — 4 млрд. 099 млн. руб., а в 1975 году — 5 млрд. 253 млн. рублей. Это говорит о том, что никто не посягает и не может посягать на право республики увеличивать из года в год свой национальный доход. Растет национальный доход в расчете на душу населения. Если в 1960 году на душу населения производилось национального дохода в объеме 513 рублей, то в 1975 году — более 1.000 рублей, а в 1980 году он достигнет 1.276 рублей.

Это — великие права, завоеванные социализмом!

На страже завоеваний революции, национальных и интернациональных интересов Советской Грузии, как и всех республик, стоят КПСС, великая партия Ленина, партийные, советские, профсоюзные, комсомольские организации.

Тов. Л. И. Брежнев в интервью Французскому телевидению совершенно справедливо отметил, что «наши государственные органы — Верховный Совет СССР, Совет Министров СССР, республиканские, местные органы власти имеют четко очерченную компетенцию, определенную Конституцией. Они выработывают законы, следят за претворением их в жизнь, обеспечивают работу хозяйственного организма, развитие науки, культуры, народного образования, здравоохранения и т. д.».

ЦК КП Грузии в своей работе учитывает, что в условиях развитого социализма все более усиливается социальная однородность общества. Это закономерно как в отношении всей страны, так и в отношении каждой национальной общности, отдельно взятой, в отношении каждой республики.

Эта социально-классовая однородность народов, их единые классовые цели, их морально-политическое единство — гарантии дальнейшего сближения наций.

Благодаря мудрой политике КПСС социальная жизнь нашей республики дышит марксистско-ленинскими идеями социалистического интернационализма. Об этом красноречиво говорит хотя бы национальный состав населения республики. В рядах рабочего класса республики дружно трудятся представители более 80 национальностей и народностей, в том числе около 600 тыс. грузинских рабочих, свыше 125 тыс. русских, 95 тыс. армян, 57 тыс. азербайджанцев, 10 тыс. абхазцев, 38 тыс. осетин, 18 тыс. украинцев и т. д.

Трудно переоценить историческую роль рабочего класса в формировании и развитии новой исторической общности людей — советского народа. Рабочий класс — главная производительная сила общества. Его идеология и политический облик, его философское кредо, его мораль и нравственность являются фундаментом, краеугольным камнем новой исторической общности людей — советского народа.

Интернациональны по своему духу и составу и колхозное крестьянство республики, и интеллигенция.

Опыт национально-государственного строительства народов СССР и стран социалистического содружества убедительно свидетельствует о том, что национальные и интернациональные задачи рабочего класса составляют неразрывное единство, что только правильное сочетание интернациональных и национальных задач трудящихся обеспечивает сближение и братское сотрудничество различных наций в борьбе за социализм. «Опираясь на взаимную братскую помощь. — говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза, — в первую очередь на помощь великого русского народа, все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру»¹.

В решении национального вопроса в Грузии и формировании национальных отношений внутри республики и за ее пределами решающую роль сыграли вождь революции В. И. Ленин, КПСС, рабочий класс России, великий русский народ, все народы нашей страны.

Мы особо должны остановиться на роли великого русского народа в национальном строительстве СССР. Дружба, укрепление братства с русским народом — одна из главных забот наших народов, святая обязанность каждой союзной/и автономной республики сейчас и в будущем.

Дружба народов СССР зиждится на цементирующей роли русского народа в нашем содружестве наций. Поэтому как зеницу ока мы должны беречь дружбу и братство с великим русским народом, достойно оценивать и уважать ту великую роль, которую играет русская нация в укреплении дружбы народов СССР, стран социализма, в жизни всего прогрессивного человечества как ведущей нации среди равных народов нашей страны. В этом видят свой святой долг коммунисты Грузии, коммунисты всех братских народов страны. Речь идет о том, чтобы политические и социальные чувства народов, чувства симпатии, дружбы и братства превратить в несокрушимую политическую силу, способную еще более крепко цементировать экономические, политические, социальные и прочие основы нашего государства и нашего общества. Мы хорошо помним, что русский народ сыграл историческую роль в деле формирования и становления грузинской нации, в деле объединения раздробленной, разрушенной, стоящей на грани физического и духовного истребления Грузии. То же самое могут сказать все народы СССР.

Почему именно на русский народ, на его рабочий класс возложила история миссию сыграть главную роль в создании СССР, упрочении дружбы народов, в национальном освобождении и становлении союзных и автономных республик как суверенных государственных формирований?

Как известно, в формировании русского народа в качестве социалистической нации ведущую роль сыграл русский рабочий класс, мировоззрением которого является марксизм-ленинизм — самая передовая идеология в мире, русский рабочий класс, который был движущей силой трех русских революций и который прорвал фронт мирового империализма в его наиболее слабом звене — в царской России. Перемещение центра революционного движения в Россию, формирование русского пролетариата, несущего в себе идеи дружбы

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, с. 16.

народов, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, и ряд других объективных и субъективных факторов создали условия для формирования и выдвижения русской социалистической нации в качестве ведущей элиты среди равных народов страны.

Россия — родина ленинизма — марксизма эпохи пролетарских революций и диктатуры пролетариата, марксизма эпохи общенародного социалистического государства и развернутого строительства коммунизма.

В этом году исполнилось 175 лет со дня фактического присоединения Грузии к России. В 1983 году исполнится 200 лет с того дня, когда правители России и Грузии оформили первый государственный договор, решивший судьбу добровольного присоединения Грузии к России.

Разрешите более детально остановиться на этом вопросе, т. к. пути присоединения Грузии к России, братания навечно русского и грузинского народов характерны и для многих других народов Советского Союза.

Юбилей присоединения Грузии к России — это праздник ленинской дружбы народов.

Через несколько дней состоится объединенная научная сессия Академии наук Грузинской ССР, Союза писателей республики и ученого совета Тбилисского государственного университета, посвященная этой знаменательной дате.

Предстоящую научную сессию мы рассматриваем как начало той большой работы, которая намечается в республике по празднованию 200-летия со дня подписания Георгиевского трактата о добровольном присоединении Грузии к России.

В связи с этим необходимо коснуться следующей проблемы.

В нашей прогрессивной историографии присоединение Грузии к России всегда интерпретировалось вообще как прогрессивное событие, но при освещении решения известной альтернативы рассматривалось, как «меньшее зло». Те ученые и деятели, которые пустили в научный оборот термин «меньшее зло», видимо, нашли не лучший термин, не лучшие слова для выражения всех аспектов исторического смысла присоединения Грузии к России.

Речь идет о том, что истории дружбы русского и грузинского народов не подходит слово «зло», как бы оно ни применялось. Зло есть зло, независимо от того, меньшее оно или большее.

От изменения прилагательного в конечном счете его природа не меняется.

Поэтому, видимо, было бы вернее, если бы мы отказались от термина «меньшее зло» не только путем его забвения, а принципиального отрицания во всех случаях, когда вопрос касается освещения истории присоединения Грузии к России. Это не противоречит принципам классовости, партийности, другим марксистско-ленинским методологическим принципам исторической науки.

Когда мы говорим о прогрессивном значении присоединения Грузии к России, имеем в виду отнюдь не воссоединение царских династий. Главное — воссоединение демократических слоев русского и грузинского народов, их совместный выход на арену истории, совместный выход на попрание будущих классовых битв русских и грузинских могильщиков эксплуататорских классов. В этом — подлинный смысл истории нашего Отечества.

Из истории мы берем в настоящее и будущее революционный огонь, огонь прогресса, а пепел остается в прошлом. Этим огнем истории навеки освещено и освящено братство русского и грузинского народов.

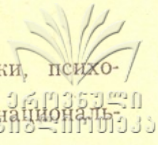
Рождение этого негасимого огня, факелом освещающего путь нашим народам, празднуем мы — далекие, но благодарные потомки тех мудрых людей, которые так верно решили историческую альтернативу.

С освещения вопроса истории присоединения Грузии к России надо сдернуть шелуху т. н. «меньшего зла», и должна благословить его своим огнем история, которая развивается по законам диалектики, образно говоря, по восходящей диалектической спирали добра. Это единственно правильный подход к проблеме.

Ленинизм учит: чтобы не ошибиться в оценке явления, необходимо проследить за диалектикой его развития — чем данное явление было, через какие этапы развития оно прошло и чем оно стало теперь.

После присоединения Грузии к России ускорилось формирование сначала грузинской буржуазной нации, а затем социалистической грузинской нации. А в эпоху зрелого социализма грузинская нация стала неотъемлемой частью новой исторической общности людей — советского народа.

Грузия за два века дружбы и братства с Россией отнюдь не потеряла признаков нации, как утверждают наши недруги за рубежом. Наоборот, только укрепив свои узы с русским народом, грузинская нация смогла сохранить и

развить такие феномены, как общность языка, территории, экономики, психологии, культуры.

Путь от языка феодальной эпохи к современному развитому языковому развитию — вот путь грузинской нации в языковом развитии.

Неузнаваемо изменились территория Грузии, ее облик. Везде и всюду чувствуются следы творческого созидательного гения народа, проявляющегося в таких ценностях, как новые города, новые села, новые фабрики, заводы, ГЭС, и т. д. Появились новые моря, вспять потекли реки.

За годы дружбы с русским народом Грузия проделала исторический путь от экономики феодальной Грузии к экономике Советской Грузии.

Грузинский народ за это время не только не утратил своеобразные формы национальной психологии, но, наоборот, обогатился новыми чертами, а в условиях существования социалистической нации и новым содержанием.

За годы дружбы и братства с русским народом грузинская нация не только не потеряла своей культуры, а наоборот, совершила революционный скачок от феодальной культуры к национальной по форме и социалистической по содержанию, процветающей, новой культуре грузинского народа.

Все это исторический, хронологически далекий, но вполне логический результат присоединения Грузии к России.

Сбылась вековая мечта лучших сынов грузинского народа о превращении разрозненных царств и княжеств Грузии в единый, могучий, цветущий организм.

Царская Россия действительно была «тюрьмой народов», царизм — международным жандармом, а трон Романовых — орудием социального и национального угнетения, в том числе угнетения самого русского народа. Но это всего лишь одна сторона вопроса. И вовсе не главная сторона, когда речь идет об истории присоединения Грузии к России.

Тот, кто видит в факте присоединения Грузии к России лишь потерю грузинской государственности, но не видит создания с помощью русского народа новой, небывалой и невиданной государственности грузинского народа, тот слепой.

Тот, кто видит наступление царизма на грузинский язык и культуру, но не видит, что этот язык и культура могли вообще погибнуть без присоединения Грузии к России, или слепой, или враг дружбы народов.

Тот, кто за царским двуглавым орлом не видит настоящего орла истории — великого русского народа, тот либо слеп, либо враг дружбы наших народов.

Руку помощи нам протянула Россия, великий русский народ.

Присоединение Грузии к России — это одна из важнейших акций в жизни нашего народа, о которой пишут много и пишут хорошо. Вместе с тем нельзя не отметить, что отдельные авторы среди мотивов присоединения Грузии к России в качестве главного называют единоверие. Практически и фактически, доверяя судьбу своего народа России, лучшие сыны грузинского народа имели в виду не только и не столько фактор единоверия. История знает не один пример, когда сильные государства поглощали, уничтожали слабые, несмотря на то, что объединяло их одно вероисповедание.

Главное и определяющее, что привлекло грузин, как и все другие народы, оказавшиеся перед лицом известной альтернативы, к русскому народу, следует искать в их природе и характере, которые формировались в течение многих веков.

Русскому народу, его духовному существу присуще обостренное чувство социальной справедливости; это чувство справедливости выстрадано русским народом в исторических битвах с царизмом, в классовой смертельной борьбе с феодалами, помещиками и буржуазией, в которых он возмужал и возвеличился.

У русского народа очень обострено чувство национальной свободы, национальной справедливости. Это тоже имеет свое историческое объяснение. Это чувство рождалось, крепло и процветало в битвах с иноземными захватчиками, в 300-летней борьбе с татаро-монгольским игом, в битвах со шведами, с Наполеоном, с немецкими и многими другими захватчиками.

В деле становления и формирования характера русского народа немаловажную роль играл тот факт, что он обладал огромной, необъятной территорией, неиссякаемыми природными богатствами. Русский народ издавна был многочисленным, могущественным, гениальным и великодушным. Все это рождало у других народов чувство искренней любви и доверия к русскому народу, и они не ошиблись.

И еще: история ставила перед грузинским народом, как и перед другими народами, задачу освоения достижений мировой цивилизации, науки и культуры, имевшую жизненное значение для существования нации. Путь к этим сокровищам, как это предвидели наши дальновидные предки, вел только к ве-

ликой России. Иным выбором был бы путь к средневековой тьме и отсталости, физическому и духовному перерождению.

Чувство социальной и национальной справедливости, чувство советского патриотизма и пролетарского интернационализма органически присущи русскому народу, являются теми непреходящими чертами, на которых, наряду с другими факторами, зиждется ленинская дружба народов.

В мире нет другого народа, который сделал бы так много для счастья и благополучия других народов, так искренне и так бескорыстно, часто ценой больших жертв и лишений, как это делает русский народ.

Призная историческую миссию русского народа в упрочении содружества народов, партия возвысила и по достоинству оценила все народы, все республики Советского Союза. Партия открыла все возможности, чтобы плоды таланта и способностей каждой нации и народности неиссякаемым потоком вливались в сокровищницу мировой цивилизации.

Мы справедливо гордимся тем, что нации и народности СССР никогда не оставались в долгу перед русским народом, содружеством народов. Дружба народов СССР — это дружба достойных и равных наций.

Предметом особой национальной гордости для нас, грузин, так же как и для других представителей народов СССР, является то, что мы всегда достойно выполняли свою миссию, миссию дружбы и братства, которую возложила на нас история. Ведь у каждого народа своя миссия в истории. Наш народ всегда был верным другом и братом великой России, будь то годы испытаний или счастья. Эта традиция стала железным законом нашей жизни.

Сегодня нужно вспомнить и то, что присутствие России в Передней Азии было прогрессивным явлением не только в жизни народов Закавказья, но и других народов, проживающих в этом регионе планеты. Здесь воцарился долгожданный мир. Мы законно гордимся тем, что Грузии принадлежит достойный вклад в этот исторический прогресс.

Компартия Грузии верна великим революционным интернациональным традициям большевиков Закавказья. Как известно, великий Ленин высоко оценивал работу закавказских большевиков. В письме А. М. Горькому Владимир Ильич писал: «У нас и на Кавказе с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали вместе, в единой с.-д. организации больше десяти лет. Это не фраза, а пролетарское решение национального вопроса. Единственное решение»¹.

Мы, грузины, как и все народы СССР, счастливы и горды тем, что у нас так много верных друзей и братьев: русских и украинцев, белорусов и казахов, узбеков и азербайджанцев, литовцев и латышей, эстонцев и таджиков, армян и киргизов, молдаван и туркмен, представителей свыше ста наций и национальностей.

XXV съезд КПСС дал ясные установки в области дальнейшего укрепления могущества советского народа, расцвета и сближения социалистических наций, роста интернационалистского сознания масс.

Товарищи!

Экономика — основа политики. Экономика СССР интернациональна по своей природе, значению и условиям развития. Она является материальной основой жизни советского народа как новой исторической общности людей.

Компартия Грузии особое внимание уделяет вопросам развития экономики республики — неотъемлемой части экономики СССР, являющейся единым народнохозяйственным комплексом. Учет общесоюзных и республиканских интересов лежит в основе нашей экономической политики, обеспечивающей расцвет и сближение наций, интернационализацию нашей жизни на основе марксистско-ленинского учения о нациях и национальных отношениях.

Как развивается экономика наций и народностей СССР в условиях развитого, зрелого социализма?

По сравнению с 1922 годом, годом образования СССР, в 1972 году, например, в РСФСР объем промышленного производства возрос в 308 раз. Украинской ССР — в 176 раз, Белоруссии — в 343 раза, Узбекской ССР — в 239 раз, Казахской ССР — в 600 раз, Грузинской ССР — в 161 раз, Азербайджанской ССР — в 67 раз, в Армении — в 527 раз и т. д.

Источником бурного развития экономики СССР являются преимущества социалистической системы хозяйствования.

Экономическая жизнь нашего многонационального государства в аспекте развития национальных экономик характеризуется двумя дополняющими друг друга тенденциями. С одной стороны, происходит расцвет народного хозяйства республик. С другой стороны, этот расцвет национальных экономик осуществляется в условиях социалистических принципов размещения производства, в частности, специализации и комплексного развития хозяйства союзных рес-

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 48, с. 162.

публик с учетом их природных и экономических особенностей. Это означает установление постоянных форм межреспубликанского разделения труда, что является основой растущего экономического сближения республик, регулярного, межнационального обмена средствами производства и предметами потребления. Таким образом, экономический расцвет и экономическое сближение нации — процессы, дополняющие друг друга.

Лишь на основе сотрудничества, на основе специализации и кооперирования между экономическими регионами каждая республика может развивать свою экономику высокими темпами. Специализация создает благоприятные условия для наиболее экономного производства различных видов продукции. Кооперирование производства объединяет хозяйства республик в один комплекс и способствует развитию межнациональных экономических связей, усиливает процесс интернационализации экономики.

В ныне сложившейся структуре промышленного производства Грузинской ССР к отраслям всеоюзной специализации относятся: добыча марганцевых руд и производство различных сплавов из них, выпуск некоторых видов стального проката (в частности труб нефтяного сортамента), производство технологического оборудования для пищевой промышленности, крупных транспортных и электротехнических машин, горношахтного оборудования, металлорежущих станков и т. д. Развитие этих отраслей — наш первейший интернациональный долг и дело национальной чести.

То же самое можно сказать о сельском хозяйстве Грузии. Сельское хозяйство республики с учетом почвенно-климатических и других природных условий в общесоюзном разделении труда специализируется на выпуске продуктов, участвующих в покрытии общесоюзных потребностей в натуральном виде или после промышленной переработки, в частности на производстве зеленого чайного листа, цитрусовых, винограда особых промышленных сортов, плодов, высококачественного табака, эфирноосов, некоторых лекарственных растений и т. д.

Плановое ведение хозяйства предполагает дополнение отраслей специализации производством элементов комплекса, рассчитанных на обеспечение выполнения республикой своих интернациональных обязательств перед общесоюзной системой разделения труда, на покрытие местных производственных и потребительских нужд. В промышленности к таким элементам комплекса относятся электроэнергетика, топливная промышленность, производство некоторых изделий химической промышленности, промышленность строительных материалов, производство стройдеталей, минеральных удобрений, выпуск сельскохозяйственных машин и т. д. В сельском хозяйстве к отраслям, образующим комплекс местного назначения, относятся животноводство и кормопроизводство, зерновое хозяйство, овощеводство, картофелеводство, бахчеводство и др.

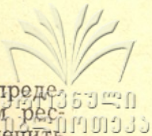
Характеристика ввоза и вывоза продукции по Грузинской ССР также красноречиво говорит о тенденциях расцвета нашего народа и его сближения с другими нациями, 10 процентов вывозимой за пределы республики продукции поставляется на экспорт.

В интернационализации народного хозяйства, в использовании преимуществ специализации, разделении труда достигнуты замечательные успехи. Но было бы глубочайшей ошибкой считать достигнутое пределом.

XXIV и XXV съезды КПСС требуют обеспечить дальнейшее совершенствование размещения производительных сил, улучшить территориальные экономические связи, повысить роль союзных республик и местных Советов депутатов трудящихся в решении вопросов размещения производительных сил, обеспечить рациональное сочетание отраслевого и территориального планирования. Правильное размещение и развитие производительных сил гарантирует равноправие народов, создает материально-техническую базу для фактического осуществления равноправия республик и успешного выполнения ими того интернационального долга, который возлагает история на каждую из них.

В экономическом отношении между республиками важную роль играет социалистический принцип — распределение по количеству и качеству труда, обуславливающий высокий жизненный уровень трудящихся всех наций и народностей. Осуществляя этот принцип, Советское государство научно регулирует распределение национального дохода, с целью решения неотложных общесоюзных и союзно-республиканских задач в их органическом единстве. Лучшей иллюстрацией этого положения является постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии народного хозяйства Грузинской ССР».

Прогресс республик обеспечивается осуществлением глубоко научной, гибкой стратегии и тактики Коммунистической партии в области экономики. Это соответствующие плановые задания, обеспечивающие опережающие темпы развития отдельных союзных республик по сравнению с другими. Это разные объ-

ем капиталовложений в экономику каждой советской республики, перераспределение доходов с оборота, это выделение дополнительных ассигнований тем республикам, где нужно в интересах всего народного хозяйства страны обеспечить более значительный рост промышленности и других отраслей народного хозяйства.

Международные экономические отношения успешно развиваются в условиях правильного сочетания принципа централизованного отраслевого управления с расширением прав союзных республик в сфере хозяйствования. Эти два процесса — централизованное управление экономикой и расширение прав союзных республик, краев, областей — две стороны единого диалектического процесса. Расширение прав союзных республик не означает децентрализации управления экономикой, но усиливает ее демократические основы.

Управлять экономикой Советской страны возможно только на основе общегосударственного планирования. Ленин писал: «Коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране»¹.

Развитие местной самостоятельности и инициативы хозяйственных органов связано с дальнейшим развитием советской демократии и демократических основ нашей экономики. Только так можно преодолеть диспропорции, возникшие в экономическом развитии отдельных республик и регионов.

Выравнивание уровней народного хозяйства республики и крупных экономических регионов не следует понимать в смысле механического нивелирования всех экономических показателей или же слепого копирования каждой республикой среднесоюзной структуры производства. Это означало бы отказ от обоюдной выгоды, связанной со специализацией хозяйства республик с учетом особенностей местных почвенно-климатических, географических, экономических, историко-культурных условий. Но возражение против механического нивелирования и слепого копирования общесоюзного уровня и структуры не должно означать отказа также от самого существа выравнивания — этого программного требования партии в отношении национальных моментов в хозяйственном строительстве. Главное — хорошо считать, что создает и что потребляет каждый гражданин, какова производительность труда каждого, какими путями можно повысить вклад каждой республики в укрепление экономического фундамента дружества народов.

Всем известно, что в силу ряда причин, которые были вскрыты на последних пленумах ЦК КП Грузии и собраниях партийного актива, на XXV съезде КП республики, в Грузии за последние годы наметилась негативная тенденция замедления темпов роста народного хозяйства и относительного отставания уровня ее экономического развития. Помощь, как всегда, и на этот раз пришла от ленинского ЦК КПСС и Советского правительства. Первым проявлением этой помощи было постановление ЦК КПСС от 22 февраля 1972 года по Тбилисской городской парторганизации, в котором вскрывались серьезные недостатки и нарушения в постановке партийно-организационной, политической и идеологической работы по претворению в жизнь решений XXIV съезда КПСС. Второе постановление «О мерах по дальнейшему развитию народного хозяйства Грузинской ССР», принятое по инициативе и указанию Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, представляет собой прямое продолжение и логическое завершение первого постановления. Если в первом вскрыты негативные явления, недостатки и ошибки в руководстве хозяйством, то второе постановление определяет основные направления и методы хозяйствования, указывает источники ускорения роста экономического потенциала. Программа действия стала еще более ясной и конкретной после известного постановления Центрального Комитета КПСС по Грузинской партийной организации, принятого также по личной инициативе Л. И. Брежнева.

Намеченная постановлениями партии программа ускоренного экономического развития нашей республики не имеет себе равной в ее многовековой истории. Это вызвало горячий энтузиазм трудящихся республики.

Стремясь к успешному выполнению заданий десятой пятилетки, желая внести достойный вклад в дело подъема экономической и оборонной мощи нашей великой Родины, труженики республики высоко поднимают знамя социалистического соревнования. Ныне социалистическим соревнованием охвачены в республике 1 млн. 170 тыс. человек. У нас 228 тыс. ударников коммунистического труда, 15 тысяч бригад коммунистического труда, 3.460 цехов и участков коммунистического труда.

Интернационализм творит чудеса и в сфере формирования коммунистических общественных отношений. Это прежде всего ярко проявляется в коммунистическом отношении к труду, в развитии социалистического соревнования между республиками, городами, трудовыми коллективами.

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 36, с. 393.

Традиционным стало социалистическое соревнование между Закавказскими республиками — Азербайджаном, Арменией и Грузией. С полным основанием можно сказать, что это соревнование между нашими республиками стало школой патриотического и интернационального воспитания масс.

Социалистическое соревнование не только школа хозяйствования, но и академия интернационального воспитания трудящихся, особенно молодежи.

Наши трудовые коллективы, как уже отмечалось, это подлинно интернациональные коллективы. В трудовых коллективах Руставского металлургического, Тбилисских авиационного и электровозостроительного, Кутаисского автозавода и во многих других коллективах трудятся и соревнуются представители десятков национальностей. Каждый трудовой коллектив интернационален по духу и по составу.

Каждая единица промышленной, сельскохозяйственной и прочей продукции, выпускаемая народным хозяйством республики, духовные ценности, созданные талантом народа, — плод интеллектуального и физического труда детей разных народов, сплоченных воедино в прочные трудовые коллективы всеобщими идеями интернационализма. В этом отношении наши трудовые коллективы и их партийные организации — первичные ячейки новой исторической общности людей — советского народа. Они несут в себе многие черты трудовых коллективов коммунистического завтра.

Многие города и села республики являются классическими примерами живого интернационализма в действии.

В городе Рустави бок о бок живут, трудятся и соревнуются в единой братской семье представители 40 национальностей. Город Рустави — творение рук, сердец и интеллекта всех советских народов. Рустави строила вся страна. Так было в прошлом. Так обстоит дело и сегодня. Гордость республики — ИнгуриГЭС также строит вся страна. Совсем недавно на карте республики появился новый город — Маднеули. Этот город-труженик не только форпост грузинской цветной металлургии, но и живой монумент созидающей силе интернационализма. Его воздвигал на нашей грузинской земле творческий труд тысяч представителей различных наций и народностей.

Грузия становится республикой большой нефти. Грузинская нефть — детище совместной работы интернациональных коллективов нефтяников страны, в том числе нефтяников Кубани, Азербайджана, Чечено-Ингушетии, Башкирии, Татарии, нефтяников многих народов нашей великой Родины.

Наряду с промышленными предприятиями крепят свои интернациональные связи и труженики сельского хозяйства. Более 200 совхозов и колхозов республики соревнуются с тружениками сельского хозяйства братских республик.

Широко используются возможности школ коммунистического труда по интернациональному воспитанию рабочих и служащих.

Социалистическое соревнование помогает нам поднимать экономику как отдельных регионов, так и всей страны, тем самым выполнять свой интернациональный долг перед страной, перед всеми братскими народами, оно способствует обмену опытом, знаниями между народами, помогает ускорению научно-технического прогресса, цементирует дружбу трудовых коллективов, формирует традиции соревнования и братства, передающиеся из поколения в поколение. Именно поэтому ЦК Компартии Грузии создал стройную систему по руководству социалистическим соревнованием. При Центральном Комитете партии действует республиканская комиссия по руководству социалистическим соревнованием во главе с первым секретарем ЦК партии. Аналогичные региональные комиссии созданы при обкомах, горкомах, райкомах партии, министерствах, в трудовых коллективах.

Считая своим патриотическим и интернациональным долгом максимальное увеличение вклада нашей республики в общесоюзную экономику, Компартия Грузии объявляет непримиримый бой местничеству и ведомственности, выступает против потребительских и индигенческих настроений. Она всемерно будет продолжать индустриализацию республики, развивать ее народное хозяйство с учетом новейших достижений научно-технической революции. Мы будем стараться разумнее, эффективнее, рациональнее использовать природные богатства и среду обитания, экологическую среду, будем повышать коэффициент интернационализации народного хозяйства Советской Грузии.

Торжеству идей пролетарского интернационализма способствовало не только развитие экономики Советской Грузии, но и расцвет ее культуры. ЦК КП Грузии, местные партийные органы в повседневной работе учитывают, что социализм создает невиданные условия для взаимообогащения национальных культур, всеобщего образования, развития науки, литературы и искусства, роста национальной интеллигенции, и стремятся максимально использовать эти блага.

Об осуществлении подлинной культурной революции в Грузии говорят следующие данные. Край, где в 1897 году свыше трех четвертей населения было неграмотным, стал республикой сплошной грамотности. На 1 января 1971 года из 406 тысяч занятых в народном хозяйстве специалистов 58 процентов имело высшее образование и 42 процента — среднее специальное образование. В 1975 году в Грузии насчитывалось 193 научных учреждения против 10 в 1913 году и 89 — в 1940 г.; общая численность научных работников достигла 25 тысяч человек. По многим показателям развития науки и культуры Советская Грузия вышла на самые передовые позиции в мире.

ЦК КП Грузии в своей практической деятельности по усилению влияния партии на формирование культуры проживающих в республике народов исходит из того, что культура каждого народа СССР — составная часть социалистической культуры. Уровень развития той или иной национальной культуры тем выше, чем больше в ней элементов общечеловеческой культуры, чем больше вклад той или иной нации в общечеловеческую культуру, которая формируется на базе взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур.

Культура нашего народа, как и культура всех народов СССР, национальная по форме и интернациональная, социалистическая по содержанию. Однако диалектика формы и содержания национального и интернационального, того, что интернациональные начала непременно проникают и в национальную форму, а содержание не может быть интернациональным, если не отражает самые прогрессивные, самые возвышенные революционные, классовые и национальные идеалы.

Через социалистический интернационализм реализуются самые сокровенные национальные идеалы. Поэтому интернационализм — высшая форма национальной жизни.

Осуществляя работу по усилению интернационального воспитания масс, изыскивая пути наиболее эффективного использования закона социализма о расцвете и сближении наций и национальных культур, мы учитываем, что расширяется понятие национального. К этому ведет, во-первых, обостренное ощущение времени, во-вторых, усиление интернационального в национальном. Как гласит одна старая философская формула, люди больше похожи на свое время, нежели на своих родителей. Преемственность — это вовсе не только копирование прошлого, и под национальной формой не обязательно понимать только все древнее, только все этнографическое. Бережно относясь к достойному наследию прошлого, нельзя не учитывать того, что привносят в понятие национального социалистическая революция, строительство коммунизма, наша динамичная эпоха.

Интернационализм творит чудеса в сфере создания духовных ценностей. Это прежде всего ясно проявляется во взаимовлиянии и взаимопроникновении социально-экономических, морально-политических, культурных ценностей народов, живущих в условиях развитого социализма.

Наши научные коллективы, Академия наук Грузинской ССР, другие научные центры, творческие союзы писателей, композиторов, кинематографистов, художников, архитекторов, Театральное общество — интернациональны и по духу, и по составу. Конечный результат их труда — открытия в науке, новые произведения литературы и искусства — служат делу интернационализма, делу научного и культурного прогресса наших народов.

Правильно отмечают советские ученые, что при социализме интернациональна почти вся материальная, а также значительная часть духовной культуры. Социалистический образ жизни сблизил во многом нравственную жизнь, характер деятельности, поведения, всего того, что можно назвать культурой чувств советских людей. Национальное своеобразие больше дает о себе знать в культуре быта и художественной жизни, а также в языках различных наций и народностей.

Советская литература и искусство имеют единый метод художественного познания и изображения действительности — социалистический реализм, который требует отображения жизни в ее революционном развитии.

При социализме утверждаются чувства интернационализма, развиваются интернациональные основы культуры, но это не ведет ни к механической нивелировке, ни к однообразию культур. Наоборот, только социализм открывает истинные возможности для разнообразия прогрессивных жанров, стилей, современных выразительных средств литературы и искусства. Идеинотворческое взаимовлияние и взаимообогащение литератур и искусств — закономерность дальнейшего развития нашей многонациональной культуры, в том числе культуры малочисленных народов.

В Программе КПСС записано: «Обеспечивать и в дальнейшем свободное развитие языков народов СССР, полную свободу для каждого гражданина СССР говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке, не допу-

ская никаких привилегий, ограничений или принуждений в употреблении тех или иных языков. В условиях братской дружбы и взаимного доверия народов национальные языки развиваются на основе равноправия и взаимобогащения¹. Это полностью соответствует процессам расцвета и сближения наций при социализме.

Наши идеологические противники утверждают, что якобы у нас не уделяют достаточного внимания развитию национальных языков. Это не соответствует действительности. Тем не менее отдельные националистически настроенные элементы попадают на удочку враждебной пропаганды. Демагогические выкладки таких лиц, семена национализма, посеянные ими, могут найти благодатную почву лишь среди тех, кто плохо знает природу социализма, политику КПСС, среди людей с низким самосознанием.

Одна из форм проявления национализма заключается в умалении роли партии в национальной жизни народов путем распространения клеветы на национальную политику партии. Нередко носители националистических настроений рьятся в тогу и мантию так называемых «защитников национального языка», «национальной школы», «национальной литературы».

Партия была и остается единственным и законным защитником интересов всех наций, народностей, всех классов и социальных слоев, и нет места в нашем обществе для самозванных лжепатриотов, шумящих с целью нажать себе дешевую славу и дешевую популярность. Нация не нуждается в их «услугах». Кому не известно, что социалистическое государство не жалеет средств на развитие национальных языков и национальных культур. Сотни миллионов рублей тратит ежегодно государство на развитие национальных школ, национальных дошкольных учреждений, национальных вузов в союзных республиках, с целью издания произведений науки, литературы и искусства на национальных языках.

Подлинная революция произошла в книгопечатании на грузинском языке. В 1975 году число книг, печатных единиц, изданных в республике, превысило 2.000. В том числе на грузинском языке было издано печатных единиц более 1.400 названий, на русском — 516.

Много изданий на абхазском, осетинском, армянском, азербайджанском языках. В 1921 году в Грузии на грузинском языке издавались 14 журналов разовым тиражом в 18.000 экз., 42 газеты разовым тиражом в 109 тыс. В 1975 году в Грузии издавались журналы на грузинском языке 29 наименований разовым тиражом в 973 тыс. экз. (годовой тираж — 14.125 тыс.), газеты — 122 названий, их разовый тираж равняется 2 млн. 658 тысячам экземпляров, годовой тираж — 567 млн. 635 тыс. экземпляров.

Проблема языка — важная проблема для многонационального государства. Общность языка — один из ведущих феноменов нации.

Выполняя заветы Ленина в области национальной политики, партия проводила и проводит принципиальную научную линию, которая соответствует марксистско-ленинской науке и достижениям мировой прогрессивной, в том числе и педагогической мысли.

Партия правильно понимала и понимает роль родного языка в социалистической революции и в строительстве нового общества. Он является лучшим средством доведения идей Октябрьской революции, пролетарского интернационализма и патриотизма до сознания трудовых масс десятков наций и национальностей. Родные языки народов СССР служили и служат великим идеалам коммунизма. Ленин и партия возродили национальные языки народов СССР. Правильно оценив значение национальных языков в строительстве коммунизма, Ленин тем самым проявил себя, как великий педагог и психолог. Партия дала не только государственность народам России, но многим из них, которые в этом нуждались, — и письменность. Партия и государство создали широкую сеть национальных школ, дошкольных учреждений, вузов, техникумов, театров, издательств, кино, музеев и т. д.

В Советской Грузии в надежных руках партии не только судьба грузинского языка, но и судьбы языков национальных меньшинств, проживающих в нашей республике.

Мы уже говорили о том, как обеспечиваются в Грузии конституционные права других народов и национальностей в органах народовластия. А как соблюдаются интересы развития их национальных языков?

Например, на абхазском, осетинском, азербайджанском и армянском языках издаются книги, газеты «Апсны капш», «Совет Ирыстон», «Совет Гюрджустаны», «Советакан Врастан», ведутся регулярные радио- и телепередачи, имеются творческие союзы писателей, композиторов, художников, архитекторов, журналистов, театральные общества или их отделения в Абхазской и Аджарской АССР и Юго-Осетинской АО, имеются национальные секции при Союзе

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, с. 115.

писателей Грузии, издаются альманахи, сборники на грузинском языке и языках других народов, проживающих в республике.

В республике функционируют наряду с грузинскими издательствами «Саб-чота Сакартвело», «Мерани», «Ганатлеба», «Хеловнеба», «Медниереба» русское издательство «Мерани», абхазское — «Алашара», осетинское — «Фиди-уаг». Издаются также книги на армянском, азербайджанском и на многих языках народов СССР и мира.

Выходят журналы на национальных языках: «Алашара» и «Амцабз» на абхазском языке, «Ирыстон» на осетинском языке и др. издания.

В Грузии всего 4379 общеобразовательных школ. В том числе дневных грузинских школ — 2829, русских — 276, абхазских — 60, осетинских — 94, азербайджанских — 175, армянских — 218, школ с обучением на двух языках — 227, на трех языках — 67, на четырех и более языках — 4.

В Грузии 23 театра. Наряду с национальным театром оперы и балета им. З. Палиашвили, с драматическими театрами им. Руставели, им. Марджанишвили и другими в республике функционируют Государственный русский драматический театр им. А. С. Грибоедова, русский Театр юного зрителя, Государственный армянский театр им. Шаумяна в Тбилиси, в Абхазии — Сухумский драматический театр им. С. Чанба с абхазской и грузинской труппами, в Юго-Осетии — Цхинвальский государственный драматический театр им. К. Хетагурова с осетинской и грузинской труппами и т. д.

Язык и культура грузинского народа, языки и культуры национальных меньшинств пользуются всеми конституционными правами. Партия всемерно способствует развитию национальных языков и национальных культур.

Товарищ Л. И. Брежнев в речи, произнесенной в Казахстане, отмечал: «Верно, что сегодня внуки и правнуки выдающихся казахских просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина и Абая Кунанбаева на своем родном языке активно приобщаются к великой сокровищнице марксизма-ленинизма, осваивают и приумножают богатства, которые созданы другими народами, всем человечеством на протяжении его истории»¹.

Это сказано не только о казахском языке.

Тенденция развития языков показывает, что для эпохи социализма характерна не интеграция языков, скажем, в смысле поглощения одним литературным языком другого, как утверждают наши недруги, а естественное взаимобогащение лексическими и другими элементами на основе равноправия. Прежде всего имеют в виду интернациональные слова, советизмы, научно-технические, литературные и общественно-политические термины и т. д.

Абсолютно чистых языков в лексическом отношении в мире нет.

Специалистами подсчитано, например, что в английском языке заимствовано 60 процентов словарного фонда, $\frac{1}{3}$ словарного состава восточно-романских, т. е. французского и других языков — славянского происхождения и т. д. То же самое можно сказать о русском, грузинском и других языках мира.

Разговор о каком-то абсолютно чистом, свободном от влияния других народов языке просто недоразумение.

Какова диалектика развития национальных языков в СССР?

Во-первых, они развиваются на основе внутренних потенциальных возможностей, внутренних закономерностей. Во-вторых, неиссякаемым источником их дальнейшего развития являются взаимное обогащение и взаимное влияние языков. Основную роль в этой системе взаимоотношения языков играет русский язык, который является важнейшим средством приобщения советских народов к русской, мировой культуре.

В Советском Союзе, как и во многих странах мира, развивается многоязычие. Двужычие и многоязычие — историческая тенденция цивилизованных народов. Как отмечал Ф. Энгельс, в эпоху Возрождения титаны, и не только титаны того времени, владели 5—6 языками.

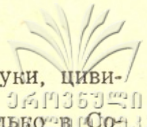
Тем более требуется знание языков в наше время, ибо общение между народами стало еще более интенсивным, еще более усилилась потребность во взаимном обмене информацией.

Овладение родным языком и вторым языком, прежде всего и чаще всего — русским, является основным типом многоязычия.

Добровольным языком межнационального общения стал русский язык как язык, в наибольшей мере выполняющий эту функцию.

Мы у себя в республике ставим таким образом: наряду с родным языком каждый должен владеть русским языком — языком межнационального общения всех народов СССР. Этот вопрос имеет не только интернациональное, но и национальное значение для каждого народа, ибо через русский язык

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 3, с. 118.

каждая нация приобретает к сокровищницам мировой культуры, науки, цивилизации. А это способствует расцвету и сближению наций.

В эпоху бурного развития научно-технической революции не только в Советском Союзе и в странах социализма, но и во всем мире интерес к русскому языку исключительно велик. Русский язык для нас стал, образно говоря, вторым родным языком, и это не фраза, а фактическое положение вещей.

ЦК Компартии Грузии принял развернутое постановление об улучшении преподавания русского языка в республике, о необходимости изучения русского языка с первого класса национальных школ, о подготовке кадров преподавателей. Без подобной постановки изучения русского языка невозможно воспитание полноценных кадров специалистов, а без полноценных кадров у нас не будет полноценного народного хозяйства и полноценной культуры.

В постановлении ЦК КП Грузии записано, что изучение русского языка не идет в ущерб изучению родного языка, они гармонически дополняют друг друга и являются условием формирования всесторонне, гармонически развитой личности. Для здравомыслящего человека тут нет никакой проблемы. Образованный человек должен владеть в нашей стране не только родным языком, но и русским языком, а жизнь требует, чтобы образованным был каждый гражданин. Лучшие сыны грузинского народа, как и всех других народов, всегда призывали своих соотечественников изучать великий русский язык, приобретаться к великой русской культуре. Сегодня мы этот вопрос должны поставить во главу угла интернационального воспитания масс. В нашей республике мы этот вопрос поднимаем до уровня большой государственной политики.

Советская духовная культура известна во всем мире своими богатыми интернациональными традициями. Эти интернациональные традиции — гордость всех советских людей. Интернациональные традиции духовной культуры, выдержавшие испытания истории, проверку высшими критериями партийности, классовости, научности, народности, являются сегодня объектом ожесточенных нападок буржуазной пропаганды.

ЦК КП Грузии, проявляя бережное отношение к национальным, к революционным и интернациональным традициям, принял развернутое постановление о борьбе с вредными традициями и утверждении новых советских традиций, прежде всего истинно патристических и истинно интернациональных традиций.

Интернациональные традиции советской духовной культуры отличаются своим революционным содержанием, наступательным пафосом, они рождают новые творческие силы, силы, способные приумножать не только арсенал традиций, но и укреплять новаторский дух нашей культуры.

Культура Советской Грузии, как и культура других советских народов, сильна своими интернационалистическими традициями. Многовековая грузинская классическая литература и искусство, развиваясь на национальной почве, воспитываясь на идеях пламенного патриотизма, самоотверженной борьбы за национальное и социальное освобождение родного народа, в то же время издревле характеризовались чувством интернационализма. Можно смело утверждать, что на протяжении многих веков ее органической частью являлась и является идея дружбы народов. Об этом убедительно свидетельствуют творения Ш. Руставели, Д. Гурамишвили, Н. Бараташвили, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Важа Пшавела, З. Палиашвили, Г. Габашвили и многих, многих других.

Мы, коммунисты, — наследники всего прогрессивного в национальной культуре. Поэтому мы берем на вооружение национальную классику.

Именно на этой благодатной исторической почве выросла, окрепла и расцвела в нашу социалистическую эпоху дружба грузинской литературы и искусства с духовными культурами всех советских республик. История развития современной грузинской литературы и искусства, как и других братских литератур и искусств, характеризуется общей благородной тенденцией: преданно служить нерушимому единению народов нашей великой Отчизны, процветанию и великому единению наций и народов.

Можно сказать без преувеличения, что нет такого грузинского писателя и деятеля культуры, который в той или иной мере не коснулся бы благородной темы дружбы народов СССР. То же самое можно сказать об абхазских, осетинских, русских, армянских, азербайджанских, курдских писателях, живущих и пишущих в Грузии.

Произведения писателей и деятелей культуры Грузии отличаются жанровым многообразием, тематической многоплановостью, многоцветием художественно-выразительных средств. Однако в основе этого многообразия лежит магистральная линия — неуывадаемая идея, которую выдающийся украинский поэт Павло Тычина великолепно сформулировал как «чувство семьи единой».

Литература и искусство нашего народа, советского народа, — великое оружие патриотического и интернационального воспитания масс.

Нам нужно больше думать о кадрах нашей литературы и искусства. Нам нужны книги, которые сыграют на современном этапе такую же роль, какую сыграли в свое время «Как закалялась сталь» и «Молодая гвардия», формирующие и формирующие патриотическое и интернациональное сознание молодых поколений.

Не секрет, что в определенных кругах, в том числе в сфере литературы и искусства, науки и культуры, в редких случаях, но все же дают о себе знать рецидивы узконационалистических интересов, интересов национальной замкнутости, ничего общего не имеющих с нашей идеологией. Следует признать, что не всегда они получали должную отповедь.

Мы должны здесь сегодня говорить о том, как велика ответственность каждого ученого, каждого писателя, каждого деятеля литературы и искусства, берущегося за проблемы советского патриотизма и советского интернационализма. Тут требуется обостренное чувство ответственности перед народом, партией, временем, историей, требуется, как сказал бы Ленин, архимудрость и архисторожность.

ЦК Компартии Грузии, придавая особое значение проблемам интернационализма, принял постановление по усилению роли Союза писателей Грузии, Союза писателей Юго-Осетии и других творческих организаций в интернациональном воспитании трудящихся.

Решением ЦК Компартии Грузии для усиления переводческой деятельности в Грузии был создан специальный центр при Союзе писателей по переводам лучших произведений литератур братских народов, созданы театр «Дружба», Музей дружбы народов.

В нашей республике, как и в других братских республиках, проводятся Дни литературы братских народов. Так, например, недавно с большим успехом прошли у нас Дни советской литературы в Грузии.

В Тбилиси проводятся симпозиумы ученых, встречи писателей, деятелей литературы и искусства разных народов. Не так давно прошла встреча советских писателей по проблемам создания полноценного образа коммуниста, нашего современника, патриота и интернационалиста в литературе и искусстве.

Академии наук Армении, Азербайджана и Грузии разработали комплексный план по улучшению научно-исследовательских работ и обмену научными достижениями.

Интернациональное воспитание трудящихся — это процесс не только политический, но и педагогический, и психологический. Поэтому нельзя вести интернациональное воспитание трудящихся на научной основе, если в этой работе не учитываются социально-психологические аспекты интернационального воспитания трудящихся. В этом убеждает нас практика.

Интернационализм рождает великое чувство общенародной гордости.

Такие исторические явления, как Октябрьская революция, коллективизация, индустриализация, культурная революция, победа в Великой Отечественной войне, построение социализма, освоение целины и космоса, имена героев-космонавтов — Юрия Гагарина, Валентины Терешковой, целое созвездие героев космических братств, достижения науки, литературы и искусства — это общенародная гордость всех наций Советского Союза, ибо они сами являются творцами этих мировых событий.

Говоря о национальной гордости, необходимо отметить, что партия поддерживает все прогрессивное, что появлялось или появляется в гуще жизни той или иной нации. Это с одной стороны. С другой стороны, партия борется со всякими реакционными, консервативными, отжившими свой век явлениями. Все прогрессивное становится всеобщим достоянием.

Возьмем творчество Пушкина. Это уже общенациональная гордость не только русского народа, но и гордость всех советских народов. То же самое можно сказать о творчестве Руставели. Оно стало общенародной гордостью всех советских наций. Наша общенародная гордость — творчество Толстого и Шевченко, Купалы и Кунабаева, Навои и Бараташвили, Донелайтиса и Райнциса, Исаакяна и Токтогула, Низами, Кербабаяева и Гуляма, Фирдоуси и Смула, Айтматова и Айни, Крянге, Гулиа, Хетагурова и многих других. Каждая нация не только получает духовные ценности от других народов, но и сама обогащает своим творчеством духовный мир братских народов.

От того, что Пушкин стал общенародной гордостью всех советских людей, он не перестал быть национальным поэтом русского народа. То же самое можно сказать о других великих деятелях литературы и искусства. Сочетание национальной и общественной гордости — одна из закономерностей социалистической культуры чувств.

Товарищи!

ЦК Компартии Грузии большое внимание уделяет актуальным вопросам улучшения партийного руководства интернациональным воспитанием трудящихся, стремится поставить всю эту работу на научную основу, правильно решать теоретические, практические и методологические вопросы улучшения партийного руководства национальным строительством и интернациональным воспитанием трудящихся.

Коммунисты-патриоты, коммунисты-интернационалисты отличаются классовым партийным подходом к национальным и социальным проблемам, ибо это наше мировоззренческое кредо. Партийность и классовость в подходе к общественным, социальным, национальным проблемам и явлениям — объективно необходимый принцип в деле интернационального воспитания масс.

Л. И. Брежнев большое внимание уделяет в своих выступлениях и докладах обобщению советского образа жизни.

Компартия республики в своей повседневной деятельности исходит из того, что ленинская дружба народов — одна из основ советского образа жизни — всей своей деятельностью старается укрепить эту основу.

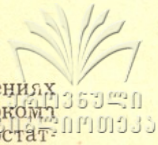
Одна из главных и существенных черт интернационального воспитания трудящихся — это воспитание трудящихся в духе принадлежности к советскому народу как новой исторической общности людей. Если чувство принадлежности к своей нации передавалось из поколения в поколение, то принадлежность к советскому народу как к новой исторической общности людей — новое социальное чувство, рожденное советским образом жизни, советской действительностью. Поэтому усиление работы в данном направлении, сосредоточение внимания на этом вопросе — необходимость, диктуемая жизнью.

Компартия республики большое внимание уделяет вопросам единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания трудящихся, практике текущего и перспективного планирования этой работы.

В осуществлении национальной политики, в интернациональном воспитании многое зависит от того, как работают коммунисты, руководящие товарищи в этом направлении. В деле воспитания масс в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма огромное значение имеет тот факт, что в организационной и идеологической деятельности партийной организации строго соблюдаются ленинский принцип партийной жизни и партийного руководства, в том числе такой важный принцип, как принцип единства слова и дела. Коммунист, особенно коммунист-руководитель, всегда должен оставаться олицетворением последовательного и искреннего защитника прав и интересов всех наций. Корысть, как явление, несовместима с пребыванием в рядах партии. Но корысть, проявленная коммунистом в пользу одной нации в ущерб другой, — двойное, моральное и политическое, разложение. Использование своего общественного положения для того, чтобы возвысить свой народ и унижить другие народы, превозносить все свое национальное и не замечать положительное в жизни других народов, замалчивать негативные явления в жизни собственной нации, кричать о недостатках других — это большое политическое и моральное падение, национальное чванство и национальная кичливость. Даже если эти факты единичны, против них надо вести непримиримую борьбу.

Иногда в адрес интернационалистов кое-где раздаются голоса, что, мол, такой-то и такой — плохой патриот. Это клевета. Интернационалисты являются подлинными патриотами, лучшими выразителями воли и интересов своих народов. Долг интернационалиста и патриота — достойно оценить все позитивное и беспощадно вскрывать, а не скрывать недостатки. Следует проявлять смелость, не заигрывая с национализмом, и, взяв на себя ответственность, говорить всю правду народу, когда это необходимо. Большое значение имеет личный пример коммуниста, руководителя-интернационалиста. Несовместимо с ленинской национальной политикой, социалистическим интернационализмом, когда говорят одно, а делают другое.

Компартия Грузии проводит все необходимые мероприятия с целью последовательного претворения в жизнь ленинской национальной политики, утверждения прав и достоинств каждого народа, представители которых проживают в нашей республике, для поддержки и развития всего положительного и прогрессивного, что имеется в жизни той или иной нации, того или иного народа. Вместе с тем мы стараемся с коммунистической принципиальностью и честностью говорить представителям всех народов, проживающих в нашей республике, и прежде всего грузинскому народу, о недостатках и пережитках, имеющих место в жизни нашей республики, несовместимых с советским образом жизни.

На XXV съезде КПСС тов. Л. И. Брежнев говорил: «В постановлениях о работе партийной организации Львовской области, Тбилисского горкома, Центральный Комитет обратил внимание партийных организаций на недостатки в постановке интернационального воспитания. Сегодня мы можем с удовлетворением отметить, что из этого сделаны правильные выводы. Партийные организации повели работу по патриотическому и интернациональному воспитанию трудящихся более инициативно и широко. Изживаются отдельные проявления национализма и шовинизма, факты неклассового подхода к оценке исторических событий, проявления местничества, попытки воспевать патриархальщину. Все это нашло глубокое понимание и поддержку трудящихся, положительно повлияло на дальнейшее укрепление дружбы и братства народов нашей страны».

Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС окрылили Компартию Грузии, всех трудящихся республики, вдохновили их на новые славные дела.

Компартия Грузии под руководством ЦК КПСС в автономных республиках и автономной области, входящих в состав Грузинской ССР, проводит подлинно ленинскую интернационалистскую политику. Это ощущается как в сфере экономики, так и культуры этих автономных государственных образований.

Мы считаем, что одним из критериев интернациональной зрелости Компартии Грузии является ее отношение к развитию экономики и культуры автономных государственных формирований, к национальным меньшинствам, населяющим республику. С другой стороны, мы гордимся тем, что национальные меньшинства, как всегда, глубоко понимают свой интернациональный долг перед республикой, перед братскими народами Страны Советов.

В решении ЦК КПСС о работе Грузинской парторганизации ясно сказано, что осуществляются конкретные мероприятия по улучшению идейно-воспитательной работы среди представителей разных национальностей, живущих в Грузинской ССР, привлечению их к активной трудовой и общественно-политической жизни.

Несмотря на торжество ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства, проблемы национальной политики и интернационального воспитания трудящихся требуют повседневного и подлинно ленинского внимания. Приходится констатировать, что и сегодня, в период бурного расцвета экономики и культуры всех республик Советского Союза, все еще имеются отдельные рецидивы национализма, шовинизма и местного шовинизма, пережитки национальной ограниченности, национальной замкнутости и т. д.

Об этом со всей принципиальностью говорится в известных постановлениях ЦК КПСС по Тбилисскому горкому и о работе Грузинской парторганизации по выполнению принятого решения по Тбилисскому горкому партии.

Для национализма в нашей стране нет социально-классовой базы, однако имеется ряд факторов, которые могут привести к националистическим вылазкам.

Мощное развитие экономики и культуры ранее отсталых народов обусловило необычайно интенсивный рост национального самосознания трудящихся, что, в свою очередь, вызвало у них чувство законной национальной и интернациональной гордости. К сожалению, у отдельных менее сознательных людей чувство национальной гордости переросло в национальное чванство, кичливость. Мероприятия, проводимые партийными организациями в нашей республике, не всегда способствовали воспитанию большевистской скромности, самокритичности, неудовлетворенности достигнутым.

Часто говорили о необходимости воспитания национальной гордости и палец о палец не ударяли для воспитания национальной скромности, национальной самокритичности. А скромность и самокритичность в сочетании с законной гордостью должны формироваться как внутренние определяющие качества каждого народа, каждого гражданина.

Далее. Отдельные политически незрелые граждане поддаются под влиянием буржуазной пропаганды, львиная доля которой направлена на разрушение ленинской дружбы народов СССР.

Нельзя пренебрегать элементами влияния, которое могут оказать проявляющиеся кое-где в рядах коммунистического и рабочего движения националистические, ревизионистско-оппортунистические течения, проповедующие национальную обособленность, замкнутость, практически игнорирующие общеклассовые интересы трудящихся.

В продлении жизни националистических настроений сыграли свою роль оживление и усиление в недавнем прошлом в Грузии частнобывших

тенденций, стяжательства и других антиподных явлений, что в свою очередь, наряду с другими факторами, было вызвано серьезным ослаблением идейно-политической работы. Здесь же следует отметить, что национальная исключительность и стяжательство, обособленность и частнособственническая психология хорошо сочетаются друг с другом и в наше время представляют две стороны одной медали.

«Все вопросы национальных взаимоотношений,— говорится в Программе КПСС,— встающие в ходе коммунистического строительства, партия решает с позиции пролетарского интернационализма, на основе неуклонного проведения ленинской национальной политики. Партия не допускает ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей»¹.

Партия обладает большим опытом борьбы с национализмом, шовинизмом, национальным нигилизмом, национальным эгоизмом и с другими вредными явлениями. В первый период в условиях строительства социализма борьба против подобных болезненных явлений велась в условиях острых классовых схваток, и это накладывало свой отпечаток на эту борьбу.

Сегодня мы работаем в других условиях. Решены основные социальные и национальные проблемы, сформировалось общенародное государство. Параллельно росту сознания масс расширяются и углубляются демократические основы общества и все более отходит на задний план элемент принуждения. Вместе с тем наблюдается невиданное наступление буржуазной пропаганды, сфера идеологии стала важнейшей ареной классовой борьбы между социализмом и капитализмом, буржуазия в идейных схватках в главную мишень своих нападков превратила именно теорию и практику национального строительства партии. Мы отдаем отчет в том, что на фоне победоносного развития национально-освободительных движений в мире в качестве побочного явления возникают многие националистические теории и учения реакционного направления; все это создает новую ситуацию, ставит новые проблемы перед нами. Нам нельзя не учитывать особенностей эпохи — нынешний уровень социального, политического, экономического и культурного развития человечества, невиданного развития средств информации.

В этих новых условиях мы вновь и вновь обращаемся к мощному идейному арсеналу партии, ее драгоценному опыту, накопленному поколениями революционеров, борцов за дело рабочего класса. На наступление идейного врага мы должны ответить двойным наступлением.

Успешное решение национального вопроса, какое мы имеем в СССР, не имеет прецедента в истории. Этот опыт — уникальная сокровищница для настоящего и будущего человечества. Особенно важен он для развивающихся стран, многонациональных прогрессивных государств. Наш пропагандистский аппарат не всегда исчерпывающе использует «советскую модель социализма», как называют сейчас кое-где это всемирно-историческое завоевание.

Руководители некоторых капиталистических стран, недвусмысленно играющие с деклассированными элементами, выдворенными народами Советского Союза и социалистических стран, видимо, чувствуют беспощадные удары в сфере национальной политики, вызванные идеями социализма, в своих странах, где подвергаются гонению и дискриминации широкие массы населения различных национальностей и где даже элементарно не обеспечены права национальных меньшинств.

Или возьмем такой пример. США за 1960—1966 годы, вложив в развивающиеся страны капитал на сумму 3,2 млрд. долларов, получили прибыли за счет этих же стран на сумму 16,2 млрд. долларов, причем 13,6 млрд. из них были вывезены в США.

По расчетам Экономической комиссии ООН, для Африки при существующих темпах роста дохода на душу населения потребуются свыше 200 лет, чтобы достигнуть уровня бывших метрополий Англии и Франции.

Не надо обладать большим аналитическим даром, чтобы обнаружить историческую пропасть и контрасты между практическими результатами национальной политики Коммунистической партии Советского Союза и колониальной и неоколониальной политики буржуазных государств.

Выше уже было сказано, что представляли собой народы Российской империи до Октябрьской революции и каких вершин социального, экономического, политического и культурного развития достигли они сегодня.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, с. 113.

XXV съезд КПСС с особой силой подчеркнул большое международное значение ленинской национальной политики партии, ленинского учения о пролетарском интернационализме.

Национальную политику партии, бесценный опыт социалистического строительства в области формирования интернационального сознания масс следует превратить в органическую и неразрывную часть всей нашей системы воспитания.

Следует усилить изучение основ национальной политики партии, теории и практики решения национального вопроса в СССР. Эту работу следует начинать со школьной скамьи. Ребенок должен вместе с материнским молоком впитать в себя все, что сделано партией в этой области, в области расцвета наций, дружбы и братства народов. Партийные организации, комсомол, профсоюзы, органы образования, школа, вуз, семья, общественность должны принять все меры к тому, чтобы воспитывать все население, особенно молодежь, в духе социалистического патриотизма и интернационализма, на лучших традициях рабочего класса, на лучших трудовых, революционных, боевых, интернациональных традициях советского народа.

Надо помнить, что элементы национализма и шовинизма могут появиться там, где сдает позиции социалистическая идеология, где работа партийных организаций идейно и политически не отвечает требованиям Устава и Программы КПСС, там, где глубокие научные знания подменяются дилетантством и незнанием, а прогресс — консерватизмом.

Пережитки национализма и шовинизма, как сказано выше и как показала практика недавнего прошлого нашей республики, вполне уживаются с частнособственническими тенденциями, с провинциализмом и, наоборот, настоящий патриотизм и интернационализм являются непримиримыми врагами этих болезненных явлений. Именно из этого исходил Центральный Комитет Компартии Грузии, когда развернул бескомпромиссную борьбу с антиподами общества, против пережитков бюрократизма, мещанства, консерватизма, за нравственную чистоту общества, за здоровый психологический климат в республике, сочетая эту борьбу с задачами патриотического и интернационального воспитания.

Борьба, которую ведет Компартия республики с негативными явлениями, находится в полном соответствии как с национальными интересами, так и интернациональным долгом нашего народа.

Поэтому в повседневной деятельности ЦК КП Грузии, Совета Министров Грузинской ССР, Президиума Верховного Совета республики, Абхазского, Аджарского, Юго-Осетинского обкомов партии, Тбилисского горкома, словом, в работе всех местных партийных, советских, хозяйственных, профсоюзных, комсомольских организаций особое место занимают вопросы национальной политики КПСС и интернационального воспитания трудящихся.

Как известно, кадры решают все.

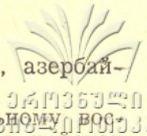
Обмен кадрами между нациями и республиками, между центром и периферией — необходимый процесс и одно из ярких проявлений интернационализации нашей жизни. Этот взаимный обмен стал возможным потому, что партия решила грандиозную задачу воспитания и подготовки национальных кадров. Благодаря ленинской национальной политике теперь в каждой республике имеются национальные кадры, отвечающие современным требованиям.

Воспитанники Компартии Грузии работают в центральных учреждениях страны, в центральных органах, а также в других союзных и автономных республиках. Все это улучшает нашу практику, все мы становимся от этого богаче и совершеннее.

В республиках, как вы знаете, в качестве ответственных работников, специалистов на руководящих партийных, государственных, хозяйственных должностях, по просьбе ЦК КП союзных республик, работают отдельные лучшие представители центра или других республиканских и областных организаций. Так и в нашей республике. Здесь важно подчеркнуть, что это не просто обмен кадрами, это — обмен богатейшим опытом, накопленным в других республиках, в других партийных организациях. В условиях Грузинской республики ощущается благотворное влияние богатейшего передового опыта славной Свердловской партийной организации.

Указанные и другие формы обмена кадрами способствуют сближению народов, служат идеям интернационализма, помогают воспитанию и формированию в союзных республиках лучших качеств современного партийного работника, это взаимная школа партийной работы, школа ленинской объективности, принципиальности, ленинского стиля работы.

Интернациональному воспитанию трудящихся плодотворно служит система партийного и комсомольского политпросвещения, экономического образования. На занятиях в школах и семинарах более 400 тысячами слушателей изучаются и вопросы ленинской национальной политики. Занятия ведутся на 7

языках — русском, грузинском, абхазском, осетинском, армянском, азербайджанском, курдском.

Некоторые товарищи считают, будто работа по интернациональному воспитанию трудящихся особенно интенсивно должна вестись только в районах и городах с многонациональным населением. Конечно, в многонациональных коллективах есть своя специфика в постановке этой работы. Но важно подчеркнуть и другое. Внимание к этой работе необходимо везде, причем, пожалуй, в районах с однородным населением ничуть не меньше.

Плодотворную работу ведут созданные при партийных комитетах советы по интернациональному воспитанию.

Крепнут из года в год идеологические связи коммунистических партий республик Закавказья. Хорошей, доброй традицией стали разработка и осуществление планов совместных идеологических мероприятий Центральных Комитетов компартий Азербайджана, Армении и Грузии.

Разработан и утвержден совместный план ЦК КП Грузии и Политическим управлением КЗакВО и Закавказским пограничным округом по интернациональному воспитанию на 1977—1978 гг. Осуществление этого плана поможет партийным организациям республики наладить тесный деловой контакт с армейскими коммунистами, послужит делу взаимного обогащения опытом организаторско-политической работы. Опыт армейских коммунистов по интернациональному воспитанию молодежи, их традиции борьбы за высокую сознательную дисциплину, четкая организация системы контроля и проверки принимаемых решений должны широко использоваться партийными организациями в повседневной деятельности.

Советская Армия и Флот — большая жизненная школа воспитания патриотов и интернационалистов. Мы добиваемся улучшения работы среди допризывников, призывников, лучшего использования молодежи; демобилизовавшейся из рядов Советской Армии и Флота, прошедшей большую школу патриотического и интернационального воспитания, воспитания всей молодежи в духе принадлежности к новой исторической общности людей — советскому народу.

Одной из закономерностей развития советского общества является постоянное возрастание роли патриотического и интернационального воспитания подрастающего молодого поколения в духе ленинского наследия. Большую работу по воспитанию молодежи в интернациональном духе, выработке у нее чувства общенародной гордости советского человека ведут партийные и комсомольские организации, профсоюзы, высшая и средняя школа, система профтехобразования. Этой цели служат созданные почти во всех высших учебных заведениях, профессионально-технических училищах и школах республики клубы интернациональной дружбы, слеты молодых интернационалистов, интернациональные вечера поэзии, фестивали искусств, походы по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа и многие другие формы и методы воспитания.

Созданы республиканский и областные советы по интернациональному и патриотическому воспитанию молодежи.

Основным и решающим фактором формирования у школьников и студентов лучших моральных качеств патриотов-интернационалистов является высокий идейно-теоретический уровень образования и воспитания. Большое значение придается выработке у школьников умения анализировать события с классовых позиций, активно бороться против буржуазных взглядов.

Партийные организации республики стремятся повседневно развивать и совершенствовать идеологическую работу по интернациональному воспитанию трудящихся.

Для дальнейшего совершенствования всей этой работы в республике проводится глубокое изучение общественного мнения, проблемы его формирования, с применением в этом деле марксистско-ленинской методологии, научных принципов исследования.

Важную роль в интернациональном воспитании должны сыграть и пополнить средства массовой информации и пропаганды — пресса, телевидение, радиовещание. Традиционными стали обменные полосы и номера республиканских и городских газет, телевизионные и радиопередачи.

Социализм породил новый тип патриотизма, который подразумевает любовь и уважение не только к своему, национальному, в прямом понимании слова, но и любовь и верность к социалистическому, интернациональному, советскому, общественному. Именно в этих понятиях овеществляется все прогрессивное, что сохранило национальное до наших дней.

Как мы уже отмечали, очень важно подчеркнуть, что национальной чертой является не только то, что отличает нации друг от друга, но и те черты, сейчас можно сказать, — особенно те, которые сближают и объединяют нации.

Новый тип, социалистический тип человека обретает новый образ жизни, новую психологию, новую культуру. Для русского Родина является не только РСФСР, но и весь Советский Союз, для грузина нового времени — эпохи социализма, его Родина не только Грузинская ССР, но и весь СССР. И это не только положения. Эта основа основ нового образа жизни.

Наша партия — партия патриотов-интернационалистов, наше общество — общество патриотов-интернационалистов. Учение о пролетарском интернационализме, как и все марксистско-ленинское учение, всесильно потому, что оно верно.

Требую проведения разработанной им национальной политики, В. И. Ленин в 1921 году писал: «Это мировой вопрос, без преувеличения мировой. Тут надо быть архистрогим.. тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным»¹.

Да, это действительно мировой вопрос.

Мы, коммунисты, верны заветам великого Ленина.

Об этом говорит современный мировой революционный процесс. Ленинское учение о нациях и национальных отношениях маяком освещает человечеству путь в будущее, в светлое завтра — в эпоху полного торжества идей пролетарского интернационализма.

В нашем партийном гимне — «Интернационале» — великолепно сказано: «Мы наш, мы новый мир построим!».

В этих словах звучат оптимизм всех поколений коммунистов, революционеров, всех, кто творит, создает новый мир, где все народы и нации живут и процветают под немеркнущим солнцем ленинской дружбы народов.

С этой трибуны, в этот, как говорится, звездный час дружбы и братства, мы, коммунисты Грузии, хотим обратиться со словами сердечной благодарности ко всем народам Страны Советов, которые внесли великий вклад и в строительство новой социалистической, цветущей и счастливой Грузии.

Низкий поклон всем народам — творцам, создавшим великое нерушимое содружество советских народов и наций!

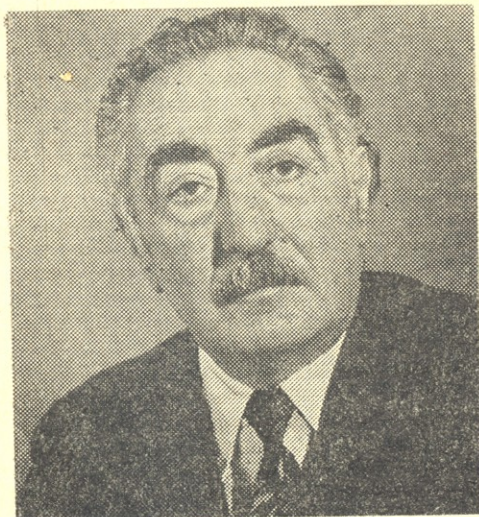
Сердечное спасибо вам, дорогие товарищи, представители всех народов Советского Союза, за невиданную в истории дружбу и братство!

Мы наш, новый мир построили. Но совершенству нет предела. Так учит диалектика. И мы пойдем к новым вершинам совершенства, вооруженные новым опытом, новыми теоретическими и практическими ценностями, которыми так богат наш форум, форум коммунистов-патриотов, коммунистов-интернационалистов, прекрасный, как наш партийный гимн «Интернационал», весь устремленный в завтрашний, более светлый день, к вершинам коммунизма!

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 53, с. 190.

Ревазу Маргиани — 60 лет

Известному грузинскому поэту Ревазу Маргиани исполнилось 60 лет. Общественность Грузии тепло отметила эту дату. Президиум Верховного Совета СССР наградил поэта орденом «Дружбы народов» за заслуги перед советской литературой.

Реваз Алексеевич Маргиани — поистине самобытный и талантливый художник, тонкий и проникновенный лирик, один из тех мастеров грузинского стиха, которые действительно способствовали росту и расцвету грузинской советской поэзии.

Человек благородной души, настоящий гражданин и патриот, интернационалист и солдат, прошедший через горнило Великой Отечественной войны, — таким знают этого скромного и кристально чистого человека его друзья и почитатели.

Редакционная коллегия и коллектив журнала «Литературная Грузия» сердечно поздравляют дорогого юбиляра и желают ему долгих лет жизни и новых творческих побед.

Реваз МАРГИАНИ

1942

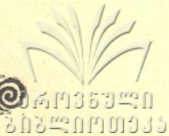
Первое видение

На заре
К белым скалам корабль еле-еле
причалил,
То стрельба приближалась, то глохла,
отхлынувши вдаль,
Затихая, спадая...
Нас только раскаты встречали,
На горелой земле я увидел измятую
сталь.
Словно кровью забрызган
Рассвет над руинами Керчи,
И строенья скелет резко вывернут,
брошен плашмя.
Рваный щебень лежит,
Разворочен, разбит, переверчен,

И все крепче мороз, и туман тяжелеет,
дымя.
Только здесь я и понял, заметил,
пожалуй, впервые,
Что без вас я иду, что отсюда —
без отступа — мне
И шагать по дорогам... Гремят небеса
огневые,
Сердце тронула боль в незнакомом
Камыш-буруне.

Цепко держится в памяти
Месиво снега и грязи.
Отзвук боя глухой
Наплывает, гудя, вереща.
Серый, словно башлык,
Разметался большак, брошен наземь,
Вьется лента дороги — обнявшая
город праща,

Под щитками машин
Раздается предательский скрежет
Каменистого льда,
Нас заносит в обрыв на ветру.
И устали моторы,
Дорога в тумане чуть брезжит,
Я за кузов держусь
И ресницы замерзшие тру.
Вот я и на войне.

И колыхнется холод жестокий —
 Стужа синяя сорок второго...
 Дрожанье земли
 И зенитчиков гомон.
 Мои исхудалые щеки
 Хлопья липкого снега
 Коростой своей обмели.

Огонь, снег и ранняя весна

Было голодно пламя,
 Снег вялый оно поглотило
 И траву, что всю зиму под снегом
 лежала, прожгло.
 Мутноглазое, дымное, к нам
 подступившее с тыла,
 Все кругом оглядело,
 И стало в землянке
 Светло.
 Был огонь ненасытен,
 Он мчался, поля попусуя,
 Он снега растопил,
 Лед мгновенно сжигая дотла,
 Всю равнину вокруг
 Исчертил он зигзагом, вслепую,
 И зенитчик сказал:
 — Что ж, война к нам весну привела!—
 Так проклятый огонь жаждал пищи,
 Что вихрем метели
 Наш засыпал костер,
 Замешал на туманах снега,
 Так что в мареве этом
 Всем скопом и сосны, и ели
 Закружились, и небо застлала горячая
 мгла.
 Ну, а сам он опять
 С небосвода сорвался накатом,
 Налетел и сорвал с убегающей степи
 покров,
 Пробежал по полям,
 Еще осенью начисто сжатым.
 Было голодно пламя, а голод,
 известно, суров.
 И услышали мы
 Закипевшего снега шипенье,
 Треск горящей сосны —
 Удушующий, как суховой,
 Был огонь ненасытен. Купался
 в пузыристой пене,
 Расцветая, играя неистовой ярью
 своей.
 Все снега он пожрал,
 Льдины все
 Торопливо расплавил.
 Показалась лужайка, и зелень пошла
 по жнивью.
 В дни проклятой войны, в нарушение
 сроков и правил,

К вам весна подступила в пылающем
 крымском краю.

Зарисовка

Снег стал горяч и от пламени черен,
 Плавятся груди его серебра.
 Возле кустов, над чеканкой промоин
 Встала хрустальных осколков гора.

Небо распорото, рвется, пылая,
 Жаром жестоким земля спалена.
 Пушка охрипла от частого лая,
 В пасть ей готова сорваться луна.

Мерзлые пальцы я грею. И снова
 Носится в воздухе гари отстой.
 Облачко дыма порохового
 Вяло легло на патронник пустой.

Ветер горячий ударил крылами,
 Слег, на холмы наползая с низов.
 С гулом и свистом забросило пламя
 Дымное блюдо луны за Азов.

Моление к весне

Не покинь, о, весна,
 Не оставь меня,
 В даях маяча!
 Мне сопутствуй и здесь, в свисте пуль...
 Будь всегда впереди!
 По челу моему проведи ты
 Ладонью горячей,
 Подойди,
 Мне на плечи пискливых птенцов посади.
 Да, твоим языком
 В пилной мере
 Не смог овладеть я,
 Только двадцать страниц твоих
 Перелистал впопыхах...
 Все же в детстве я видел, твои
 обрывая соцветья,
 Что дыханье твое —
 Пар земли, воскрешающий прах.
 То, что зелень твоя — шаль из ткани
 и мягкой, и маркой...
 Но еще не коснулся
 Голос моих с лаской немой
 Твоего сквозняка частый гребень...
 И гуще поярка—
 Чаша темных кудрей...
 Почки брызнули свежей листвой.
 Вещей тайны листа,
 Тайны медленных шелестов роста
 Я узнать не успел,
 Но завесой дышу дымовой.
 Я не слышал, как почки взорвались
 на ветках,

Но в досталь
 Гул снарядных разрывов
 Изучен, исследован мной.
 В небесах
 Потерял я
 Мерцанье звезды предрассветной,
 Улетают от рокота
 Стаи запуганных птиц...
 Только двадцать страниц
 Я прочел
 В этой книге заветной,
 Только двадцать одетых в зеленое
 пламя страниц.

На щеках моих
 Матери слезы
 Не высохли...
 В грохоте пушек
 Мать-земля вся изранена.
 Почва — как влажная зыбь.
 О, весна, не покинь!
 Словно легкою сыпью веснушек,
 Ты цветочной пыльюцо мое тронь
 и осыпь.

Не оставь, о, весна,
 В этот час.
 Не стерпеть мне разлуки.
 Если пасть суждено
 На земле пробужденной, сырой,
 Промолчи обо мне...
 И возьми на зеленые руки,
 И навеки меня
 Покрывалом зеленым укрой.

Молоко

Ночь настала.
 И в море
 Спустилось кровавое солнце...
 Вот хозяйка открыла коровник,
 Чтоб сена накласть...
 Вот струя молока
 Забрнчала о звонкое донце,
 И подставленной крынки
 Разинута черная пасть.
 Долго доит хозяйка,
 То слезы рукой утирая,
 То корову-кормилицу глядя...
 И зелень и синь
 Отгоревшего дня
 Тьма смывает
 Ночная, сырая.
 Превратясь в молоко,
 В крынке дышит
 Апреля теплынь.
 А корова пятнистая
 Жвачку ворочает вяло,
 На теленка глядит
 Как-то искоса, отвлечена...
 Нежно женщина ей
 Что-то ласковое прошептала,

Только я не расслышал,
 Что там нашптала она.
 Вот сгущается мгла
 Меж морями.
 Дрожание гула
 Раньше бомбардировщика
 Глухо вошло в облака...
 Мне, ушедшему в думы,
 Хозяйка моя протянула
 Неожиданно, ласково,
 Пенный стакан молока.
 Я тяну, как ребенок,
 Напиток горячий, тягучий,
 Молоко забелило
 Мои молодые усы.
 Пью парное, густое, —
 Как будто в Мулахи,
 В Тайгуче...
 Нарастающий гул
 Вдоль прибрежной идет полосы.

Кажется, рано

И откуда пришла ты,
 Весна,
 Кто сюда тебя вывел,
 Отчего ты подкралась,
 Раскрыты, раскрашены кем
 Пятна черных проталин, зияющих
 в белом размыве?...
 Все поля заняла, по дорогам
 продвинулась всем.
 А ведь, кажется, рано,
 Еще — только марта начало.
 Все же
 Почки набухли,
 И скоро они шутовски
 Языки нам покажут,
 На черных ветвях одичало,
 Невзначай засмеются зеленые их
 язычки.
 И подснежники бодрствуют, холодно им,
 одиноко,
 К веткам тальника жмутся,
 Пытаются скрыться они
 От сугробов оставшихся.
 Ширится русло протока...
 Кучи талого снега еще сохранились в
 тени.
 Ты откуда пришла?
 Кем тебе этот путь был указан?
 Почему наряжаешь ты
 В пышную зелень луга?
 Да ведь рано еще...
 Бурным ветром набит до отказа
 Небосвод побуревший. Улечься не может
 пурга.
 Вот ныряет Сиваш, заслоненный от нас
 Арабатом,

Тонет в крошewe льдов!.. Блещет
мерзлая соль Сиваша.
Ведь еще не прошлись частым гребнем
по травам косматым
Крылья легких ветров. Не прошлись,
камышы вороша.

Да куда им спешить, торопиться?
Ведь будет, быть может,
Полевая фиалка
Подкошена пулей шальной...
Хоть бы ей не расти — едкий дым
заметет, искорежит.

Рано
Петь о весне,
И дышать, пробуждаться с весной!
Капли крови горячей горят и еще не
просохли

На проталинах пестрых,
Мерцают они там и тут.
Но еще подождем...

Капли крови, подобные охре,
Превратятся в цветы, в алом блеске над
миром взойдут.

Ты откуда пришла,
Как дорогу сюда разыскала?..
Если перед тобой

Не расправила радость крыла,
Это — лишь потому,
Что еще —

Только марта начало,
И огни фейерверка
Победа
Пока не зажгла.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Беседа с Новым годом

Вот она,
Радости новой
страница!
Снова с тобою стою
На пороге
Нового года!
Все так же
стремится
Страница Мтквари
По той же дороге.

Кавкасион
И к Новому году
Так же сияет,
Как было от века.
Ту же мы в ясную
видим

Погоду
Неизмененную
Шапку Казбека.

Так же незыблем,
И стоек, и вечен
Грузин' облик —
Кипуч и взволнован,
Неувядаемой славой
Отмечен —
Жребий бессмертия
Ей уготован.

Грузия!..
Слышится говор
сладчайший
Гор, виноградников—
Речь их святая...

Подле лозы —
Я не шест ли
торчащий?

Так же побегам
Я обрастаю...

...Доброй ногою
ступи к нам
И — здравствуй!
О, Новый год,
Подыми же свой
парус,

Пусть развеивается
Знаменем братства,
Людам даруя
И нежность и
радость.

Пусть для любви
И для верности
будет

Сердце земли моей
Вечно открыто,
Пусть с упоением
Полною грудью
Дышит она,
Наша мать и защита.

Малые дети,
Как звезды, как
всходы,

Предками
Благословленные
дети
В дар ей да будут

От Нового года —
Есть ли дорожке
Подарки на свете?!
Не оскудеют пусть
Щебет и пенье,
Да не иссякнет
Зерно для пернатых!
О, Новый год,
Дай поэтам

терпенье,
Взлет и
стремительность
Строчек крылатых.

Чтобы биенье сердец
Ощущалось
В каждой строке,
В каждом слове и
звуче,

В годы грядущие
Песнями мчалось,
Чтобы внимали им
Трепетно внуки.
Не откажи
В чудодейственной
силе

Ты материнской
молитве
Высокой.

Не допусти,
Чтоб мы предков
забыли,
Мир упаси ты
От битвы жестокой.

Благослови же ты
В самом начале
Землю, чтоб ей
 расцветать,
Не кручинясь,
Не допусти,
Чтоб слезами печали
Радости слезы
Вдруг омрачились.

Благослови
И вола и упряжку,
Славу воздай
Всемогущей

 деснице
Пахаря,
Пласт поднимавшего
 тяжкий,
В поле внимавшего
Смеху пшеницы.

Благослови
Воздвигавших
 плотины,
Вооруживших нас
Стрелами молний,
Взявших у Шхары
Гимн лебединый,
Петь научивших
Ингурские волны.

Благослови и того,
Кто стежками —
Звездами выткал
Полог небесный,
И отхватил
От сверкающей

 ткани
Шелку кусок
Для счастливой
 невесты.

Благослови и того,
Кто с рассвета
Птиц приучает петь—

И не дразнит..
Тех, кого радует,
Что у соседа
Пламя горит в очаге
И не гаснет...

Тех, кто не может
 уснуть,
Беспокоясь,
Все ли наполнены
В поле корзины?..
Благослови же
Работу на совесть —
Гордость отца
И обязанность сына.
Сделай, чтоб больше
На свете их стало —
Честь берегущих,
Щедрых, крылатых,
Чтоб в Броцеуле
И в Вани блистало
Солнце
С рассвета и до
 заката.

Благослови
Малышей
 быстроглазых,

Ветки,
Гордящиеся
 плодами,
Внуков моих —
Нинико и Реваза,
Крапчатых маков
Нежное пламя...

Благослови
Семицветные дуги,
Легкость священных
 мандили

На косах,
Мудрые руки —
Крестьянские руки,

Гром водопадов,
Летящих с утесов...

Благослови же
Несуетливый
Наших фазанов
Взлет среди ночи,
Буйволов взгляды
Умудренно-

 пытливый,
Горы в снегу
И прекрасные очи.
Парус расправь —
Он тебе пригодится
В вечном
 стремленьи

К добру,
 благородству...
Пусть своей родиной
Каждый гордится
И никогда не узнает
Сиротства!

О, Новый год,
Будь счастливым
И — здравствуй!
И — да царит
 изобилье

Повсюду!
Благослови
Нашу землю и
 братство,

Милую Грузию —
Славу и чудо!

И напоследок
Прямо и сразу
Я обращаюсь к тебе
С просьбою новой:
Благослови
Маргиани Реваза,
Благослови
Им рожденное слово.

Перевод Елены НИКОЛАЕВСКОЙ

Баграт ШИНКУБА,
народный поэт Абхазии

За вершиной — вершина...

ОКОЛО сорока лет назад в Тбилиси солнечным осенним днем я впервые увидел молодого Реваза Маргиани. С тех пор он стал моим другом и братом. Тогда мы оба делали первые шаги в литературе. Позже, когда я был аспирантом Института языкознания Академии наук Грузинской ССР, дружба эта еще больше окрепла. Жил я тогда в конце улицы А. Чавчавадзе, в Атенском переулке, а дом Реваза находился по соседству. В те годы я увлеченно изучал грузинскую классическую поэзию, и он был одним из тех, кто привил мне любовь к ней. Образцы этой богатой поэзии я уже тогда старался переводить на абхазский язык.

Встречались ли мы в моей комнате со старомодным балконом, карабкались ли по тропам священной Мтацминды, шли ли тихим вечерним часом по берегу Куры или по проспекту Руставели — предметом наших душевных бесед и дружеских споров оставались литература, история, язык. Особое место в этих встречах занимала поэзия. Мы читали собственные стихи и стихи любимых поэтов. Сколько времени прошло с тех пор, а в ушах моих звучит голос молодого Реваза:

Где ты, сын мой, Мирангула?
Валит снег над нашей башней.
Ночь в окошко заглянула,
И остыл очаг домашний.

Перед моим взором возникали неповторимые пейзажи Сванети: снеж-

ные вершины, глубокие ущелья, крутые извилистые дороги, вековые башни. А поэт увлеченно продолжал:

Засыпай под звуки ччанурн, —
Молнии секут тропинки турьи,
Заклубились тучи, брови хмуря,
Задымилась Ушба, будет буря...
Нанила, нануло, нананла!

Таковыми проникновенными стихами, овеянными фольклорными мотивами, Р. Маргиани вступил в литературу; они отличались искренностью и свежестью. И потому их появление в печати сразу стало заметным явлением грузинской поэзии 30-х годов.

С течением времени в мир творчества Р. Маргиани все сильнее и сильнее вторгалась жизнь со всеми ее сложностями. Диапазон его творчества расширялся. Любовь ко всему живому, поиски нового в человеческих отношениях — обо всем этом говорит поэт мудро и просто.

Великая Отечественная война обозначила новый рубеж в жизни и творчестве поэта. Солдат Реваз Маргиани создает стихи-раздумья, стихи-воспоминания о пережитом, о боях в Крыму, на Керченском полуострове. В стихотворении «Мошкара вокруг дуба» поэт писал:

Слышишь! Голос Отчизны —
Стяг, летящий сквозь бой,
Бой с ордой ненавистной.
Слышишь, клич вековой...

Древо не засыхало.

После 1945 года опять возобновились прерванные войной встречи. Меня искренне радовали успехи друга на поэтическом поприще. Творчество Маргиани не знало отливов и приливов, оно развивалось ровно, всегда по восходящей линии. Чем больше зреет творчество поэта, тем зримее проступают новые измерения в нем. Его стих становится строже, приобретает ясность и гармоничность. Его лирический герой все больше отличается эмоциональной силой, цельностью и смелостью, глубокой любовью к жизни, к родной природе. Пейзаж Реваса Маргиани многокрасочен. У поэта зоркий глаз и чуткое ухо. Поэтому картины природы у него всегда зримы, конкретны; они нужны автору главным образом для выражения душевного состояния его лирического героя.

Ревас Маргиани часто приезжает в Абхазию. Вместе со мною он исколесил ее вдоль и поперек — Гагра, Пицунда и Рица, Эшера, Цебельда, Лата, Ажара и, конечно, мое родное село Члоу.

Абхазия хорошо знает поэта, всегда принимает его как родного сына. Ревас Маргиани — человек, который на любовь всегда отвечает любовью. В грузинской литературе издавна существует традиция: все выдающиеся писатели отдавали поэтическую дань Абхазии. Р. Маргиани с успехом продолжает эту традицию. Цикл его стихов об Абхазии удивительно эмоционален. Тот, кто искренне не полюбит эту сказочную страну, ее настоящее и прошлое, тот не сможет написать такие душевные стихи!

Реваса Маргиани искренне радуют успехи абхазской литературы. Он один из самых активных ее пропагандистов среди грузинских читателей, много и хорошо переводит на родной язык произведения абхазских литераторов. С благодарностью хочу отметить, что перу моего друга принадлежит перевод на грузинский язык большинства моих поэтических произведений. Он же неоднократно был и заботливым редактором моих книг.

Не всегда лирический герой бывает похож на его создателя. Ревас же Маргиани — человек такой же цельный, благородный, чуткий и темпераментный, как и герой его стихов. Кто хорошо знает поэта и его творчество, тот не может не согласиться с этим. Чуткость и щедрость души — семейное богатство Реваса Маргиани. В его гостеприим-

ном доме всегда тепло, уютно и душевно. Жена Реваса — Нина — гостеприимная хозяйка и чудесный собеседник за дружеским столом, особенно если речь идет о литературе. А дочери Реваса — Хатуна и Тамар — свято чтут напутствие отца:

Дам им в приданое все,
чем владею,
Все, что с годами созрело во мне:
Горести, страсти отдам, и идеи,
И уваженье к родимой стране.
В дар и мечту я отдам, а не вещи,
Дам им не золото, не жемчуга.
Доброе имя, порядочность женщин —
Вот им мой дар от меня на века.

За дружеским столом Реваса часто встречались представители нашей многоязычной литературы. Здесь много раз звучали на различных языках стихи о дружбе, о братстве, о древней, но вечной молодой и прекрасной Грузии.

Ни один из посетителей этого гостеприимного дома не удивится, увидев на стене гостиной фотографию, изображающую снеговую вершину Ушбы. Ибо она венчает родимый край поэта — Сванети.

Сидя за столом, среди душевных друзей, глядя на белоснежную Ушбу, я много раз думал о том, как трудно покорить отвесную вершину, и невольно вспоминал строки моего друга:

Утесы нам сдаваться не хотели,
Обвалы спотыкались о грозу.
Надломленные молниями ели,
Как раненые, падали вниз.
Дышали стужей горные потоки,
И в иней превращались голоса.
И молнии царапали нам щеки,
И рушились на землю небеса...

Для Реваса Маргиани поэзия — благородное служение народу. Около полувека он на подвеме по трудному, но благородному пути, на котором и достиг больших поэтических вершин.

60 лет, конечно, не мало, но и не так уж много, особенно для человека, чьим родным краем является Сванети, которая, по меткому выражению Н. Тихонова, способна «перевернуть душу на всю жизнь».

Впереди еще новые вершины, и я искренне желаю моему доброму большому другу и брату, блестящему поэту Советской Грузии восхождения на новые и новые поэтические вершины.

Партизаны

● П о в е с т ь

И вот опять они в здании аэропорта.

— Мужественный человек наш пилот,— уважительно проговорил Гасанов. — Тяжело раненный штурвала не бросил.

— Самолет пострадал?— спросил Шульгин.

— Основательно. Сейчас доложу о случившемся Герасимову или Майсурадзе. Поглядим, что скажут.

Гасанов скрылся в темноте. Через некоторое время он появился вновь и обратился к бойцам:

— Снимите парашюты. Они нам не понадобятся.

Ребята выполнили приказание и озадаченно уставились на командира.

— Примерно через час придет машина,— объявил Гасанов,— которая доставит нас в штаб фронта. Там нам будут приданы сопровождающие. С их помощью мы перейдем линию фронта и проникнем в тыл врага. Соединения Федорова достигнем примерно через месяц. Все зависит от того, насколько благополучно будет наше продвижение вперед...

На исходе следующего дня машина доставила группу к месту, откуда она должна была добираться до штаба уже пешком, по глубокому снегу.

Ребята основательно промерзли. После короткого перекура они двинулись в путь, и вскоре, свернув с дороги влево, вышли на поле, уставленное стогами. Продвигались короткими перебежками, от стога к стогу, временами собираясь вместе, а затем вновь рассредоточиваясь.

Местность носила следы недавних боев. Тут и там чернели свежие воронки.

Впереди показался небольшой хуторок. Жителей в нем не оказалось. Полуразрушенные избы-мазанки производили гнетущее впечатление. Кое-где все еще курились остатки соломенных кровель. Горьковатый дым стлался над землей.

За пожарищем тянулись поля. Слева на горизонте темнела полоса леса, справа раскинулась крупная станица.

Вскоре группа была у леса. Отсюда станица была видна как на ладони. Позже бойцы узнали, что этот населенный пункт многократно переходил из рук в руки, и только накануне его окончательно освободили советские войска. Фронт находился километрах в семи западнее Киева. Оттуда неумолчно доносилась пулеметная и орудийная стрельба.

— Где-то неподалеку находится штаб фронта, куда мы должны явиться. Со мной пойдет Мальцева. Остальным ждать,— сказал Гасанов, когда они вошли в лес.

Бойцы присели на стволы поваленных деревьев и стали закусывать с дороги.

Когда наступила ночь, стрельба с обеих сторон мало-помалу прекратилась. Лишь где-то вдали длинно стучал пулемет...

— Приготовиться!— негромко командовал Гасанов.

Бойцы взяли оружие наизготовку и двинулись вперед.

Было до того тихо, что близость фронта казалась невероятной.

С максимальными предосторожностями они вошли в окраинную улицу села. С обеих сторон тянулись разбитые дома.

Подразделение миновало станицу. Дальше начиналось ровное поле. Слева стоял лес. В темных просторах пересекались светящиеся трассы пуль. В небо взлетали ослепительно-яркие ракеты.

Бойцы продвигались медленно. Изредка чуть слышно скрипел снег.

Восточный ветер сек лицо холодными струями.

Впереди шли проводники, следом — Гасанов, Кулумбегов, Женя Мальцева и остальные.

— Хотя бы проклятый ветер поутих немного!— прошептал Белов.

— Напротив, это к лучшему!— ответил один из провожатых, и по твердости, с которой это было сказано, в нем угадывался знаток местных условий.— Фрицы больше всего боятся такой погоды. Сейчас самое стоящее время для перехода через фронт.

Голос провожатого вывел из оцепенения Артема Кулумбегова, и он спросил громким шепотом:

— Послушай, ты не Сослан, случаем?

Разведчик удивленно обернулся.

— Я!..

— А я Артем, твой двоюродный брат! Господи, и как это мы до сих пор друг друга не узнали, сколько времени вместе идем!

— Да как ты тут оказался? Я целую вечность ничего о тебе не слышал, и вот, пожалуйста!..

Сослан и Артем обнялись, и пошли расспросы.

Эта сцена оживила бойцов, как бы встряхнула их. Все были рады внезапной встрече близких друг другу людей.

— Ты разведчик?— спросил Артем.

— Да.

— Значит, выйдем в тыл врага?

— Конечно! Мне это не впервые. Я здесь знаю каждую кочку и кустик. Так вас проведу, что никакому черт не узнает.

— Ну и прекрасно!— хлопнул его по плечу Артем.

К линии фронта подошли без особых помех. К тому времени луна зашла за тучи, и стало совсем темно.

Разведчики свернули вправо и вошли в лес. Почва здесь была болотистой. Дерн мягк с пружиной под ногами. Густые заросли надежно укрывали бойцов.

Идти становилось все труднее. Ледяной ветер выл в ветвях деревьев.

Через час они уже были за линией фронта. Стрельба теперь слышалась за спиной.

Сослан остановил бойцов.

— Вот вы и в тылу противника,— объявил он.— Мы, сопровождающие, вернемся обратно, а вам счастливого выполнения задания, дорогие друзья!

Артем обнял брата.

— До свидания, Сослан! Будь здоров! Победного возвращения домой!

Часа через два Гасанов остановил бойцов.

— Немного передохнем,— решил он.

Они устроили привал.

— Но прежде чем двинуться дальше,— продолжал Гасанов,— изучим наш дальнейший маршрут. Идя на запад, мы минем стороной украинские города Коростень. Овруч, переправимся через реку Случ и выйдем в Восточную Белоруссию, в направлении Дубровца и Маневичей. А оттуда сравнительно недалеко до Ровенских лесов, где действует соединение Федорова. Это, как вам известно, конечный пункт нашего маршрута. Путь, который я предлагаю,— единственный. Этим маршрутом воспользовалось легендарное соединение Ковпака, когда двигалось из Брянска в направлении Западной Украины. В разведку назначаю Артема Кулумбегова, Дурмишхана Магалашвили и Олега Белова или, как вы его называете.— Отто Шульца. От Олега теперь многое зависит. Значит, так, ребята,— оглядел Гасан бойцов,— не будем отрываться и терять друг друга из поля зрения. А теперь — вперед!

Бойцы встали.

Магалашвили, Кулумбегов и Белов ушли вперед. В некотором отдалении за ними последовала группа.

Ветер усилился, затем сплошной стеной повалил снег. Всю ночь бойцы шли без остановок. На рассвете непогода утихла, и они скрылись в густом кустарнике.

Наломав еловых ветвей, они набросали их толстым слоем на снег и отдохнут после утомительного ночного перехода.

Что касается разведчиков, то им было не до отдыха. С наступлением дня они углубились в лес, тщательно исследуя его. Вернулись они к тому времени, когда бойцы начали просыпаться.

— Как у вас дела, ребята? А где Кулумбегов? — спросил Гасанов, внимательно оглядывая разведчиков.

— Дело в том, товарищ капитан, — объяснил Белов, — что Кулумбегова мы оставили в дозоре. Лес заканчивается километра через три. За ним видно крупное село. Между лесом и селом — река. Она течет на юг с постепенным поворотом к востоку. Видимо, речушка, вдоль которой мы шли по лесу, ее приток. Моста нигде не видно. В одном месте мы заметили паром, который соединяет село с хуторами левого берега. Не исключено, что немцы используют переправу при заготовке дров. В селе, видимо, стоит вражеский гарнизон. По моему мнению, задерживаться здесь до вечера небезопасно.

Если мы не сможем воспользоваться переправой, придется идти круглым путем. Теперь весь вопрос в том, как переправиться. Река достаточно широка. На нашей стороне у переправы стоит деревянная будка немецких охранников. Их там двое. Неподалеку от будки мы заметили лодку, с наступлением темноты можно было бы попытаться захватить ее. Однако задерживаться здесь до вечера, мне кажется, нецелесообразно, — заключил Белов.

— Ты тоже так думаешь, Магалашвили? — взглянул Гасан на Дурмишхана.

— Нет, я не думаю, чтобы мы слишком уж рисковали. Во всяком случае, не будем ослаблять наблюдения и в случае возникновения опасности отступим. С наступлением темноты с охранниками в будке надо покончить. Если все пройдет благополучно, переправившись на тот берег, обойдем село слева.

— Магалашвили, пожалуйста, прав, так мы и поступим. Вы снимите патруль и захватите лодку. Мы будем к тому времени ждать вас ниже по течению, — попытокнул Гасанов.

— Да, так будет лучше, — согласился с доводами Дурмишхана и Белов.

— Теперь отдыхать! Как там Кулумбегов?

— Артем двинется с места лишь в самом крайнем случае, — ответил Белов.

— Тогда отдыхайте! Потом смените товарища.

Когда основательно стемнело, Гасанов поднял людей.

— Теперь в путь. А вы, — повернулся он к разведчикам, — действуйте тихо и осторожно. Поступим как договорились — будем ждать вас троих в километре ниже по течению. Постарайтесь убрать немцев бесшумно.

Разведчики скрылись в лесу.

Остальные бойцы, ловко прячась за деревьями, начали продвигаться к берегу реки.

Вскоре они были у намеченного места и, укрывшись под нависшим берегом, стали ждать.

Наконец показались разведчики, но, увы, они пришли берегом.

— Ничего не вышло с лодкой? — нетерпеливо спросил Гасанов.

— Мы побоялись стрелять, — объяснил Белов, — подступы к переправе очень тяжелы, фашисты ведут внимательное наблюдение. Лучше изменить маршрут.

— Допустим, ты прав. А как двигаться дальше?

— Не лучше ли обойти село справа?

— Да, но как?

— Сейчас трудно сказать. В любом случае нам необходимо расспросить кого-нибудь из местных жителей. Так будет спокойнее.

— Мы возвращаемся на старое место! — распорядился капитан.

Вскоре бойцы были на старой «квартире», только Белов, Магалашвили и Кулумбегов остались в дозоре.

Утром они разглядели на севере едва заметный в снегах хуторок. До него было километра три-четыре, и разведчики отправились к нему.

Несмотря на ранний вечер, жители уже спали. Лишь в одном оконце они увидели желтоватый огонек. Разведчики остановились неподалеку от одного из домиков. Белов повернулся к товарищам:

— Вы оставайтесь здесь, а я окликну хозяев. Так будет безопасней.

Белов осторожно пошел вперед, а Кулумбегов и Магалашвили спрятались за деревьями.

Олег приблизился к дому, из трубы которого поднимался белесый дым. Домишко был низенький, словно вросший в землю, под истлевшей соломённой кровлей. Белов заглянул в крохотное оконце, но ничего не смог разглядеть. Тогда он подошел к дверям и тихонько постучал. Никто не ответил. Он постучал еще раз. «Наверное, бояться, несчастные», — подумал разведчик.

Олег решил толкнуть дверь и войти, но в последний момент передумал и, надев шапку на ствол автомата, подошел к окошку и тихонько выставил ее за косяк. В то же мгновение шапка упала в снег, пробитая автоматной очередью. Белов открыл ответную стрельбу. На помощь ему поспешили Кулумбегов и Магалашвили. Вскоре пробудился весь хутор. Поднялась невообразимая пальба. Мгновенно хутор превратился в оживленнейшее место боя.

Разведчики отступили в лес и стали пробираться к своим. Еще долго они слышали за спиной автоматные очереди.

— Видать, немцы угнали население, а сами устроились в их домах. Едва не влипли! — проговорил Магалашвили, с трудом переводя дыхание.

— Не видать, а так и есть. Дольше оставаться в этом районе опасно, — сказал Белов. — Теперь они могут перевернуть верх дном весь лес, начнут прочесывание.

— Это как дважды два! — согласился Кулумбегов. — Надо обдумать, что делать дальше!

Вскоре они были со своими.

Встревоженные стрельбой партизаны с нетерпением ожидали разведчиков.

— Все живы? — издал окликнул их Гасанов.

— Живы-то живы, но отсюда надо сниматься, и чем скорее, тем лучше! — ответил Белов и тут же коротко рассказал обо всем.

— Куда же уходить? Позади — фронт, впереди — река,

Всю ночь Женя Мальцева не отходила от раненого.

А на рассвете Гасанов отвел бойцов в сторону и сказал им:

— До Ровенских лесов далеко, идти со Шломбиным нам невозможно, да он и не выдержит пути. Что скажете, если мы определим Николая в какую-нибудь надежную семью?

— А иначе и нельзя, товарищ капитан! — отозвался кто-то из бойцов.

— В таком случае это дело поручается вам, разведчики, — обратился Гасанов к Белову, Магалашвили и Кулумбегову. — Здесь, поблизости, наверняка должно быть село, станица или хутор. Сейчас же отправляйтесь на разведку. Медлить нельзя. Время дорого!..

Лес оборвался внезапно, и разведчики увидели небольшой хутор. К северо-западу от хутора, примерно в пятнадцати километрах, виднелась большая станица.

Довольно долго они наблюдали за хутором, ведь там могли оказаться и немцы. Однако ничего подозрительного не заметили.

Они решили дожидаться темноты, но тут дверь одной из изб отворилась, и показался пожилой белоусый крестьянин. Он прошел через двор, вывел из хлева лошадь и стал ее запрягать в сани.

— Наверное, в лес собирается за дровами! — чуть слышно проговорил Белов.

Крестьянин вынес из дому топор, сел в сани и направился напрямик в сторону разведчиков.

Они спрятались за кусты, и, когда сани с мягким скрипом проехали мимо, осторожно пошли следом. Вскоре послышался стук топора.

— Доброе утро, папаша! — окликнул Белов старика.

— Доброе, доброе! — вполне буднично ответил крестьянин, оглядывая партизан, облаченных в овечьи тулупы.

— Вы хуторянин? — спросил Белов.

— Выходит, что так. Сызмала живу здесь.

— Немцы у вас не стоят, случаем?

— Немцы к нам не сунутся. Они у леса побаиваются показываться.

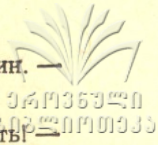
— Почему?

— Знают, партизаны шутить не будут. Случается, правда, заскочат за водкой или яйцами, но тут же и назад.

— А как ты думаешь, отец, в здешнем лесу партизаны могут быть?

— Не знаю. Скажу только, что пару раз видел. А вы сами не партизаны?

— Вот что, отец, мы скажем тебе прямо: нашего товарища тяжело ранило. С собой мы его взять не можем. Родина не забудет тебя, если дашь ему приют.

— Э-э, братцы, не такое это простое дело, — нахмурился крестьянин. — Знаете, что немцы творят за укрывательство партизан?

Старик задумался.

— Эх, была не была. Двум смертям не бывать, а одной не миновать! — махнул он рукой. — Так и быть, укрою вашего товарища. Вот только темноты надо дожидаться.

— Неужели и на вашем хуторке есть предатели?

— Низкие душонки везде находятся. Взять хотя бы нашего бывшего колхозного бухгалтера. Он перед фашистами ковром стелется, ну те его и облачивают. Назначили старостой. А он вздохнуть не дает, паразит, чуть что — к немцам и обо всем докладывает, а обращаться к себе приказывает не иначе как «господин». Душегуб, одно слово. Хоть бы кто-нибудь избавил нас от него!

— Что ж, папаша, с извергами и предателями разговор у нас короткий, можно и с твоим старостой за все посчитаться!

— Народ за вас бога будет молить, если избавите нас от гада! Значит, так поступим, сыночки. Как только стемнеет, на это самое место доставьте вашего раненого. Сначала устроим парня у меня, а заодно я покажу вам дом старосты. Поступайте с ним, как знаете.

— Большое спасибо, отец, до вечера.

— Бог в помощь, ребята, буду ждать...

Старик слово сдержал.

Хутор был метрах в ста от опушки, а его дом — ближайший к лесу. Партизаны осторожно внесли Шломбина и уложили. Печь делила дом надвое. Она была жарко натоплена, и бойцов сразу разморило с холода.

— Ну, дорогие мои, теперь судьба нашего товарища в ваших руках, берегите его, как родного, — сказал Белов, обращаясь к хозяевам.

— Можете не беспокоиться, — заверил старик. — Считайте, что мы его усыновили. Фрося, — повернулся старик к жене, — вынеси-ка нам заветного первачка, ну и что-нибудь закусить!

— Нет, нет, мы не можем у вас засиживаться.

— До свиданья, Коля, — погладил Белов Шломбина по плечу, — поправляйся да побыстрее вставай на ноги. Мы отомстим за тебя! Еще повоюем вместе, браток!

Разведчики простились с товарищем.

— Ну, а теперь, отец, пошли. Покажешь, где тут ваш душегуб затаился! — посуровел Белов, выходя из дому.

— Боже праведный, — перекрестился старик, — прости меня, что грех беру на душу.

Он привел разведчиков к добротному дому.

Олег сделал товарищам знак рукой следовать за собой и без стука распахнул дверь.

Хозяин, разумеется, не ждал таких гостей. В первый момент он принял их за немцев и попытался говорить что-то на ломаном немецком, но тут же понял свою оплошность, и его лицо мгновенно покрылось крупными каплями пота.

— Извините, мы не очень беспокоили вас своим визитом? — иронически спросил Белов.

— Да нет, напротив. Чем могу служить?

— Что же вы принимаете нас так плохо? Прежде всего принесите чего-нибудь поесть. Надеюсь, припасов хватает?

— Для дорогих гостей найдутся! Как не помочь своим! Поверьте, дорогие мои, всю душу издергали проклятые фашисты. Каждый божий день являются, тащат из дому все подряд. Одно слово — изверги! Но ничего, скоро им всем конец.

— Немцы отсюда далеко?

— Рукой подать. Видели, наверное, село рядом? Кишмя кипит фашистами. Там ихняя моторизованная часть стоит. Я так слышал, наши крепко дают прикурить гитлеровцам. Правда это?

— А то сами не знаете?

— Где нам! Враги все скрывают, фальшивки подбрасывают: дескать, Москва окружена и коммунисты вот-вот сложат оружие.

Хозяин поднялся и пошел в соседнюю комнату, откуда выглядывали его перепуганные жена и сын.

Вскоре он появился вновь со словами:

— Сейчас мы вам подадим свининки, две бутылки доброго самогона, ну и, конечно, хлеба. А больше ничего нет, не обесудьте. Вот если завтра к вечеру заглянете, кое-какие припасы найдутся.

«Ишь, как заливает: кое-какие!» — озлился про себя Олег.

— А откуда все это завтра к вечеру возьмется?

— Возьмется. Хутор сильный. Да и времечко такое: каждый рад партизану помочь! Много вас?

— Достаточно!

— Ну так забирайте сегодня то, что бог послал, а завтра милости прошу! В обиде не останетесь!

Вскоре на столе появился щедрый кусок окорока, обещанные две бутылки и краюха хлеба.

— За это спасибо, — сказал Белов, — щедрый ты человек, хлебосольный. Но ты должен помочь нам в другом деле.

— Буду рад, почему бы и нет! Кому как не своим помогать. Только прикажите, наизнанку для вас вывернусь.

— Есть у нас раненый, наш товарищ, у верного человека спрятали. Если беда какая, укроешь?

— Скажу прямо, задаете задачу, ребята! Но и здесь я вам не стану отказывать. Только знайте, если немцы прознают это дело, они меня вздернут на первом же суку. Когда вы своего товарища доставите?

— Сейчас и приведем.

— Давайте!

— Сани не одолжите, а то на руках по снегу тяжело?

— Какие могут быть разговоры, я и сам с вами пойду.

— Спасибо на добром слове. Ты хорошо знаешь лес?

— Как свои пять пальцев!

— Тогда не будем медлить. Родина каждому воздаст по заслугам и перед тобой в долгу не останется.

Хозяин надел доху и шагнул за порог.

Конь у него был сытый, резвый, и вскоре они оказались у партизан.

— Знакомьтесь, изменник Родины! — представил Белов старосту своим товарищам. — Этот негодяй потерял честь и совесть и пошел в услужение к врагу, он издевается над хуторянами, запугивает их и агитирует оказывать нам сопротивление.

Староста понял, что судьба его решена. Скрючившись в три погибели, он кинулся в ноги Белову и стал молить его о пощаде.

— Мы простим изменника, бог все равно его не простит. Так гласит простой человеческий закон, не правда ли? — повернулся Белов к Гасанову. — Рассудите, товарищ капитан, как нам поступить?

— Может быть, он нам пригодится? — Гасанов переглянулся с ребятами. — Как тебя зовут?

— Харитон Бойко.

— Пойдешь с нами?

— Пойду. Даю слово, клянусь — вместе с вами буду бить фашистов.

— Ну что ж, проверим на деле твою клятву! А ну, ребята, в путь, — приказал Гасанов.

— Ты эти места, наверное, хорошо знаешь?

— Лучше не бывает, товарищ капитан! — заискивающе улыбался Харитон.

— Мы идем на запад, в сторону Сарн и Ковеля. Проводником сможешь быть?

— С радостью!

— Не предашь?

— Даю честное слово, с вами — до гробовой доски. А если что заподозрите, расстреляйте на месте.

— Ладно! Посмотрим, как ты будешь держать свое слово.

Бойцы цепочкой двинулись на запад. К полуночи они вышли из леса на открытое место. Полю, казалось, не было конца.

Наконец они подошли к окраине небольшого хутора, в который вела узкая проселочная дорога, остановились и начали наблюдать.

По дороге направленной лентой двигалась колонна немецких автомашин.

— Сделаем привал, — распорядился Гасанов, — передохнем, а потом произведем разведку. Вон тот мост через реку, — указал он рукой вдаль, — имеет для немцев важное значение, надо будет постараться его взорвать.

— Это дело поручите мне. — вызвался Бойко.

Все взглянули на недавнего старосту.

— Будьте спокойны, мост взлетит в воздух, как игрушечный, — продолжал между тем Бойко. — Еще раз прошу поверить мне, я тут каждый кустик знаю. Можете не сомневаться, проверю это дело в лучшем виде!

Последние слова он сказал с такой убежденностью, что у Гасанова почти рассеялось недоверие к нему.

— Хорошо, поверю! — заключил капитан. — Но в одиночку тебе этого задания не выполнить. Вне всякого сомнения, там усиленная охрана. Немцам владеешь?

— Калякаю понемногу.

— Значит, так, — взглянул Гасанов на Магалашвили, Белова и Кулумбегова, — с наступлением темноты вы тщательно изучите подходы к мосту, после чего минуете его и взорвете. В этой операции вместе с вами примет участие Бойко.

Гасанов отозвал трех разведчиков в сторону и наказал им не сводить с Бойко глаз ни на мгновение.

Стемнело.

Часов в девять разведчики вернулись и доложили Гасанову:

— Товарищ командир, ваше приказание выполнено. Установлено, что по мосту из тыла непрерывно проходят груженые боевой техникой автомашины. Мост охраняют два патруля, в сторожевых будках по обе стороны реки. Они связаны телефоном с хутором.

— Ясно, — резюмировал Гасанов, — надо действовать! Мы вас будем ждать здесь же. Операция пройдет как условились!

Разведчики скрылись в темноте.

Поздней ночью тишину сотряс мощный взрыв. Затем еще трижды ухнуло, и снова стало тихо.

Примерно через час боевая группа вернулась. Увы, не все прошло гладко. Белова ранило в бедро. Пуля перебила ему кость. Он стонал и кусал губы.

Гасанов повернулся к Магалашвили.

— Где Бойко?

— Эта шкура изменила нам.

У Гасанова на щеках заходили желваки.

— Надо было сразу его отправить к праотцам. Белов был бы цел и невредим, поверили гаду, — сказал Дурмишхан горько.

Гасанов потемнел от гнева.

— Да, да, именно этот негодяй староста стрелял в нашего Олега. А на деле он нам и не понадобился. Караульных мы сняли без всяких помех. И вот, когда с мостом было покончено и мы побежали обратно, Бойко, улучив момент, выпустил нам вслед из автомата несколько очередей и тут же побежал под насыпь. Но он должен быть ранен — Кулумбегов редко промахивается. К сожалению, мы не имели времени как следует рассчитаться с ним!

— Ух!... — крутанул головой Гасанов. — Никогда я еще так не ошибался. На всю жизнь урок! Нам здесь нельзя оставаться ни на минуту. Надо уходить как можно быстрее. Бойко непременно наведет на нас немцев.

Последние слова Гасанова оборвал выстрел.

Белов окончил свои расчеты с жизнью...

Несколько мгновений партизаны не могли оторвать взгляда от боевого товарища. Они словно окаменели. Ведь Белов покончил с собой, чтоб не быть друзьям в обузу, чтоб они не попали из-за него в руки врага и могли успешно выполнить боевое задание командования.

— Героем был, героем умер!... — горько прошептал Гасанов.

Совсем недалеко застучали автоматные очереди.

— Ну вот, началось! — прохрипел Гасанов.

Они быстро похоронили Олега у вывороченного комля вековой сосны и начали отступать.

Им удалось благополучно оторваться от преследователей, и следующей ночью они вновь шли на запад.

Уже три недели они были в пути.

Потеря Белова и Шломбина удручающе подействовала на бойцов, однако дела шли не так уж плохо.

Они оставили позади Сарны, Маневичи, Ковель и уже вступили на белорусскую землю, которая укрыла их своими обширными лесами. Они двигались в направлении Припяти.

Испытаний впереди их ждало немало...

Наступил рассвет.

Дурмишхан Магалашвили и Артем Кулумбегов по обыкновению отправились на разведку. Им надлежало выведать через кого-нибудь из местных жителей о действиях местных партизан.

Разведчики удалились от своего отряда километра на два.

Тишина в лесу стояла звенящая.

Внезапно Кулумбегов обнаружил на снегу отчетливые следы.

— Несомненно, здесь прошли двое, — заключил он.

— Похоже. — Не очень уверенно посмотрел на Кулумбегова Дурмишхан. Они осторожно пошли по следам, которые вели к северу, через каждые пять-шесть шагов останавливаясь и пристально всматриваясь в лесную чащобу. Это оказалось нелишним: под сосной они увидели двух человек. Забросив автоматы за спины, они сидели на поваленном стволе сосны и беседовали, сворачивая самокрутки.

Магалашвили и Кулумбегов подобрался к ним совсем близко, но не смогли разобрать, на каком языке они говорят. Их одежда представляла собой смесь солдатского обмундирования со штатским платьем. На немцев они не были похожи.

— Партизаны или националисты? — показал глазами на незнакомцев Дурмишхан.

Разведчиков заранее предупредили, что националисты имеют пароль: «Слава Украине», за которым следует отзыв: «Слава героям».

Едва уловимым шепотом Дурмишхан сказал Артему:

— Спрячься за соседним деревом, а я с ними заговорю. Если националисты, не беда. Нас — двое, их — двое, как-нибудь совладаем.

Дурмишхан поднял автомат на грудь и громко крикнул:

— Слава Украине!

Тех двух с бревна как ветром сдуло. Падая в снег, они успели сдернуть автоматы, но Дурмишхан громко продолжал:

— Если вы партизаны, не бойтесь, не тронем!

Незнакомцы хранили молчание.

— Еще раз спрашиваю, партизаны? — раздался голос Дурмишхана.

— Партизаны! — послышалось в ответ.

— Из какого соединения?

— Из брестского.

— Кто командир?

— Сергей Сикорский.

— Где действует соединение?

— В Белоруссии!

— Ваш штаб находится в Западной Белоруссии?

— Да, за Припятью.

— Велико соединение?

— Людей хватает. Но, может, поговорим, как люди, а то попрятались за деревьями! Так и перестрелять друг друга недолго.

— Согласны. Бросаем оружие на поляну.

И вот четыре автомата, описав дуги, утонули в снегу. Партизаны вышли друг другу навстречу и обменялись рукопожатиями.

— Нам надо встретиться с вашим руководством. У нас важное дело, — сказал Дурмишхан.

— Наша бригада расположена неподалеку, от силы в двух километрах. А вы не грузины, случаем? С виду чернявые.

— Не ошиблись!

— Наш бригадный политрук тоже грузин. Так что прямоком к нему и отправимся.

— Неужели? Как его фамилия? — не удержался Дурмишхан.

— Сашкой-Грузином называют.

— Сашка-Грузин? — напряженно засмеялся Дурмишхан и переглянулся с Кулумбеговым, которого этот разговор тоже начал веселить.

— Да, так его все и знают.

— Он пожилой человек?

— Н-е-е-т, ему лет двадцать пять будет от силы.

— Ведите нас к нему.

Партизаны пошли по тропе, вытянувшись цепочкой. Вскоре их окликнули партизанские дозоры. После взаимных приветствий было решено, что Дурмишхану и Артему лучше всего переговорить с политруком.

Они подошли к замаскированной землянке, у которой стояли запряженные сани.

Здесь же горел костерок, вокруг него сидели партизаны.

Один из провожатых спустился в землянку, из которой вскоре вышел щуплый молодой человек с черными усами на красивом лице. Он пытливо оглядел пришельцев и неожиданно спросил по-грузински:

— Вы грузины?

— Да! — в один голос ответили Кулумбегов и Магалашвили, улыбаясь.

Они спустились в землянку. Хозяин усадил прибывших за стол.

— Как вы оказались в наших краях? — спросил Сашка-Грузин.

— Мы входим в диверсионную группу, которая направляется в соединение Федорова. Около месяца тому назад мы перешли линию фронта. Нам необходимо знать кратчайший путь к федоровцам.

— Это можно. А откуда вы родом и как зовут вас?

— Я Дурмишхан Магалашвили, из Метехи, а мой товарищ, Артем Кулумбегов, — тбилисец.

— А как ваша настоящая фамилия? — после некоторого колебания спросил Дурмишхан.

— Шалва Кобиашвили. Казбегский я.

— А моих однофамильцев здесь случайно нет? — поинтересовался Дурмишхан. — Понимаете, мой старший брат был в плену, вот я и думаю, может, он бежал и сражается в каком-нибудь партизанском отряде.

— Нет, с твоей фамилией у нас никого нет. Есть Михаил Турашвили, Шалва Бабунашвили, Георгий Джибути, Котэ Гогешашвили, Николай Нозадзе, Сосо Чхиквадзе... Сразу всех и не вспомнишь.

— Жаль, что мы не можем здесь задержаться.

— Мы дадим вам провожатых. Федоровцы квартируют в районе Камень-Каширского. Наши разведчики частенько встречаются с ихними в районе Маневичей. Мы поддерживаем с ними постоянный контакт, активно взаимодействуем, помогаем друг другу боеприпасами, оружием, взрывчаткой...

— А как у вас с продуктами? — спросил Кулумбегов.

— Более или менее благополучно, перебои с хлебом, правда, случаются.

— И мясо есть?! — поинтересовался Кулумбегов.

— Сколько угодно. Скотинка своя имеется.

— Скотина?

— Да, да, а что? У каждой бригады. У немцев отбили, когда они скот в Германию угоняли. Много скота хозяевам вернули, дойных коров передали семьям, в которых грудные дети. Постойте, вы, наверное, с дороги есть хотите, а мы вас разговорами морим!

— Да, ничего не скажешь, проголодались!

— Ваши товарищи далеко отсюда?

— В двух километрах.

— Пусть один из вас пойдет с нашими людьми и приведет их сюда. Мы всех как следует накормим, а вечером — в путь. Согласны?

— Дурмишхан, я пойду за нашими! — вызвался Кулумбегов и вскоре вместе с несколькими партизанами скрылся в лесу...

Вскоре в землянку спустились Гасанов, Кулумбегов и все бойцы группы.

— Значит, так, друзья, — обратился к партизанам Шалва Кобиашвили, после того как они поели и отдохнули. — Я вам даю своих провожатых — разведчиков. Должен сказать, отличные ребята, много раз проверенные в деле, здешние места знают как свои пять пальцев. Они проведут вас до маневичских лесов. Там уж вы наверняка встретитесь с разведчиками соединения Федорова. Если этого не произойдет в том районе, пойдете вперед самостоятельно, курс — только на запад, в Камень-Каширский район. Там вы будете в безопасности. Это, если можно так выразиться, «исконные владения» Федорова. Ну, что вам еще сказать? Успешного выполнения задания! А когда разобьем фашистов, приезжайте ко мне в Казбег, и я устрою для вас пир на весь мир!

Не без сожаления покинули гасановцы хозяйство гостеприимного Саши Грузина.

И вот снова леса.

Теперь бойцы шли веселее. Отдых и еда сделали свое дело. Сил поприбавилось.

Впереди идут разведчики Кобиашвили, за ними шаг в шаг — Магалашвили и Кулумбегов, следом — остальная группа. Отставать опасно — в пяти шагах можно потерять товарища из виду. До вечера они шли без помех. Не встретили по дороге ни души. Ни единый посторонний шорох не коснулся их слуха.

С наступлением темноты передвигаться стало трудно. Такой непроходимой чащобы партизаны не встречали за все время своего долгого пути. Тем не менее они продолжали медленно идти вперед. Лишь поздней ночью решено было наконец остановиться до утра на привал.

В лесу царил первозданная тишина, и вдруг, о чудо, где-то совсем близко послышался рокот самолета. Этот звук не мог принадлежать ни «мессершмитту», ни «юнкерсу-88», вообще ни одному из немецких самолетов.

— Это наш «дуглас»! — восторженно вскрикнул сопровождающий разведчик. — Наверно, провиант привез и медикаменты. Если прямо полетел,

значит, к Ковпаку, на север — к нам, ну, а если влево, к югу свернул, непременно опустится на федоровском аэродроме.

Шум мотора удалился в южном направлении.

— Федоровцам гостинцы повезли! — констатировал один из провожатых.

Утром они продолжили путь. Через два часа ходьбы провожатые остановили группу.

— Мы уже вышли из Маневичского района и находимся на территории Великоглушского. Теперь нам надо возвращаться. Мы могли встретиться с федоровцами именно в этих местах, но раз этого не произошло, вам придется идти дальше самостоятельно. В общем здесь у вас никакого риска не будет. К утру вы достигнете соединения Федорова.

Гасанов поблагодарил провожатых, и группа пошла дальше.

По обыкновению, Дурмишхан и Артем шли несколько впереди.

Вдруг за деревьями они заметили вооруженных незнакомцев, которые, в свою очередь, тоже заметили разведчиков и, укрывшись за деревьями, выставили стволы автоматов.

— Стойте! Кто вы? — раздался окрик на русском языке.

Дурмишхан и Артем решили, что перед ними дозорные Федорова.

— Мы — советские партизаны! — ответили они почти одновременно.

Незнакомцы, видимо, успели разглядеть разведчиков.

— Откуда и куда вы идете?

— Направляемся к вам, в партизанское соединение Федорова. Отведите нас на базу!

— А мы не федоровцы.

— Кто же вы в таком случае?

— Мы из отряда Тома Агладзе!

— Что такое?! Тома Агладзе! Кто это? Никогда не слышали такого имени!

— Как кто? Это командир нашего отряда!

Дурмишхан переглянулся с товарищем.

Внезапно послышался храп лошадей.

Дурмишхан и Артем переглянулись. Только теперь они заметили привязанных к деревьям лошадей.

— Ваши? — спросил Магалашвили.

— Наши коняшки. Отряд наш конный.

— Где он действует?

— Везде, где необходимо. Постоянного места базирования не имеем. Совершаем порой дальние, длительные переходы и наносим по врагу внезапные удары.

— Интересно! Передайте в таком случае привет вашему командиру. Скажите — от партизан-грузин, от земляков то есть.

— Вы тоже грузины?

— А что, не похожи? Среди вас много наших земляков?

— Немало. Эх, жаль мало времени, на боевое задание спешим, не поговорили толком. Бывайте здоровы, желаем вам успешно бить врага!

— И вам также!

Разведчики Агладзе вскочили на лошадей и скрылись из виду.

— Интересно, — обратился Дурмишхан к Артему, — кто бы это мог быть, Тома Агладзе? Одно ясно — в этих местах наших земляков немало. Может быть, и о брате своем в конце концов что-нибудь узнаю.

— Не исключено, что и он где-нибудь здесь воюет.

— Кто знает! В одном я уверен, если Миша жив и оказался в плену, то дорогу к партизанам непременно отыщет. Из любого застенка уйдет. Он такой!

Разведчики продолжили путь. Лишь на рассвете они наконец встретились с людьми из федоровских дозоров, которые проводили их на базу.

Между огромными вековыми соснами весело потрескивало несколько костров, у которых в кружок сидели партизаны. В стороне стояло несколько запряженных саней. Там же весело дымили три походные кухни — готовился партизанский завтрак. Землянки были прекрасно замаскированы.

Навстречу прибывшим энергичной походкой вышел человек с быстрым взглядом и молодецкой осанкой. Его сопровождало несколько партизан. Перед диверсионной группой был сам руководитель партизанского соединения Федоров. Бывший первый секретарь Черниговского обкома партии имел вид заправского партизана.

Его сопровождали полковник Смирнов, комиссар Синицин, командир батальона капитан Шматов и лейтенант Рузанов.

Федоров искренне обрадовался прибытию пополнения из Москвы. Он подробно расспросил людей о том, как они добирались. Затем гасановцам были отведены удобные сухие землянки.

Группу Гасанова зачислили в батальон Шматова, который располагается в районе города Дубно, в лесу.

До войны капитан Шматов был кадровым военным. Под Харьковом он попал в плен. Во всей полноте он испытал нечеловеческие лишения, издевательства, глумления, которым гитлеровцы подвергали в лагере советских военнопленных, в особенности командный состав. В лагере капитан сошелся с надежными и смелыми, такими же как он, советскими людьми. Они тщательно подготовили побег, выбрав время, перебили охрану, бежали из лагеря и влились в соединение Федорова.

Здесь Шматов очень быстро приобрел славу храброго, находчивого, энергичного, беспощадного к врагу человека и был назначен командиром батальона. Его люди прошли отличную школу борьбы и повсюду наводили на врага страх. Они выходили победителями даже из столкновений с намного превосходящими их силами противника.

Артем Кулумбегов и Дурмишхан Магалашвили попали в разведгруппу, и для них началась настоящая партизанская жизнь.

Кончался февраль.

Красная Армия развивала боевые действия именно в направлении партизанского края. Она двигалась вперед семимильными шагами, не давая врагу передышки. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление, но продолжали откатываться на запад.

Гитлеровцы бросали на восточный фронт все новые части и боевую технику. Любыми средствами они пытались остановить советское продвижение, как-нибудь выгадать время, дотянуть до весны, собраться с силами и организовать контрнаступление.

Вот когда для украинских и белорусских партизан начиналась пора самых решающих, самых ответственных и ожесточенных боев.

Именно теперь партизанские соединения должны были как никогда весомо, во весь голос заявить о себе. Каждый день взлетали на воздух мосты, летели под откос фашистские эшелоны. На шоссе дорог партизаны громили двигавшиеся к фронту колонны с боевой техникой и вооружением.

Однажды Дурмишхана Магалашвили вызвал в штаб капитан Шматов. — Перед тобой ставится очень серьезная задача, — объявил командир батальона, — необходимо взорвать мост на реке Тура. По нему в направлении Ковеля, где сосредоточены крупные силы противника, непрерывно идут тяжелогруженные автоколонны. Командиром подрывной группы назначаю тебя. По последним данным, в течение последних двух дней там наблюдается особенно интенсивное движение. Вот что, Магалашвили, — хлопнул комбат Дурмишхана по плечу, — запасайся всей необходимой техникой, взрывчаткой и действуй. Мост должен взлететь или сегодня ночью, или максимум завтра.

— Есть товарищ командир! — вытянулся Дурмишхан и, четко повернувшись, вышел из землянки.

В тот же вечер группа подрывников во главе с Дурмишханом Магалашвили была готова к действию.

Разбившись на несколько групп, партизаны заняли подходы к мосту.

Дурмишхан отправил вперед разведчиков. Ему сразу стало ясно, что выполнение задания будет весьма нелегким делом — мост охранялся многочисленным, до зубов вооруженным отрядом гитлеровцев. Успех операции могла решить лишь внезапность. Необходимо было обойтись без стрельбы, и партизаны решили напасть на охрану одновременно с обеих сторон. Немцы были застигнуты врасплох. Лишь один из них успел вскинуть автомат, но выстрелить не успел — его оглушил прикладом Дурмишхан.

Партизаны мгновенно разоружили их и оставили в лесу под охраной. Тем временем мост быстро и ловко заминировали. К рассвету все было готово к взрыву.

Партизаны залегли и стали ожидать появления вражеской автоколонны. Было уже совсем светло, когда послышался гул моторов.

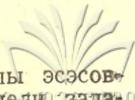
Партизаны ждали заветной минуты затаив дыхание.

Вот уже первая машина въехала на мост, за ней — остальные. Наконец мост по всей длине оказался занятым цепочкой автомашин.

И тут раздался невероятной силы взрыв. Высоко в воздух взлетели доски мостового настила вперемешку с разорванными в клочья телами и искроверканной боевой техникой.

Дурмишхан со своей группой и захваченными в плен немцами стремительно углубились в лес.

Вечером он доложил Шматову об успешном выполнении боевого задания и, получив от командира благодарность, узнал, что будет представлен к награде.

Неделю спустя немцы направили против партизан большие силы эсэсовцев и изменников украинского народа — националистов. Каратели имели задание нанести удар по партизанам в районе Дубно. Первым противника должен был встретить батальон Шматова.

Капитан Шматов приказал Кулумбегову и Магалашвили срочно разведать район предстоящей дислокации батальона, так как он решил передвинуть его километров на тридцать-сорок в сторону — после последней операции гитлеровцы достаточно точно могли знать месторасположение партизан. Разведка врага тоже не дремала.

Разведчики тут же отправились на выполнение задания.

Партизаны продвинулись далеко в лес в направлении железнодорожной ветки Сарны — Ковель. Они удалились от своего лагеря примерно на тридцать километров и оказались в лесах, прилегающих к селу Мюситра.

С величайшей тщательностью они выбирали место, подходящее для базирования батальона. Следовало предусмотреть многое.

Вдруг из глубины леса донеслась короткая автоматная очередь. Шедший первым разведчик Вячеслав Пешков, разметав руки, упал в снег. Партизаны мгновенно укрылись за деревьями и приготовились к бою, но они не теряли из поля зрения того места, где лежал в снегу их товарищ.

Через некоторое время показался человек с автоматом, который короткими перебежками приблизился к Пешкову, снял с него полевую сумку и побежал напрямик к левому крылу разведчиков. По-видимому, враг в спешке потерял ориентировку. Его подпустили поближе и, внезапно окружив, наставили на него автоматы.

— Бросай оружие, гад! — крикнул один из партизан.

Перед партизанами стоял жалкий, бледный и до смерти перепуганный человек.

— Что теперь с ним делать? — спросил Дурмишхан у товарищей.

— Доверяем тебе вынести приговор! — ответил Кулумбегов.

Дурмишхан задумался. Ему вспомнился гнусный предатель Бойко, гибель друга...

— Достоин виселицы! — сурово заключил он.

— Повесить его, смерть негодяю! — присоединились партизаны.

Они похоронили Пешкова и только привели приговор над убийцей в исполнение, как до их слуха донесся конский топот.

Партизаны мгновенно рассредоточились и стали ждать. Вскоре они услышали русскую речь.

— Наши это, братья, наши! — крикнул Дурмишхан, и его товарищи вышли из укрытия.

С ними поравнялась конная колонна, впереди которой ехал человек с внешностью кавказца.

«Это он, определенно это Тома Агладзе!» — решил про себя Дурмишхан.

Преградив дорогу всаднику, он вместе с Кулумбеговым приветствовал его по-грузински:

— Гамардjabat!

Лицо всадника изобразило изумление и радость. Он спешил и как родных братьев обнял партизан-грузин.

Это оказался Давид Бакрадзе, легендарный командир одного из партизанских полков, входивших в партизанское соединение Ковпака. Его отряд направлялся к городу Горохово...

В поле зрения Бакрадзе попал повешенный.

— Кто это? — спросил он.

— Бандит, националист. Он убил нашего товарища, попытался уйти, вот, схватили. Таким был наш приговор.

— И правильно! Никакой пощады изменникам Родины и всяким отщепенцам, ребята!

С этими словами он крепко обнял на прощанье земляков и, вскочив в седло, повел полк дальше.

После встречи с Бакрадзе разведгруппа Магалашвили продолжила свое дело. Она тщательно разведала лес и определила район, пригодный для передислокации батальона, о чем Магалашвили доложил Шматову уже на следующий день.

Капитан Шматов очень внимательно выслушал доклад разведчиков. Ему понравилась обстоятельность, с которой это было сделано.

Комбат решил увести партизан из района Дубно с наступлением утра. Но перед рассветом разведчики сообщили, что крупные силы карателей довольно близко подошли к расположению батальона. Столкновение с ними казалось неминуемым.

161135940
101033

Капитан Шматов немедленно созвал совещание и приказал всем боевой готовности — было принято решение вступить с фашистами в бой. Одновременно он отправил посыльных в штаб-квартиру Федорова с сообщением о передвижении немцев. Позже шматовцы узнали, что посыльных перехватили немцы. Силы были явно неравными, однако партизаны смело вступили в бой, обрушив на врага все имевшиеся в их распоряжении огневые средства. Намерения немцев сначала же были ясны: окружить и уничтожить партизанский отряд.

Казалось, батальон Шматова попал в безвыходное положение.

Капитан срочно вызвал к себе Дурмишхана Магалашвили и сказал ему:

— Силы немцев велики, фронтального боя с ними нам долго не выдерживать. Быстренько подбери ударную группу из отборных ребят, ударим по самому слабому месту немцев. Надо прорвать кольцо и вывести батальон!

— Есть, товарищ командир!

В результате доблестных, самоотверженных действий партизанскому батальону Шматова удалось вырваться из окружения и передислоцироваться на новое место в лес в районе Сарны—Ковель.

Действия партизан в тылу врага становились все более смелыми и дерзкими. Они шли на самые, казалось бы, невыполнимые и рискованные операции.

Сразу же по прибытии в сарны-ковельский лес группа Кулумбегова получила новое задание. Она должна была разведать обстановку в селе Мюситра, расположенном за железнодорожной линией Сарны—Ковель. Предстояло узнать, есть ли в селе немцы.

Задание отправился выполнять Магалашвили.

В преддверную пору группа приблизилась к железной дороге. Оставив в стороне станцию, она незаметно подошла к селу Мюситра.

Село широко раскинулось на местности.

Дома в селе, окруженные довольно обширными приусадебными участками, стояли на изрядном расстоянии друг от друга. Разведчики облюбовали один из них на отшибе и на рассвете прямою направилась к нему. Они подошли совсем близко к крыльцу, когда дверь открылась и показалась пожилая крестьянка. Увидев вооруженных людей, она от неожиданности вздрогнула, но тут же, видимо, поняла, кто перед ней. Женщина просветлела лицом.

— Вы кто, сыночки, не партизаны ли? — заговорила она мягко.

— Не ошиблась, мамаша, партизаны и есть. Может, примите? — ответил Дурмишхан.

— Для партизан наши двери всегда открыты.

— Я так понимаю, в селе немцев нет? — спросил Дурмишхан.

— Недели две, как убралась. Вернее, ковпаковские партизаны шуганули их отсюда, многих тогда били. А вы, случаем, не ковпаковцы?

— Нет, мы из другого отряда.

— Ну и ладно. Вы, ребятки, тут немного подождите, я быстренько дом приберу и позову вас.

Женщина исчезла, но вскоре появилась вновь и с улыбкой пригласила:

— Проходите, только предупреждаю, у меня два партизана уже квартируют, грузины, кстати. Не примите их за врагов!

— Два партизана-грузина? — удивленно воскликнул Дурмишхан и переглянулся с товарищами. Потом вновь обернулся к женщине и тут увидел за тусклым стеклом окна двоих с автоматами. Стараясь остаться незамеченными, они наблюдали за пришедшими.

Дурмишхан насторожился. У него мелькнула мысль о засаде. Он сказал товарищам, чтоб они оставались на месте, а сам без колебаний шагнул в дом вслед за хозяйкой.

Напротив входа у русской печки стояли те двое с автоматами на изготовку и с выражением твердой решимости на лицах. Вероятно, они были во власти тех же подозрений, что и Дурмишхан.

— Вы грузины? — были первые слова Дурмишхана.

— Да.

— Здравствуйте, земляки!

Бойцы опустили автоматы и, широко улыбаясь, пожали Дурмишхану руку. Со стороны могло показаться, что это встреча старых друзей.

Дурмишхан позвал товарищей.

— Откуда вы? — спросил он.

— Я из Кахети, Васо Осикмишвили, а мой товарищ Артем Дидишвили, из Кутанси. А ты сам откуда родом? — спросил в свою очередь Васо.

— Фамилия моя Магалашвили, а родом я из Метехи.

— Магалашвили? — с удивлением переспросил Осикмишвили.
 — А что ты удивился, может быть, среди ваших есть мой однофамилец?
 — Нет. Но одного Магалашвили я знал раньше. Если не ошибаюсь, он,

как и ты, был из Метехи, но звали его Михаил. Он очень сильный был парень, не имел себе равных в борьбе.

— Это мой брат! — не смог скрыть счастливой улыбки Дурмишхан.
 — Не может быть? Ты — брат Миши?

— Выходит, так. Может быть, ты что-нибудь о нём знаешь?

— К сожалению, ничего. Мы с ним давно виделись.

— Мне все равно интересно. Расскажи, как это было.

— Я встретился с ним на фронте в Каменец-Подольском. Потом я его видел, когда он бежал из лагеря. Расстались мы в районе Литина. После того я о нем ничего не слышал.

Осикмишвили задумался и отвел взгляд.

Однако Дурмишхану показалось, что он что-то недоговаривает. Какое-то недоброе предчувствие шевельнулось в нем.

— Послушай, Васо! — не сдержался Магалашвили. — Говори все до конца, ничего не утайвай. Скажи прямо — жив Миша? Твои глаза выдают тебя, я понял — ты знаешь что-то страшное. Слышишь, я все хочу знать. Скажи, где он погиб, при каких обстоятельствах это произошло?

Последние слова Дурмишхана заставили Осикмишвили поднять голову и вновь посмотреть в глаза собеседника.

— Мужайся, брат. Что поделатъ — война. Никто из нас не застрахован от смерти. Миша погиб смертью героя — так, как и подобает настоящему советскому воину и мужественному человеку. Я получил приказ доставить партизан, бежавших из плена, в Черный лес. Довольно большую группу. Руководитель и организатор побега, известный своей отвагой Трифон Кичко сказал мне тогда: «В этой группе, интернациональной по своему составу, есть и твой земляк — Михаил Магалашвили». Помню, как это меня обрадовало. Я его тут же разыскал, твоего брата, среди бежавших из плена. Однако пробыли мы вместе недолго. По дороге к Черному лесу, в районе Литина мы попали во вражескую засаду. Пришлось прорываться. В этом коротком, жестоком бою твой брат погиб.

Дурмишхана душили слезы. Как живой встал перед его глазами старший брат. Что теперь отвечать отцу, который в каждом письме спрашивает, не узнал ли он чего-нибудь о Мише?

Суровые и задумчивые стояли рядом Артем Дидишвили и Васо Осикмишвили.

Наконец Дурмишхан сделал над собой усилие и спросил у Васо:

— Вы, наверное, в разведке?

— Да. Где-то в этих местах проходит кабель к ставке Гитлера. У нас задание обнаружить его.

— Что ты говоришь? — удивленно воскликнул Дурмишхан.

— По данным Медведева, на прокладке кабеля работало очень много военнопленных, которые по окончании работ были расстреляны. Сам понимаешь, какое значение имеет эта линия связи.

— Да, ответственнее задания не придумать. Успеха вам! — напутствовал земляков Дурмишхан, и они простились.

Все последующие дни Дурмишхан не переставал думать о повстречавшихся ему грузинах и о порученном им задании. И действительно, месяца два спустя среди партизан распространилась весть, что это большое и очень важное задание было превосходно выполнено группой партизан, которую возглавляли Васо Осикмишвили и Артем Дидишвили.

Красная Армия обрушила на врага сокрушительные удары. Она успешно продвигалась вперед, освобождая все новые области и города.

Озлобленные гитлеровцы подвергали варварской бомбардировке города, села, уничтожали все живое. Они оставляли после себя мертвую выжженную землю.

Спасаясь от гитлеровского насилия, советские люди покидали родные места и уходили в леса, к партизанам.

В партизанском соединении Федорова было много женщин, стариков и детей. Каждый день в батальон Шматова прибывали все новые и новые группы. Это были украинцы, которые просили принять их в партизанский отряд.

Народные мстители день и ночь сохраняли повышенную боеготовность. Их удары по врагу с каждым днем становились все более ощутимыми. Они подстерегали фашистов на дорогах, совершали молниеносные налеты на разрозненные немецкие гарнизоны, сеяли среди фашистских оккупантов панику, растерянность, усиливали и без того сильные пораженческие настроения.

В марте 1944 года батальон Шматова оставил район Сарны—Ковель и расположился лагерем на восточном берегу Буга. Перед отрядом была поставлена задача форсировать реку и перейти на территорию Польши.

Врагу стало об этом известно, и он решил всеми силами воспрепятствовать выполнению замысла партизан. Против шматовцев были брошены отборные эсэсовские части. Немцы почти непрерывно атаковали партизан. Несколько раз лагерь бомбили. Создавалась ситуация, при которой переправу следовало отложить на некоторое время, а ведь как нужна была партизанская помощь на польском берегу!

Шматов решил временно отступить опять к Черному лесу. Но теперь выяснилось, что и пути к отступлению были отрезаны. Партизаны оказались во вражеском кольце. И тут-то во всей полноте проявились находчивость и боевая смекалка командира батальона Шматова. Опытный партизанский вожак сумел найти брешь в окружении и умело вывел своих людей из окружения болотами. Каратели этого не заметили. На следующий день многочисленные эскадрильи немецкой авиации буквально перепахали бомбами район бывшего партизанского сосредоточения.

Поскольку продвижение вперед оказалось невозможным, руководители партизанского соединения приняли решение искать контакты с регулярными советскими войсками и соединиться с ними. Этот замысел вскоре начал претворяться в жизнь.

Как и ранее, капитан Шматов поручил Дурмишхану и Артему Кулумбегову обнаружить слабое место в линии фронта. Была создана группа из наиболее опытных и выносливых бойцов, которая двинулась в направлении города Луцка.

На дороге, ведущей к Ковелю, партизаны заметили колонну вражеских автомашин.

Дурмишхан выделил группу из пятнадцати автоматчиков и вместе с ними стал поджидать немцев, выбрав удобное место у обочины дороги. Остальные бойцы расположились неподалеку.

Колонна двигалась к фронту на большой скорости.

Партизаны внезапно обрушили огонь на врага. Три машины, объятые пламенем, ткнулись носами в кювет. Около десяти немцев было убито. Партизаны захватили два мотоцикла.

На выполнение задания группе Магалашвили понадобилось трое суток. На четвертый день Шматов рассматривал карту, на которой Дурмишхан обозначил места, удобные для нанесения врагу ударов с тыла.

После этого комбат созвал младших командиров и ознакомил их с планом предстоящей сложной операции.

Шматов создал ударную группу численностью до роты, в которую вошли также Магалашвили и Кулумбегов. Командиром группы был назначен Смирнов — испытанный в боях офицер. Группа шла впереди батальона.

В выборе маршрута помогал старик украинец родом из Луцка, который великолепно знал местность.

Вскоре батальон был западнее Луцка и почти вплотную подошел к тылам фронтовых немецких частей.

В это время проходили бои за один из небольших населенных пунктов. В самый критический момент батальон обрушился на противника с тыла.

Одним из первых вражеских позиций достиг Дурмишхан Магалашвили. Он ловко швырнул гранату в амбразуру пулеметного гнезда, из которого по позициям советских войск велся ожесточенный огонь.

Немцы никак не ждали удара с тыла, однако после первого замешательства ответили партизанам довольно плотным огнем.

Народные мстители не остались в долгу.

В самом начале боя командир ударной группы Смирнов получил смертельное ранение, и его заменил Кулумбегов.

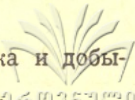
Ценой потери пятнадцати человек убитыми и одиннадцати ранеными партизанам удалось прорвать линии контратакующего врага и соединиться с частями Красной Армии.

Батальон справился со своей задачей и вывел с вражеской территории живыми и невредимыми триста местных жителей.

Это было 13 апреля 1944 года.

Партизаны считались лучшими разведчиками, поэтому советское командование распределяло их по разведывательным подразделениям.

Специальный ударный взвод Кулумбегова вошел в отряд Медведева, который готовился к переходу на польскую территорию. Однако с началом широкого наступления ему была поручена другая миссия: он двигался с передовыми частями и выполнял разведывательные задания. Вместе с другими бойца-

ми Дурмишхан Магалашвили еще не раз проникал в тыл противника и добывал для советского командования необходимые данные.

Вот какую характеристику дало ему партизанское руководство: «Тов. Магалашвили Дурмишхан Дмитриевич в ноябре 1943 года был брошен в тыл противника со специальным заданием. Там он находился до 13 апреля 1944 года. В течение этого времени он принял участие в борьбе против фашистских захватчиков и украинских националистов. В боях проявлял храбрость и отвагу. Вместе с группой тов. Магалашвили четырежды переходил через линию фронта, дважды принимал участие в операциях по ликвидации оуновцев, ликвидировал одного из активных фашистских сатрапов, который был задержан группой.

Участвовал в уничтожении продовольственного склада оуновцев.

Захваченные продукты были переданы партизанам.

С участием Магалашвили были взорваны два моста, которые играли большую роль в снабжении войск противника.

В одной из операций, проведенной против фашистов с участием Магалашвили, были сожжены четыре автомашины, груженные боевым снаряжением и продуктами, а также два мотоцикла и несколько велосипедов.

13 мая во время прорыва группой вражеского кольца Магалашвили первым бросился вперед и убил трех гитлеровцев. В этом бою опергруппой и партизанами было уничтожено много живой силы противника.

Тов. Магалашвили Дурмишхан Дмитриевич в 1944 году был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями «Партизан Великой Отечественной войны» I и II степени.

Конец войны Дурмишхан Магалашвили встретил в Берлине...

Вскоре после победы началась демобилизация.

Эшелон из восемнадцати теплушек, в которых были воины-кавказцы, приехал в Москву, а отсюда им предстоял путь в Грузию.

Был среди демобилизованных и Дурмишхан Магалашвили. С нетерпением он ждал, когда вновь увидит родную землю и небо, любимого отца-старика, сестру Тасо и младшего брата Отари.

Но разве мог он уехать, не пройдясь по улицам праздничной Москвы, уехать, не повидавшись с генералом Эгнаташвили?

Горячо и сердечно попрощался Дурмишхан с боевыми друзьями. И вот, забросив вещмешок за спину, он вышел с вокзала на улицы столицы.

На Красной площади развевались красные победные знамена. У стен Мавзолея была масса флагов.

Кремлевские куранты пробили одиннадцать.

Сердце Дурмишхана забилось в радостном волнении. Это был тот самый желанный перезвон, который вселял в бойцов надежду, силу и веру в заснеженных ровенских партизанских лесах. Звон курантов помогал бить ненавистного врага, давал уверенность в конечной победе над ним. Этот звон согревал в жестокий мороз и навевал прохладу в сухие знойные дни.

Дурмишхан направился к площади Дзержинского. Вскоре он был у здания комиссариата. Позвонил Эгнаташвили из комендатуры.

— Алло, слушаю! — послышался в трубке знакомый голос, и Дурмишхан разволновался.

— Здравствуйте, дядя Саша, это я, Дурмишхан, сын Тито. Только что прибыл из Германии по демобилизации и хотел бы вас видеть.

— Дурмишхан! Неужели это ты? Молодец! Ну погоди, сейчас тебя приведу к мне!

Когда Дурмишхан очутился в кабинете, генерал обнял и расцеловал его как родного сына.

— Ну, вижу все в порядке? Как ехал, здоров, ни на что не жалуешься? — засыпал генерал вопросами фронтовика.

— Спасибо, дядя Саша. Я очень рад вас видеть, дядя Саша! Ни на что у меня жалоб нет, здоров, как бык!

Эти слова заставили генерала громко расхохотаться и еще раз сердечно обнять сына старого друга.

Потом, перестав смеяться, сказал:

— Что же ты, правда, ни словечка мне за все время не черкнул? Да это понятно, я не в обиде. К тому же, я немного в курсе твоих дел, — запрашивал. Однако скажи сам, крепко пришлось повоевать во вражеском тылу?

— А как же! Я находился в соединении Федорова.

— Знаю. Ранен был?

— Дважды. Но я сполна отомстил врагу и за своего брата, и за погибших товарищей.

34136340
Д-1110133

— Говоришь — погибшего брата? Ты уверен в этом?

— К сожалению, да. Миша попал в плен. Был в немецком лагере, затем бежал и погиб.

— Знаешь, не говори об этом отцу... — нахмурился генерал. — Дядя, ему будет пережить это горе на старости лет. Лучше пусть ждет... Недавно я от него письмо получил. Приглашает... хоть бы еще раз, говорит, приехал ко мне в гости. Что ж, война наконец кончилась. Не сейчас, так будущей осенью как-нибудь вырвусь, приеду в Грузию. Честно сказать, иной раз так тянет в родимые края, в мой любимый Гори. К старости, наверно, дело, вот и потому...

— Вам ли о старости говорить, дядя Саша! Вы еще совсем молодец.

— Да, уж куда там... Ну, значит, били фашистских гадов?

— Били, да еще как! Хотите взглянуть на мою характеристику?

— А чего же? С удовольствием!

Дурмишхан достал из нагрудного кармана гимнастерки сложенный вчетверо лист, развернул его и подал генералу.

Эгнаташвили прочитал текст и, улыбаясь, хлопнул Магалашвили по плечу:

— Ай да молодец! Впрочем, я иного и не ждал от сына старого Тито!

Они еще поговорили, Дурмишхан рассказывал о себе и своих товарищах. Однако, чувствуя, что у Эгнаташвили времени, конечно, в обрез, Дурмишхан вскоре поднялся.

На прощанье генерал крепко пожал ему руку и сказал:

— Будь молодец, братец! Передай от меня большой привет отцу, обними его и поцелуй. Скажи, приеду его повидать при первой же возможности.

После возвращения в Тбилиси Магалашвили первым делом отправился к Кулумбегову, где был встречен с распростертыми объятиями.

За первым послевоенным победным столом они припомнили боевых товарищей. Выпили за тех, кто остался жив, и помянули павших в бою. Друзья дали твердое слово навещать друг друга.

В тот же вечер Дурмишхан был в Метехи. Радость отца была безмерной, а сердце Дурмишхана болезненно сжалось, когда он увидел, как сильно сдал за эти годы отец.

Отари превратился в высокого крепкого юношу, Тасо стала еще красивей. После того как волнения встречи немного улеглись, Тито, положив руку на плечо сыну, сказал:

— Мне известно о твоих боевых делах! Саша Эгнаташвили писал. Благодарил за то, что я вырастил такого сына. Молодец, Дурмишхан, не осрамил отца!

Много времени прошло после войны.

Бывшие партизаны, покрывшие себя неувядаемой славой в битвах с врагом, ныне мирно трудятся на благо родного народа. И где бы вы их ни встретили, везде они окружены общим вниманием и уважением.

Дурмишхана Магалашвили выдвинули на партийную работу, он — секретарь райкома. А как сказал ему на одной из традиционных встреч на Украине партизанский «батька», дважды Герой Советского Союза Сидор Артемьевич Ковпак, «секретарь райкома — это все равно что командир дивизии. Тут очень большая ответственность». Но Дурмишхан Магалашвили сlishком хорошо знает, что такое ответственность, и он с честью справляется с теми задачами, которые выдвигают перед ним партия и народ.

Перевод Бориса ПУГАЧЕВА

СЧАСТЛИВЫЙ РОД

● Рассказ

СЛУЧИЛОСЬ так, что Карагез¹ в городе Брусе поступил в текке², в качестве мюрида³. Но ему надоели там разглагольствования шейха⁴, и однажды, подойдя к нему, Карагез сказал:

— Шейх мой, отпусти меня. Я хочу покинуть эту страну, пойду дальше.

Шейх был очень рад его уходу. Он не любил его, так как Карагез постоянно корил его за пороки и издевался над чепухой, которую тот часто нес. Шейх сказал:

— Как тебе угодно! Раз так, я подарю тебе моего буланого осла, чтоб тебе было легче путешествовать.

Карагез сел на подаренного шейхом буланого осла и отправился в путь.

Когда они были уже около Атраноса⁵, осел внезапно почувствовал острую боль, разика два дрыгнул ногами и околел.

Карагез не хотел бросать волкам и другим хищникам тело животного, которое ему верно служило. Он выкопал яму в мягкой земле, опустил в нее осла и засыпал землей. Ему предстоял еще длинный путь. Он сел на могилу и задумался над тем, как же ему продолжать дальше путешествие без осла.

В это время послышался звон бубенчиков, цоканье подков, звяканье недоузdkов. Показался караван.

Вожак каравана подошел к могиле и спросил опечаленного Карагеза:

— Какой преподобный здесь почитет?

Карагез, чтобы не показать, что он горюет над могилой своего верного осла, печально покачал головой и сказал:

— Здесь похоронен преподобный марсаван⁶.

Караванщикам совесть не позволила оставить без внимания могилу столь высокочтимого лица. Они передали Карагезу деньги, провизию и разные богатые дары и двинулись дальше.

Чтобы не остаться в долгу у своего верного слуги, благодаря которому он разбогател, Карагез выстроил на могиле мавзолей, обвел его оградой и разбил кругом сад.

Предлагаемый читателям рассказ прогрессивного турецкого писателя Бурхана Джахида из книги «Карагезюн фыкралары («Рассказы Карагеза», Стамбул, 1926) переведен на русский язык известным грузинским ученым-туркологом академиком АН Грузинской ССР Серги ДЖИКИЯ.

Проезжающие путешественники, видя мавзолеев, тоже стали оставлять здесь сосулы с маслом, свечи, деньги, тканы, молитвенные ковры. Тогда Карагёз построил рядом с мавзолеем дом и себе. Слава о гробнице марсавана быстро разносилась. День ото дня росло число паломников, устремлявшихся сюда. Они возносили молитвы, воскурляли благовония, приносили обеты аллаху. Воодушевленный всем этим, Карагёз вырыл колодець и построил текке. И так за короткий срок здесь возникла обитель, слава о которой гремела по всей стране. Молва о гробнице марсавана дошла и до ушей шейха в Брусе. Шейх приказал оседлать лошадь и отправился посетить могилу великого угольника.

Он прибыл в прославленную обитель преподобного марсавана. И здесь перед ним уже как шейх предстал Карагёз. Увидев его, брусский шейх остолбенел. Он сказал:

— Послушай, челеби⁷, что это такое?

Карагёз не утаил ничего от старого шейха, он честно рассказал обо всем, что произошло. Когда же Карагёз попросил своего бывшего шейха не разглашать тайны, тот погладил по плечу своего бывшего мюрида и шепнул ему на ухо:

— Не беспокойся, челеби, ведь святой, почиющий у нас в гробнице брусского текке, приходится твоему благодетелю дедом. Знай, что они по своей породе счастливые, благословенные твари, будь покоен.

¹ Карагёз — комический персонаж турецкого народного теневого театра. За исполнителями роли Карагёза это имя оставалось и после ухода из театра.

² Текке — дервишский монастырь.

³ Мюрид — послушник в текке; последователь шейха.

⁴ Шейх — глава мусульманской общины; здесь — наставник текке.

⁵ Атранос (ныне — Орханзели) — уездный город в Брусском вилайете.

⁶ Марсаван (марзбан) — начальствующее лицо в пограничной стране.

⁷ Челеби — титул главы текке, ордена дервишей.

Перевод с турецкого Серги ДЖИКИЯ

ПРИЗВАНИЕ — ХИРУРГИЯ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В ОПЕРАЦИОННОЙ — тишина, изредка прерываемая негромкими командами хирурга, стуком инструментов. Тишина лишь обнажает то огромное внутреннее напряжение, которое охватило всех, кто стоит сейчас в операционной. Это напряжение выдают капельки пота на лбу хирурга, глаза врачей, безотрывно следящие за чуткими руками, вступившими в схватку за жизнь человека...

Операцию ведет заслуженный деятель науки, академик АМН СССР, заведующий кафедрой госпитальной хирургии Тбигосмединститута Мамия Эседович Комахидзе.

Хирург широкого диапазона, крупный ученый, талантливый педагог и организатор, страстный пропагандист медицинской культуры, убежденный партиз. Мамия Эседович Комахидзе родился в Батуми 12 ноября 1906 года. Он рано потерял отца, рано столкнулся с лишениями и трудностями. Несмотря на тяжелое время и тяжелое материальное положение, юноша упорно идет к своей цели — учиться. Сперва Батумский гуманитарный техникум, затем Тбилисский государственный университет — сначала политехнический, но уже к концу осеннего семестра — медицинский факультет — он искал себя в различных сферах науки и, наконец, навсегда посвятил жизнь благороднейшему на земле делу.

Круг интересов М. Э. Комахидзе широк с юности. Еще будучи студентом техникума, он принимал активное участие в работе литературного кружка, вел просветительную работу среди населения Аджарии под руководством известного общественного деятеля Захария Чичинадзе. Молодого врача М. Комахидзе мы видим сперва районным пропагандистом, затем — депутатом Тбилисского городского Совета, депутатом Верховного Совета Аджарской АССР, членом обкома Аджарской АССР, в годы Отечественной войны — секретарем парторганизации офицерского эвакогоспиталя. М. Э. Комахидзе — член правления Тбилисского общества хирургов им. Г. М. Мухадзе, председатель секции медицинской географии Географического общества Грузии, член Закавказской группы проблемной комиссии «Геронтология и гериатрия», Ученого совета Министерства здравоохранения СССР, Международного хирургического общества, Международного кардиоваскулярного общества, почетный член хирургических обществ Чехословакии, Украины, Дагестана и председатель Научного общества хирургов Грузии.

За 42 года работы — несколько десятков тысяч операций. Сколько спасено жизней! А еще пять тысяч раненых, излеченных в госпиталях, в создание которых он вложил столько энергии!

Ведущий хирург Тбилисского эвакогоспиталя, М. Э. Комахидзе произвел большое количество восстановительных пластических операций, в частности при повреждении магистральных сосудов, нервов, суставов, костей, а также столь сложные операции, как удаление инородных тел из легкого и сердца, операции при травматических диафрагмальных грыжах и др.

Сложные операции он производил не только в руководимом им госпитале, но и в различных эвакогоспиталях фронтовых районов, куда его направляло командование Закавказского фронта.

Под непосредственным руководством М. Э. Комахидзе в тот период были подготовлены около двухсот военных врачей. Возглавленный им коллектив эвагоспиталей работал четко, слаженно, квалифицированно.

Несмотря на напряженную лечебную работу в госпитале, М. Э. Комахидзе ни на минуту не прекращает научных исследований. На заседаниях Хирургического общества Грузии в те годы им было сделано 19 докладов по вопросам военно-полевой хирургии. И наконец, в самый тяжелый период войны — в 1941 году — он защитил свою докторскую диссертацию.

Много теплых писем, полных неизмеримой благодарности, получал Мамия Эседович с фронта. Ему писали солдаты и офицеры, которым он не только спас жизнь и возвратил здоровье, но и вселил веру в свои силы, в победу.

При всей трудности и напряженности жизни тех лет Мамия Эседович не теряет связи со своим учителем Григолом Мухадзе и другими дорогими ему людьми.

И сегодня он с трепетным уважением говорит о тех, у кого учился: А. Н. Натишвили, С. С. Юдине, В. М. Тонкове, Г. М. Мухадзе.

Три монографии (одна из них написана совместно с Д. Г. Мамамтавршвили, другая — с А. И. Чачанидзе) посвятил М. Э. Комахидзе основоположнику научной хирургии в Грузии Г. М. Мухадзе.

Но главное, без чего при всех знаниях и прочих достоинствах не может состояться ни один выдающийся врач, — подвижническое отношение к медицине и глубокая, не показная доброта к больному — эти качества с первых же шагов работы характеризуют М. Э. Комахидзе. Благородные традиции отечественной школы хирургов он обогащает и передает новому поколению врачей.

Ученикам его трудно представить учителя более строгого и требовательного, но и более заботливого и теплого, более щедрого на помощь, на совет, на отдачу всего, что он знает и умеет сам. Шестнадцать докторских и пятьдесят две кандидатских диссертации защищены под его руководством. В Батуми, Поти, Гори, Гегечкори, Боржоми, Цхинвали, Ахалцихе, Махарадзе, Телапи, Чиатура, Кутаиси, Рустави и других городах работают его ученики и последователи. Под руководством М. Э. Комахидзе выполнено более семисот научных работ, опубликованных в центральных и республиканских журналах, в различных сборниках, а также в материалах международных, всесоюзных и республиканских съездов, конференций, симпозиумов. Сам Мамия Эседович — автор более 300 печатных трудов, опубликованных в советской и иностранной печати, среди которых тридцать одна монография.

Пожалуй, самыми крупными из монографий являются «Хирургия селезенки» и «Селезенка». Они содержат и широкий обзор литературы, и морфологические исследования сосудов в норме и эксперименте, и материалы клиники госпитальной хирургии Тбилгосмединститута за сорок лет.

Ряд трудов М. Э. Комахидзе посвящен вопросу травматического повреждения сосудов, лечения травматических аневризм, тромбоемболическому заболеванию, острой непроходимости крупных кровеносных сосудов.

Опыт М. Э. Комахидзе по оперативному лечению травматических аневризм охватывает почти все крупные сосуды, кроме аорты; сонную, подключичную, плечевую, подвздошную, бедренную, подколенную и даже аневризму печеночной артерии. Весьма важно, что из ста восьмидесяти больных, оперированных по поводу аневризм, ни один не погиб.

Часть трудов М. Э. Комахидзе посвящена травмам: они касаются патогенеза и лечения ожогов и обморожений, диагностики и лечения закрытых и открытых повреждений ряда органов брюшной полости, огнестрельных повреждений костей конечностей.

Немало трудов М. Э. Комахидзе касается новообразований. На основе опыта госпитальной хирургической клиники автор выдвигает положения, на которых должна основываться ранняя диагностика рака желудка.

М. Э. Комахидзе имеет исключительно богатый опыт в области брюшной хирургии. Заболеваниям брюшной полости, и в частности пищеварительной системы, помимо многочисленных журнальных статей, М. Э. Комахидзе посвятил четыре монографии.

В 1946 году М. Э. Комахидзе принимал активное участие в организации Института экспериментальной морфологии им. А. Н. Натишвили, где до 1960 года заведовал отделом экспериментальной анатомии, а теперь является научным консультантом и одновременно на базе института ведет группу АМН СССР по изучению изменений микроциркуляции при терминальных состояниях.

На протяжении ряда лет М. Э. Комахидзе занимается вопросом трансплантации сосудов. В соавторстве с Н. А. Джавахишвили им изучена аутопластика вены в артерию и как надежный пластический материал рекомендован отрезок собственной вены пациента для замещения артерии. Изучено вживление аллопластических сосудов из различных синтетических веществ разных физических

свойств. Изучено своеобразие ветвления венечной артерии сердца в аспекте современных требований кардиоваскулярной хирургии.

Ряд важных исследований по макро- и микроваскуляризации пищеварительного тракта, проведенных М. Э. Комахидзе, создает теоретическую основу для выработки новых методов оперативного вмешательства, в особенности пластических операций.

Множество трудов М. Э. Комахидзе того же характера касается вопроса сосудоснабжения стенок крупных сосудов, а также изменений, которые претерпевают сосуды при перевязке или денудации артерий или вен.

Слова «первый», «впервые» часто приходится упоминать, говоря об академике АМН СССР Мамия Эседовиче Комахидзе. При переломе шейки бедра (остеосинтез) им был рекомендован метод фиксации гвоздем, который впоследствии получил широкое распространение в Советском Союзе. Им впервые в Грузии была использована капроновая ткань для пластики диафрагмы с целью лечения ее дефекта и релаксации. Более ясное представление даст перечень операций, впервые выполненных М. Э. Комахидзе в клинике: субтотальная резекция желудка по поводу рака (1937), задне-верхняя торакопластика (1940), удаление кистозного арахноидита при эпилепсии (1940), рука Крюкенберга (1945), ушивание прямой кишки при ее разрыве (1945), шейно-грудная симпатэктомия с удалением звездчатого узла (1948), изолированная перевязка поджелудочно-двенадцатиперстной артерии при кровоточащей язве двенадцатиперстной кишки (1951), пищеводно-желудочное соустье при кардиоспазме — чрезгрудным подходом (1953), удаление легкого при бронхостатической болезни (1961), пластика диафрагмы капроновой тканью при диафрагмальной грыже (1962), то же при релаксации диафрагмы (1963), иссечение пищеводно-бронхиального свища (1963), колэктомия с илеосигмоидопастомозом при ulcerозном колите (1965), пластика пищевода из правой половины толстого кишечника (1967) и др.

М. Э. Комахидзе всегда стремится к новому, никогда не останавливаясь на достигнутом.

Имея тесные научные контакты с видными представителями советской медицины: Л. К. Богущем, А. А. Вишневым, Д. А. Ждановым, И. С. Колесниковым, Б. А. Петровым, Б. В. Петровским, М. А. Топчибаевым, Ф. Г. Угловым, Д. А. Араповым, П. Н. Мазаевым, В. С. Савельским, Г. И. Абдуллаевым, Р. П. Аскерхановым, И. Х. Николаевым и многими другими, М. Э. Комахидзе всегда в курсе новейших достижений ведущих клиник и кафедр Советского Союза.

За выдающиеся заслуги в деле охраны здоровья трудящихся Мамия Эседович Комахидзе награжден орденами «Знак Почета», Красной Звезды, Трудового Красного Знамени и многими медалями. В 1961 году М. Э. Комахидзе присвоено звание заслуженного деятеля науки ГССР, в 1969 году он избран членом-корреспондентом, а в 1971 году — академиком АМН СССР.

Мамия Эседович — человек редкой скромности. Неповторима его манера общения — деликатная, спокойная, неизменно предполагающая абсолютное равенство с собеседником. Он обладает поистине удивительным даром общения с больным: никакой фамильярности, никакой дешевой любезности, а в то же время больной чувствует себя с ним спокойно, раскованно.

К категории людей и на склоне лет неутомимых, неисчерпаемых относится Мамия Комахидзе. Он из тех, кто всегда стремится быть необходимым, полезным людям, из тех, кто горит любовью к своему делу, отдавая ему всего себя. Над такими даже всесильное время имеет минимальную власть. Пусть годы посеребрили его голову, но движения рук хирурга по-прежнему уверенны, четки и верны.

Мамия Комахидзе встречает свое семидесятилетие полным энергии и творческих сил — на подъеме!

ПРОШЛО уже более трех десятилетий, как поэтический голос Георгия Каландадзе влился в многоголосье щедрой и яркой грузинской поэзии. Мы знаем немало его стихов — трепетных и волнующих, его крылатых строк, как молния пронзающих память, —

...И в горах — тоже таинья праздник,
И гремит водопадный потоп...
И ущельями едущий всадник
Скакуна посылает в галоп,

Нас не раз волновали любовная лирика Георгия Каландадзе и его тонкие живописные пейзажи, через которые мы входим в мир чувств благородного человека, свято любящего родину. В этих стихах отраженный свет прекрасных устремлений и побуждений нашего современника.

Но я хочу выделить из всей поэзии Георгия Каландадзе то, что считаю большой удачей не только поэта, но и всей грузинской поэзии, — это его стихотворение «В зале публичной биб-

„Я живу, я преграды сметаю...“

И пьянит его скачки потеха,
И свистит его гибкая плеть!
И вдали, словно гулкое эхо,
Первый гром начинает греметь!

И по небу всему отзываясь,
Он ликующ, он вовсе не хмур.
И взлетает со скал, состязаясь
С горной птицей, играющий тур...

(Перевод Л. Темина)

Эта поразительная по своей пластичности картина украсила бы составленную на уровне самых строгих требований антологию грузинской поэзии. Здесь в смертельном прыжке — волежность, смелость и красота вечной жизни. Мы любим Георгия Каландадзе за строки, овеянные легкой грустью обо всем преходящем, мимолетном, нас глубоко занимают его раздумья о прошлом Грузии, об исторических событиях времен Ираклия II, ассоциации, вызванные пламенным обращением грузинского царя к Сафар-паше, потомку ахалцихских Джакели, в течение столетий разорявших и опустошавших Грузию.

лиотеки». Мы ощутили и познали то прекрасное вдохновение, которое возникает от соприкосновения с бессмертием человеческих мыслей и чувств. Сумерки подступили к окнам огромного притихшего зала, но он объят пламенем таких страстей и переживаний, которые, прорвав молчание, прозвучали бы на весь мир. Перед нами бескрайний океан мировой мысли и мечты. Читатель медленно и осторожно перелистывает страницу за страницей, будто мудрый слепой старец перебирает чувствительными пальцами струны своей лиры... Нет больше окон... Нет зала... В невиданном свете сверкает Эллада, встает древний Колофон, один из тех семи городов, которые оспаривают право называться родиной этого мудрого слепого старца. Шелестят на столах страницы книг и возникает прекрасное приобщение к мудрости Фирдоуси и Руставели, Данте и Тагора. Расстилаются сожженные солнцем пустыни и утонувшие в тумане зеленые Альпы. И вдруг с этих мировых вершин будто срывается Чаргали, и со скалы раздается гортанное «ауа» — то

ли гул несущейся лавины, то ли рев тигра:

...Мчитя орел, повелитель лазури,
Крылья умывший брызгами шквала.
Пьяный корабль качается в хмури,
Призрак Артюра стоит у штурвала.

Все возрождается. Прошлое начато
Заново. Курс по давнишнему румбу!
Низкое небо исколото мачтами
Вечных: Синдбада, Улисса, Колумба.

(Перевод Н. Голя)

В безмолвии зала витают призраки — над Дарданеллами мерцает тень Байрона, безграничная Вселенная охвачена зрачком подозрительной трубы Галилея, и космос пронзен кораблем Гагарина. Века сменяют друг друга, а читательный зал остается — огромное вместилище дум, устремлений, страстей, восторга и мук.

Читаешь этот гимн книге и ощущаешь чудо, входя через волшебные врата в иной мир, где ты, заключенный в четырех стенах, не чувствуешь себя одиноком, где ты можешь быть современником Галилея и Гагарина, свидетелем далекого прошлого человечества, так же как настоящего и будущего, где ты можешь прикоснуться к самым сокровенным чаяниям человеческого — уже свершившимся и еще не осуществленным. В твою душу врывается целый мир, и от этого захватывает дух.

Говоря об ассоциативном течении сознания, Стефан Цвейг вспоминает, как однажды, отвечая на вопрос, куда он направляется, писатель назвал Алжир, и в ту же минуту он был охвачен множеством ассоциаций — Карфаген, культ Баала, Саламбо, строки из книги Тита Ливия, где рассказано, как встретились в битве пунические и римские армии, войны Ганнибала и Сципиона, и эта же сцена из драматического фрагмента Грильпарцера. Тогда же в мыслях сверкнуло многокрасочное полотно Делакруа и пейзажи в манере Флобера, и раненый Сервантес, когда войска Карла Пятого вели наступление на Алжир. Так слово «Алжир», произнесенное случайно на палубе корабля, приобрело внезапно магическую силу, так же как письменность, созданная человеком, повела вперед народы и нации по пути подъема национального и социального прогресса.

Все эти мысли навеяны лишь одним небольшим стихотворением Георгия Каландадзе.

Но здесь все — замысел, идея, манера — очень характерно для поэзии Георгия Каландадзе. Все это мы видим

и в циклах его стихов — «Тысяча и одна ночь», «Айвенго», «Грузинский перевод «Старшей Эдды», и не только в этих произведениях, отдельно выделенных автором, но и в стихах, написанных на мотивы восточной поэзии. Эти стихи, в частности «Ответ дервиша», «В оазисе стоит пестрая мечеть» и другие, рождены не только непосредственными впечатлениями от пребывания в Средней Азии, но и, я полагаю, богатыми ассоциациями, пришедшими к нему из мудрых восточных книг.

Отдельные циклы стихов возникли на материале грузинской литературы — «К Руставели», «Испивший воды Терек», «Молитва Гурамишвили», «Последние слова Бесики Габашвили», «На чаргальской дороге», «В Армазихеви» и многие другие, в которых идет живая переключка поэта — нашего современника с великими мастерами слова прошедших эпох.

Главная тема Георгия Каландадзе — обновленная и возрожденная родина. Живые, многокрасочные пейзажи долин и гор Грузии, затаенная внутренняя дрожь, охватившая душу поэта, встречающего рассвет в горах или обнаружившего первую весеннюю почку, и взбудораженные птицы, наполняющие гомоном прекрасный сад, — все это живет в стихах Г. Каландадзе. В одном из стихотворений поэта говорится:

...Теплый ветер в лужайки вернулся,
Засвистал о весне во весь дух,
Облакам человек улыбнулся,
И извлек саламури пастух.

Что прекрасней высокого неба,
Где касатки хлопочут весь день?
И остатки последнего снега
На тропе своей топчет олень.

(Перевод Л. Темина)

В стихах Каландадзе мы ощущаем пронизывающее сердце каждого грузина горячее стремление сделать родную Грузию еще более прекрасной. В одном раннем стихотворении «Колхской девушке» поэт писал:

...И в глазах твоих я мандарины,
Словно звезды, подсчитывал нелю,
Обновленная наша Колхида
Мне была драгоценней Эдема!

А с ветвей —

красоте твоей славу
На весь мир соловьи возглашали,
Мне завидовали — по праву,
Нас на счастье благословляли...

(Перевод Л. Темина)

Такую жизнерадостность и неизбежную нежность это стихотворение сохранило и поныне.

Нельзя без волнения читать стихи поэта о его сверстниках и самых близких друзьях — Ладо Асатиани, Александре Саджая, Мирзе Геловани. Очень рано ушли они из жизни. И поэт мысленно жаждет встречи с ними.

Рок приговор свой вписал
втихомолку.
А на Тбилиси снега опускались,
Мы увлеченно бродили подолгу,
И неожиданно, сразу расстались...

Ты в свой Одиши навек
возвратился,
Праведен дом твой — могила
святая,
Спящий Ладо охраняет Тбилиси,
А о могиле Мирзы и не знают...

Если из мрака, как Феникс, ты
выйдешь,
Встретишь потоком у горных
ущелей, —
Вот удивись, когда вдруг
увидишь,
Как мои волосы поседели!

(Перевод Л. Темина)

Острой болью, жгучей как пуля, отзывается в нас воспоминание о Мирзе Геловани:

Где ты, где ты?!
Ответь же нам,
Не томи нас, не мучай,

Богатырь с даром песенным,
Соловей сладкозвучный!

Где строка обрывается?
Что ей пули пропели?..
В Тианети склоняется
Мать к твоей колыбели...

(Перевод Л. Темина)

Лирический герой из стихотворения «Секвойя» заявляет: я не так горд и крепок, как это дерево, я подвержен и изменчивой погоде, и обычной человеческой простуде, которая может меня одолеть. Ты же — секвойя — мамонтово дерево, выстоявшее тысячелетия в далеком калифорнийском саду, знай, что поэт все же могущественнее, потому что ни небо, ни далекие пространства не могут быть для него недостижимыми — он может достичь звезд на небосводе и рукою коснуться бессмертия.

...Но услышь человека, секвойя,
И склонись предо мною, услышав:
Пусть я бремен и тешусь мечтою, —
Высока ты, секвойя,
я — выше!

Я живу, я преграды сметаю,
Звезд далеких сумею достичь я,
Мир измерить от края до края
И рукою коснуться величья.

(Перевод Л. Темина)

Прекрасные слова! Поэт не может существовать без такой веры, такого стремления и такой надежды. Без этого невозможно быть ни истинным творцом, ни художником.

Триптих Эммануила Фейгина

ЭММАНУИЛА Фейгина читатель знает и любит давно — ведь на протяжении десятилетий знаком ему он и как автор романов, повестей, очерков, в значительной своей части связанных с военным опытом, с Великой Отечественной войной, и как прекрасный переводчик грузинской прозы — из тех редких, под чьим пером иноязычная плоть и душа начинают жить истинно второй жизнью, а не обрекаются на жалкое жизнеподобие. (Таковы, в частности, фейгинские перевоплощения произведений Константина Лордкипанидзе и Григола Абашидзе, Акакия Беллашвили и Григола Чиковани, Андро Лошидзе и других).

Но вот передо мною три последних по времени вещи Фейгина — роман и две повести — «Синее на желтом», «Бульдоги Лапшина» и «Обида Егора Грачева», произведения, которые не только оправдали надежды и, так сказать, покрыли «аванс» читательского доверия и любви, но и явно перекрыли его, превзошли все предполагаемые его пределы и, в конечном счете, явили не только качественно новую веху в творчестве мастера, но и подключили его творчество к самой высоковольтной по нравственно-социальному началу линии современной советской прозы.

Я мысленно представляю эти произведения собранными, сплоченными в одну книгу — своего рода триптих в жанре прозы и именно такое издание задумано осуществить в нашем издательстве «Мерани». Поэтому ниже я буду говорить именно о единой книге — о триптихе Эммануила Фейгина.

В одном из отступлений рассказчика, от имени которого повествуется «Синее на желтом», есть такое размышление: «Нам надо бы две жизни иметь: одну предварительную для подготовки к жизни, а вторую для самой жизни, для поступков». Если эту мысль распространить на жизнь творческую, на жизнь художника в искусстве (ибо сама по себе, в данном случае, его жизнь, как мы знаем, неделима), то можно было бы сказать с достаточной уверенностью:

роман и две повести, о которых идет речь, как раз те **поступки** писателя, на подготовку к которым не жаль потратить всю свою предысторию, всю свою прежнюю работу, которая, в свою очередь, озаряется новым светом по милости излучений подготовленного им же поступка. Это и есть, наверное, то, что великий Пришвин называл **«творческим поведением»**. Да, это именно диалектика творческого поведения. И раз уж я помянул Михаила Пришвина, позволю себе сослаться на недавно опубликованную его дневниковую запись, которую можно было бы взять эпиграфом к предполагаемой книге: «Красит человека только любовь, начиная от первой любви к женщине, кончая любовью к миру и человеку, — все остальное уродует человека, приводит его к гибели, то есть к власти над другим человеком, понимаемой как насилие». Именно об этом «Синее на желтом» и «Обида Егора Грачева» — две крепчайше взаимосвязанные вещи Фейгина. Первое крыло пришвинского логического взмаха могло бы осенить Юру Топоркова и Сему Медведева из «Синего на желтом» и собачку Принца, и лошадь Чемберлена, и мальчика Васю Саенко из «Обиды», а второе крыло — соответственно — Николая Угарова — из романа — и Егора Грачева да Базанова, а может, и грачевского начальника Бориса Алексеевича — из повести.

...Мартовским днем сорок второго года идут по прифронтовой степи, спешат к своей части — и спешат наговориться, выговориться — два юнца, постарше и помладше, военкор Сема Медведов и младший лейтенант Юра Топорков. Идут Юра и Сема, и поначалу едва ли не главная музыка их разговора — не обидеть бы друг друга; сначала, вернее, не обидеться бы самому, не быть обиженным и задетым, а потом, сразу же, не задеть товарища неосторожным словом. Это своего рода «дуэль деликатностей», «поединок чуткостей». А дальше — любовь к родителям, сестрам, товарищам, к своей школе, к своей улице, к своему городу и селу, любовь к

женщине, любовь к советскому Отечеству, миру и человеку. Взаимной исповедью звучат прекрасные и высокие, ясные и чистые в своей наивной прямолинейности (и от этого еще более чудные) слова этих — вот уже поистине антифашистов призыва первого военного года. Но диалектика и саморазвитие беседы подводят их к более сложным размышлениям, приобщающим их к более зрелому — пока еще не своему личному — опыту. И этот опыт, ни на секунду не отвлекая юншей от чувства, от страсти, от мысли, от долга противостояния бесчеловечному чудовищу, огнедышащему рядом, у линии фронта, в эти часы временного и относительного затишья, этот опыт приводит их к размышлениям и о том, сколь благородны и безупречны, человечны и бесчеловечны должны быть собственные наши ряды, чтобы нелюбовь и нечеловечность не заронили в них свой ядовитый посев... И Сема говорит Юре: «—Ты только подумай, сколько людей участвуют в войне. Разных людей. Чего ж удивляешься, что не все одинаково к войне относятся. Для одного война — ордена, слава, высокие должности. Для другого — возможность командовать, многими людьми командовать, возможность властвовать над ними. А к третьему присмотришься и вдруг увидишь, что ему нравится война, потому что ему нравится убивать». И на вопрос Юры: «И такие есть?» — Сема отвечает: «Уроды, конечно, а есть. Но для меня, а вернее, для большинства, а я к большинству принадлежу, война эта — война за Родину, за советскую Родину. Священная это война для меня». И Юра тут же, с естественностью выдоха: «И для меня. И для меня священная...».

И вот в романе сложным аналитическим (и я не перестану подчеркивать — диалектическим) путем показано, как суверенной, самодержавной ценностью человеческой личности, человеческой жизни измеряются и проверяются многие и многие иные ценности, в том числе и нравственная ценность «разных людей», участвующих в войне. В самой общей форме вывод, к которому приходит Сема Медведев, таков: «Человечество беднеет, потеряв любого человека. Любого? Да, любого... если только он человек, а не зверь в образе человека». Учтем, что эти, казалось бы, отвлеченно высокопарные, слова произнесены или продуманы, выстраданы через четверть века после того, как на Юру и Сему тогда, в той степи, налетел ведущий свой батальон в атаку комбат Угаров и, приняв их по складу своей души за дезертиров, ни на миг не задумываясь, не дрогнув, не моргнув, тут же, сходу, в упор пристрелил Юру Топоркова и чудом, по случаю, не уложил там же и Сему Медведева. И что все эти четверть

века, а особенно эти последние месяцы новых неожиданных встреч с Угаровым Сема провел, ни на миг не расставаясь с мучительной и светлой думой о Юре, с тревожной, страшной, смутной и гнетущей мыслью об Угарове. А в то зимнее утро марта сорок второго, в приазовской степи Юра и Сема «почти одновременно увидели выкипевшие до прозрачного дна угаровские глаза, и почти одновременно заглянули (может, через эти прозрачные донышки, а?) в угаровскую душу». И, как в какой-то давно читанной книге, — думает Сема, — Юрой тогда был сделан «потрясающе отчетливый снимок души убившего его человека, и не той стороны его души, которую видят все, а той, что скрыта».

«Синея на желтом» — роман о душах открытых, распахнутых и о душах с «двойным дном», о душах — двоедушных, о ликах — двуликих. Мрачная тень Януса витает над ликом Угарова, заслоняя мнимостями подлинности, подменяя словами явь, подсыпая яду в мартинианские чаши жизни, узурпируя права и обязанности рожденных жить, а не умерщвлять, ложным, оптической прихотью природы порожденным подобием солнца грозя оттиснуть от людей настоящее, истинное дневное светило. И вот тогда и происходит, как в памятных строфах поэта: «Артиллерия бьет по своим...». И тогда Угаров не только по случайной ошибке, не только по стечению роковых обстоятельств, а по велению собственной бездушной души, по приказу своего бессердечного сердца, по прицелу своего — нет не видящего, а именно всевидящего!.. — глаза скашивает, вырубает из жизни Юру Топоркова. Угаров — аскет? Вот что об этом скажет нам тот же Михаил Пришвин: «Аскетизм как цель есть величайшая нелепость. Он есть покров ханжи и лицемера». Холодом аскетизма веет от ложного, обманно сфокусированного солнца, а не от живой жизни, не от животворного светила. Недаром, слушая и морщась, едва дослушав и дотерпев до конца один рассказанный Семей Медведевым случай, происшедший с ним в подмосковном санатории, Угаров, пригнувшись к собеседнику, чуть ли не прошепел: «Жаль, что я тогда тебя не шлепнул». А случай был такой: «Во второй половине дня мы вдруг увидели в тамошнем небе два солнца. И поскольку среди нас не было небознатцев, а солнца были такие одинаковые, такие похожие, мы не могли точно определить, какое из них настоящее, какое ложное, и хотя был лютый мороз (в такие лютые холодные дни и возникают ложные солнца), мы все стояли на крыльце, шутили, разыгрывали других, а в сердце каждого разрастался страх: а вдруг, а вдруг перебегает неведомый режиссер и, закончив спектакль, по ошибке сни-

мет с неба настоящее солнце, а ложное оставит... Но нас позвали в столовую, а когда мы снова вышли на крыльцо, на небе уже было одно солнце, и мы сразу поняли, что оно настоящее, — господи, какие же мы тупицы, неужели настоящее можно спутать с ложным! — и страшно обрадовались, и кто-то даже крикнул «ура», а кто-то на радостях побежал за три километра в гастроном за голитровкой». Вот тут-то и произнес Угаров свое злое — «жаль, что я тогда тебя не шлепнул» — и добавил — «ты мне эти свои сказки не рассказывай, Медведев! Понял? Мне такие намеки — нож в сердце... я тебя насквозь вижу».

Это естественная реакция мнимых величин на все живое и подлинное. А получается на деле — в данном случае на войне — так, как это было описано поэтом при той бешеной смене светотеней войны:

Подлинное — это дот,
За березами, вон тот,
Дот, как дот, одна из точек,
В нем заляжет на всю ночь
Одиночка-пулеметчик,
Чтобы нам ползти помочь.
Подлинное — непреложно:
Дот огнем прикроет нас,
Ну, а ложное — приказ...
Потому, что все в нем ложно,
Потому, что невозможно
По нейтральной проползти.
Впрочем... если бы... саперы...
Но приказ — приказ, и споры
Не положено вести.

Конечно, с приказом в разгар боя не спорят... Но ведь даже через четверть века на собрании ветеранов и молодых офицеров тот же знаменитый угаровский бой за Ясногорск, которым он больше всего гордился, стал выглядеть несколько иначе. Запросто было доказано глубоко этим уязвленному Угарову, что батальон его понес неоправданно большие потери, что и в этом случае цель не оправдывает средства, что опять-таки речь идет о цене хотя бы одной человеческой жизни на хотя бы самой гибельной в истории человечества войне. А для Угарова оправдана и гибель ста двадцати бойцов, раз Ясногорск взят (а потери могли быть втрое меньше), и заклятие Топоркова в марте сорок второго, раз он — Угаров — был убежден в тот миг в том, что Топорков дезертир. Он этого не говорит Медведеву, но он мог бы сказать ему по логике и системе своих убеждений и рассуждений, что если Юра и не был дезертиром, то мог бы им быть, а раз он убит, то тем самым убит потенциальный дезертир. Ведь так и у Грачева: наивный, доверчивый, жизнерадостный, солнечный щенок Принц или опасный для лю-

дей бешеный пес — все одно. И оба — убийца Топоркова или собачник, обрекающий на смерть Принца. И оба — полнены чувства выполненного долга. А когда отличный парень, дежурный по участку инспектор Коля решает доискаться смысла и справедливости в действиях Грачева, то между ними возникает диалог, который в иной, знакомой нам уже по роману ситуации, при естественных реальных коррективах, мог бы завязаться между Семей Медведевым и Угаровым:

«— А почему вы все-таки взяли щенка? Он, что, укусил кого-нибудь?»

— Этого я не знаю, Николай Павлович, и врать не буду.

— Значит, он просто бегал, просто гулял?

— А какое это значение имеет. Гулял — не гулял. Просто бегал или не просто. Укусил — не укусил. Сегодня не укусил — завтра укусит.

— Вы уверены, что укусит?

— Обязательно, — сказал Егор Семенович. — Раз у него зубы есть, значит, обязательно кусаться будет. Потому и провожу профилактику, чтобы уже не кусались.

— Профилактику?

Егор Семенович никак не думал, что это привычное служебное слово может так не понравиться инспектору. Человека не просто передернуло, а даже как-то перекосило беднягу».

И тут я не могу не поддаться искушению вспомнить недавние дивные стихи Бориса Слуцкого, стихи, которые — даже если Слуцкий и не читал «Обиды Егора Грачева» — по неписаным законам «фантастического литературоведения» представляются мне, если не навеянными «Обидой», то возникшими в негласном согласии с ее автором:

Каждый заработок благороден.
Каждый приработок в дело годен.
Все ремесла равны под лунной.
Все профессии — кроме одной.

Среди тысяч в поселке живущих,
Среди пьющих, среди непьющих,
Не берущих в рот ничего, —
Не находится ни одного.

Председателю поссовета
Очень стыдно приказывать это,
Но вдали, километрах в шести,
Одного удается найти.

Вот он: всю систему пропорций
Я в подробностях рассмотрил!
Негодяй, бездельник, пропойца,
Но согласен вести отстрел.

А курортные псы веселые,
Вежливые бесхозные псы,
От сезонного жира тяжелые,
У береговой полосы.

Эти ласковые побирушки.
Доля их весьма велика —
Хоть по капле с каждой кружки,
Хоть по косточке с шашлыка.

Кончилась страда поселковая,
И пельменная, и пирожковая,
И кафе «Весенние сны»
Заколочены до весны.

У собак не бывает историков.
В бывшем баре
У бывших столиков
Скачут псы
В свой последний день.

Их уже накрывает тень
Человека с тульской винтовкой,
И с мешком,
И с бутылкой в мешке,
И с улыбкой — такой жестокой,
И с походкой такой — налегке.

Юнец Топорков и щенок Принц...
Пусть Угаровы и Грачевы, эти аскеты,
то бишь ханжи и лицемеры, даже не по-
дозревающие или не разрешающие себе
подозревать, что они таковы, возмуща-
ются такой параллелью. А вот мальчиш-
ка Вася Саенко, свидетель грачевской
расправы над Принцем и кары божьей
или человеческой, постигшей Егора (он
ведь сам попал в свою же клетку), этот
Вася Саенко уже чувствует и даже рас-
суждает так: «Она тебе и друг и за-
щитник... Она, может, дороже новень-
кой «Волги» стоит. Пожалуй, дороже.
Да что «Волги», дороже вертолета. Вер-
толет все же машина, а собака живая».
А когда такой Вася подрастет, он смо-
жет как бы от своего имени повторить
и есенинские слова о «братьях наших
меньших», и заветное маяковское:

Я любил... не стоит в старом рыться.
Больно? Пусть... живешь и болью
дорожаешь.
Я зверье еще люблю — у вас зверинцы
Есть? Пустите к зверю в сторожа.
Я люблю зверье. Увидишь собачонку —
Тут у булочной одна — сплошная
плешь,
Из себя и то готов достать печенку.
Мне не жалко, дорогая, ешь!

А вот и от автора: «Так Вася Саен-
ко, дитя технического века, впервые са-
мостоятельно дошел до этой важной
мысли. Жаль, что обстоятельства не по-
зволили Васе додумать ее до конца. Хо-
чу надеяться, что она не ускользнет, не
забудется, а пустит корни в сознании
мальчика и потом прорастет. Хочу ве-
рить, что так и будет».

Если не считать, вернее, если от-
влечься от реальной хронологии событий
и чередования поколений и прибегнуть к
«монтажу» нравственного опыта и соци-
альной динамики психологий, то мож-

но было бы сказать, что Семен Медве-
дев и есть додумавший до конца свою
мысль Вася Саенко. А переключившись
на имманентную поддержку романа и повести, все
углубляется и крепнет. Точно так же
можно представить себе вышедшего на
пенсию Угарова — на ином, конечно,
уровне, но по сути это одно — в роли
Егора Грачева или, скажем, Базанова,
хозяина Принца, исповедывающего уни-
версальную мудрость — «собака долж-
на быть злой, доброй собаке — грош
цена» — и готового выстрелить из сво-
ей двустволки в целующуюся у калитки
его, базановского, особняка влюблен-
ную пару: «Ружье, как всегда, на ночь
заряжено крупной дробью. Но стре-
лять... Был бы какой-нибудь другой па-
раграф УК о самообороне, тогда бы не
задумывалась, сразу из двух стволов. До
последнего патрона».

А вот что поведал о своем комбате
еще тогда, на фронте, в том марте сорок
второго, Медведеву ординарец Угарова
Мощенко: «Шутя он как-то сказал: я,
говорит, Мощенко, после войны в ноч-
ные сторожа пойду. Буду какой-нибудь
галантерейный магазинчик караулить.
Не работа, говорят, а мечта: и при ору-
жии, и место тихое». А Медведев не от-
ветил, но подумал, что это «тихое, без-
обидное место при таком стороже ста-
нет опасным и страшным... он непременно
в какой-то момент начнет стрелять,
тот тихий сторож. Без предупреждения
начнет стрелять. В упор. В прохожих».

Да, не только врачи и спекулянты, ра-
стратчики и расхитители являются ан-
типодами нашего общества, но вместе с
ними и все эти зловещие угаровы, гра-
чевы и базановы, в разной мере, но с
равновеликой убежденностью в своей
непогрешимости исторгающие из себя
миазмы бесчеловечности, бездуховности,
ненависти и жестокости, да еще свято-
татственно выдающие эту смрадную от-
себятину за нормальный продукт истори-
ческого, социального, гражданского и
человеческого прогресса. Но не выдать
себя ложному солнцу за истинное. Не
узурпировать Антиистории прав Исто-
рии, не схватить Мертвому Живого. И
не прикинуться Серому Волку Бабуш-
кой даже перед малой и наивной Крас-
ной Шапочкой. Гарантией этому сама
жизнь, ее человеческие основы и ее за-
поведи. И человек должен лишь —

...ни единой долькой
не отступаться от лица,
но быть живым, живым и только,
живым и только до конца.

Иль как сказано в современном ино-
бытии этого поэтического императива:

Мне нравится, что Жизнь всегда права,
Что празднует в ней вечная повадка —
Топырить корни, ставить дерева

И меж ветвей готовить плод подарка.

Пребуду в ней до края, до конца,

А пред концом — воздам благодаренье

Всем девочкам, слетающим с крыльца,

Всем людям, совершающим творенье.

Недаром был так разгневан и уязвлен в глубочайших своих убеждениях все тот же Угаров, когда, навестив после войны своего бывшего фронтového «подшефного» Мощенко, зажившего нормальной человеческой жизнью — с женой, детьми, работой, — и задав ему вопрос — «ну, на что ты, скажи мне, жизнь свою растрачиваешь?» — получил в ответ чудовищное: «— Жизнь на жизнь растрачиваю, а на что ж еще!»

Много людей участвуют в жизни, разных людей. Но уродам — социальным и нравственным — противостоят не только Топорковы и Медведьки, Николай Павлович и Васи Саенко, но и вот такие, не задающие себе в их слишком обостренной форме драматических вопросов, просто по натуре своей «растрачивающие жизнь на жизнь, как этот Мощенко и машинистка Лида из «Синего на желтом» или славная продавщица Клава из «Обиды Егора Грачева»... Жизнь всегда права... А Магнитофонщица из романа (так и хочется начертать это слово с большой буквы!) — образ поистине и эпической и символической силы, образец того, как за позой, которую диктует профессия, может и должна властно трепетать все та же живая, земная, непобедимая и неистребимая жизнь!..

Но я бы соврал читателю и обеднил бы и роман, и повесть Фейгина, если бы пытался создать впечатление, что Угаров или Грачев — лица сатирически изображенные, то есть разоблаченные автором резким и «одноцветным» приемом осмеяния-сарказма или бичевания-гротеска. Это далеко не так. Оба лица так же реальны и реалистичны, как и противостоящие им нормальные или романтические в своей тяге к высшим нормам персонажи этих произведений. Двудлиность не исключает многомерности. И это, наверное, самое страшное. Достаточно вспомнить отношение к Угарову чудесной медсестры Нины или угаровскую самозабвенную любовь к дочери, да и саму неодноплановость взаимоотношений Угарова и Медведьки в их послевоенных встречах...

И тут мне хотелось бы — пусть вскользь — сказать нечто о самой повествовательной манере Фейгина, тяготеющей, при всей новизне общехудожественной структуры его вещей, к расказу от первого лица, столь характерного для определенного потока русской прозы XIX века. Это в известной мере гоголевско-достоевская (и не только) повествовательная стихия — с многочисленными авторскими отступлениями, ли-

рическими пассажами, стилизованной резиньяцией, своего рода «говорениями» персонажей и рассказчика; это, вместе с тем, соседствующие с монологами и «про-странные» диалоги, построенные по законам драматургии; это и скудость описаний — пейзажей и портретов, — когда все эти внешние черты и признаки фона, среды и облика персонажей выявляются и складываются в целое лишь в конечном итоге, в процессе самого действия, речения и собеседования, из чего главным образом и соткана ткань фейгинской прозы. Не живопись, а музыка речи, не изображение, а высказывание, не пластика картины, а диалектика сюжета, диалектика раздумий и спора, спора, спора — с противником, с товарищем, с самим собой. И еще один фермент искусства прошлого века, питающий и облагораживающий современную прозу мастера наших дней, — чистота и прозрачность замысла и помыслов автора и его любимых героев — то, что в старину называлось идеализмом (не в философском, конечно, а в житейско-психологическом значении этого слова). Не прекраснотупная маниловщина, а истинно прекрасное и благородное «донкихотство», порою осложненное своего рода «гамлетизмом». Такая манера письма и повествования создает возможность более прямого, непосредственного выявления чистоты и непосредственности самой человеческой природы, подчеркивает недвусмысленность социально-нравственного «тона», «делающего музыку» в прозе Фейгина. Баланс между идеалом и реальностью, между «землею» и «небом» — вот та мера, которая делает прозу Фейгина столь притягательной и целебной для души.

А вот еще один вариант движения и преобразования души человеческой. Это стоящая как бы особняком в этой книге повесть «Бульдоги Лапшина». Но именно «как бы», ибо сгусток, замес, узел этических задач и решений, данных в этой повести, глубочайшим образом роднят ее с соседями по книге. Ответственность человека, художника, артиста перед своим делом, искусством, перед людьми и перед судом своей же совести — вот перекресток, где сходятся все три фейгинских произведения. Мне уже приходилось в свое время писать о «Бульдогах Лапшина»: мнение мое о повести с тех пор лишь утвердилось, подкрепленное таким веским аргументом, как написанный вслед за нею роман, и я лишь могу снова повторить суть своих суждений и размышлений по ее поводу.

...Умер главреж театра Лапшин. И режиссер того же театра Демин, естественно, переживает эту смерть. Два часа этих переживаний — дома, по дороге к дому покойного и, наконец, в его квартире — составляют, так сказать, сюжет-

но-ситуационный фон, на котором ведется художественный поиск и анализ темы, проблемы, смысла и самой реальности, которая вызвала к жизни повесть. Смерть Лапшина обнажила и обострила весь комплекс взаимоотношений — творческих, деловых, личных, — существовавших до этого в театре. Вся эта ретроспекция аналитически тонко поведана и показана нам через смену состояний и раздумий Демина. Но кроме ретроспекции, как ее продолжение и порождение, возникает и мысленное, воображаемое движение вперед, в завтрашний (уже сегодняшний!) день. И тут с подлинной психологической достоверностью и, если это можно применить к внутреннему монологу и «потoku сознания», с точной и яркой пластичностью показаны два «путешествия» Демина — к давно желанной вершине театральной карьеры — к «демьинскому театру», к развороту и размаху его деятельности в роли нового главрежа, со всеми дерзкими прожектами и относительно кадров, и касательно репертуара, не говоря об общем будущем «демьинском» лице театра, и путешествие обратное: исподволь созревающие догадки, ощущение, чувство, мысль, сознание своего несоответствия условиям, требованиям, цели и смыслу этого «взлета», возвращение на землю, на почву трезвой самооценки, честного и объективного «огляда» вокруг, вплоть до беспощадного по отношению к себе признания, что главрежем, конечно же, должен стать молодой Логинов, два часа назад именуемый им про себя не иначе как мальчишкой. Этот путь «туда» и «обратно», «вверх» и «вниз» показан автором не как исто-

рия «величия и падения» Михаила Демина, а как бы наоборот, ибо величие оказывается «совместным» только с правдой, с честностью, с данным конкретным проявлением человеческого достоинства. Падение Демина едва ли не началось и могло совершиться, если бы он, хотя бы про себя, в своих мыслях закрепился «там», «наверху». Величие его состоялось, когда он назвал себя имя Логинова. В повести здесь поставлена точка. Но мы знаем — канон эгоистической, деспотически самоуверенной, самодовольно жестокой, я бы даже сказал «угаровской», психологии и натуры нарушен; возникло, началось движение души в сторону духа. И это грядущее обновление, возрождение человека и артиста, труженика, это уже «стартовавшее» творческое поведение может обернуться самыми прекрасными своими гранями, ликами, «взлетами». Демин победил. И торжествует суд совести. Жизнь всегда права. К этому следует добавить, что вкратце, вчерне изложенная нами проблематика повести Фейгина куда более глубока и объемна, чем ее воплощение на данном материале жизни театрально-артистической среды.

Но этот вывод уже в равной мере относится ко всем трем рассмотренным мной произведениям Эммануила Фейгина. И я надеюсь, я уверен, что так же, как и мне, литератору, они и читателю доставят истинное удовольствие, одарив его пользой, вызвав в нем радость открытости и одухотворенности, того духовного возбуждения и нравственного напряжения, которыми так сильны лучшие произведения советской социалистической литературы.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ СОВРЕМЕННОИК...

Как художественные произведения, так и мемуары корифеев грузинской классики второй половины XIX — начала XX века проникнуты противопоставлением добра злу, идеями социальной справедливости, национально-освободительного движения. И не случайно Александр Казбеги приглашал своих читателей искать как бы продолжение «Пастушеских воспоминаний» в его художественных произведениях.

Особое и весьма значительное место в грузинских мемуарах занимают воспоминания Давида Клдиашвили о пережитом — «На жизненном пути». Действительно, он прошел большой жизненный путь, отмеченный важными и типичными для своего времени событиями. В краткой аннотации к мемуарам автор отмечает: «Я написал эти воспоминания из тех соображений, что, может быть, будущий исследователь нашей жизни найдет в моих записках полезный для себя материал». Надо ли говорить о том, что свой долг перед читателем и пережитым Давид Клдиашвили выполнил прежде всего такими замечательными художественными произведениями, как «Соломон Морбеладзе», «Мачеха Саманишвили», «Невзгоды семьи Камушадзе». Исключительная наблюдательность автора, его тонкий юмор, а порой и острая сатира, психологическая и социальная достоверность описаний жизни общества придавали его произведениям исключительную, я бы сказал, эпохальную значимость. Следует признать, что нам не удалось еще создать адекватные переводы его произведений на русский язык.

Мемуары Д. Клдиашвили и его выдающихся современников — Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Нико Николадзе, Александра Казбеги и других показывают процесс распада и деградации грузинского дворянства. Вместе с тем, написанные Д. Клдиашвили уже в наше, советское время, они имеют еще одну отличительную особенность — показывают (пусть не полно, но ярко и сильно) развитие капитализма в Грузии, зарождение рабочего класса и первые классовые бои в начале века в Батуми, свидетелем которых был сам Клдиашвили. Об этом говорят и названия подзаголовков мемуаров: «Батуми восьмидесятых годов», «Мощное наступление капитала», «Батуми — город нефти», «Приток в Батуми разорившихся крестьян», «Первые артели», «Выступление рабочих завода Ротшильда», «Ночь на пересыльном пункте», «Расстрел рабочих ротой Антадзе», «Моменты из истории революционного движения гурийского крестьянства» и т. д.

Таким образом, в воспоминаниях Давида Клдиашвили частично освещено начало третьего из определенных В. И. Лениным трех главных этапов освободительного движения в России. Мемуары Давида Клдиашвили отличаются охватом большого исторического периода, они доведены до февральской революции 1917 года.

Нельзя не отметить еще одну важную, отличительную особенность его мемуаров. Окончив военное училище, он поступил на военную службу, и это дало ему возможность точно подметить и ярко описать быт и «служебное рвение» военных и царской администрации в Грузии, опиравшейся в проведении своей русификаторской политики на вооруженную силу. Особенно характерны в этом отношении подзаголовки восьмой главы мемуаров: «Положение грузин-солдат», «Кто скажет ему, где его родина?».

В мемуарной литературе, выпущенной нашим издательством «Мерани» в соответствии с его профилем, преобладают произведения, отражающие разви-

Окончание. Начало в № 11.

тие литературно-общественной мысли, сценического и изобразительного искусства первой четверти нынешнего столетия, однако, готовясь достойно отметить столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина, мы вплотную подошли к изданию мемуаров на историко-партийные темы.

В изданный нами в 1970 году большой монографический сборник «Грузинские страницы Ленинианы» его составителями Г. В. Бебутовым, Г. В. Жвания и Л. Г. Каландадзе включены мемуары деятелей революционного движения в Грузии, группы кавказских большевиков, которые, следуя во всем советам и указаниям В. И. Ленина, вели переписку с ним и с ЦК РСДРП (большеви-ков).

Воспоминания таких ветеранов пролетарской революции, как Миха Цхакая, Иосиф Сталин, Вано Стуруа, Филипп Махарадзе, Авель Енукидзе, Серго Орджоникидзе, Елена Стасова, Георгий Стуруа, Малакий Торошелидзе, Нико Кикнадзе, Сильвестр Тодрия, Мелитон Пилия и другие, охватывают период, начиная с зарождения партии большевиков, дают широкую картину политической борьбы, претворения в жизнь идейных основ и организационных принципов партии. Миха Цхакая, первая встреча которого с Владимиром Ильичем состоялась во время Третьего съезда РСДРП, так начинает свои воспоминания: «Обаяние великого Ленина, обаяние его гения было настолько велико, что не раз в трудные минуты жизни только воспоминание о нем вызывало новые силы, рождало энтузиазм и оптимизм, без которых нет подлинного большевика».

Под этими словами могли бы не задумываясь подписаться и все другие авторы этого сборника, ибо каждый испытал на себе в революционной борьбе особую вдохновляющую поддержку одной только мысли о Ленине, всей своей жизнью и борьбой подававшим пример величайшей принципиальности, стойкости и революционного мужества, стратегической и тактической мудрости, научной дальновидности и убежденности.

Миха Цхакая вспоминает, как Ильич в 1908 году, спешно заканчивая книгу «Материализм и эмпириокритицизм», нуждался в некоторых произведениях английских физиков и философов XIX века, но их в швейцарских библиотеках не оказалось, и Ильич специально ездил из Женевы в Лондон для работы в Британском музее. «Так мог работать, — заключает Миха Цхакая, — только человек необычайно добросовестный, великий ученый-революционер, вооруживший партию острым оружием марксистско-ленинской теории».

Серго Орджоникидзе вспоминает, как в июльские дни 1917 года он встретился с Лениным, вынужденным скрываться от шпионов Временного правительства, и получил от Ильича директивные указания Центральному Комитету.

«В сентябре, — пишет С. Орджоникидзе, — мне еще раз пришлось съездить к Ильичу, возил к нему тов. Шотмана, который устроил перевозку Владимира Ильича в Финляндию, и больше Владимира Ильича я не видел до 24 октября, когда он впервые открыто появился в актовом зале Смольного».

Когда я вошел в зал, Владимир Ильич заканчивал свою речь на заседании Петроградского Совета возгласом:

«Да здравствует социальная революция!».

Зал буквально ревел от восторга.

В вечерних газетах появилось сообщение, что Ленин переселился в Смольный и сам начинает руководить восстанием.

Да, газетчики не ошиблись. Ленин взял в свои железные руки организацию Октябрьского восстания и довел его до победного конца».

В книге содержится воспоминания и о первых нелегальных типографиях на Кавказе, о методах и формах транспортировки и распространения ленинской «Искры», о проведении партийных съездов и конференций, о большевистской пропаганде и агитации в массах, о возвращении В. И. Ленина из эмиграции в Россию в 1917 году.

Тут же — трогательное воспоминание бывшего курсанта 1-й Объединенной военной школы имени ВЦИК Ермало Коберидзе, который дал себе слово учиться на «отлично», высоко держать воинскую дисциплину, чтобы попасть на пост и увидеть Ленина вблизи. Его мечта сбылась. Это произошло однажды в Кремле возле здания Совнаркома...

Трудно перечислить все материалы сборника, охватить все многообразие эпизодов, встреч, бесед, выступлений, исторических моментов, запомнившихся авторам мемуаров на всю жизнь.

Отдельной книгой вышли в нашем издательстве рассказы и мемуары старейшего грузинского советского писателя Давида Сократовича Сулиашвили. Участвуя в революционном движении, он в 1907 году эмигрировал в Швейцарию, где прожил десять лет. Там он сблизился с эмигрантами-большевиками, слушал выступления В. И. Ленина, участвовал в отправке в Россию партий-

ной литературы. В своих воспоминаниях, представляющих собой художественно-документальное произведение, Д. Сулиашвили живо изобразил жизнь на чужбине, в Швейцарии — среди большевистской эмиграции. Особое место в этих воспоминаниях занимает глава «Приезд Ленина в Петроград». Следует отметить, что в лучших своих рассказах Сулиашвили воспроизвел эпизоды революционной борьбы грузинского пролетариата в период первой русской революции.

И некоторые другие грузинские писатели старшего поколения, как, например, Лео Киачели, бежавший с группой политических заключенных из кутаисской тюрьмы, а затем эмигрировавший в Швейцарию, Сандро Шаншиашвили, слушавший в 1910 году в Цюрихе доклад В. И. Ленина, Геронтий Никодзе, которому также посчастливилось слышать В. И. Ленина, выступившего с лекцией по национальному вопросу, сочетали свое литературное творчество с воспоминаниями о давно минувших, но вечно памятных годах и эпизодах.

Порой бывает трудно определить тематическую направленность тех или иных мемуаров, настолько в них переплетаются общественно-политические, литературно-художественные, морально-этические мотивы. Этого нельзя сказать о мемуарах из театральной, сценической жизни, занимающих большое место в истории грузинской общественной мысли конца XIX — начала XX столетия.

Не случайно между Грузинским государственным театральным институтом имени Шота Руставели и нашим издательством давно уже установилось сотрудничество в области популяризации творческого наследия корифеев грузинского театрального искусства. Институт отбирает и научно комментирует, а издательство редактирует и выпускает в свет отдельные труды, в основном мемуарного характера. Так, к Декаде грузинского искусства и литературы, проведенной в Москве в 1958 году, мы выпустили том творческого наследия выдающегося режиссера и артиста Константина Александровича Марджанишвили. В этот том вошли его воспоминания, а также статьи и доклады. Второй том, вышедший позже, содержит воспоминания о нем театральных деятелей.

Почему для начала институт и издательство остановили свой выбор на Коте Марджанишвили? На этот вопрос нетрудно ответить. Его имя ярко вписывается в историю дореволюционного театра и особенно связано с возрождением грузинского драматического театра в советские годы. Как отмечается в предисловии «От института» к первому тому, «творческая деятельность К. А. Марджанишвили являла собой пример братского содружества и тесной взаимосвязи русского и грузинского театров».

Котэ Марджанишвили дебютировал на грузинской сцене в 1894 году. В 1898 году он перешел на русскую сцену, и вскоре началась его режиссерская деятельность. В 1922 году он возвратился уже в Советскую Грузию, где возглавлял драматический театр имени Руставели. Сплотив творческие силы как старшего поколения, так и молодежи в дружный коллектив, Марджанишвили с большим успехом поставил пьесу Лопе де Вега «Овечий источник» на грузинском языке, а также созвучные революционной эпохе пьесы грузинских драматургов С. Шаншиашвили и П. Какабадзе.

Продолжая и развивая реалистические традиции грузинского театра, К. А. Марджанишвили осуществил ряд блестящих постановок пьес грузинской классической драматургии. Позже он организовал и возглавил второй грузинский драматический театр, ныне носящий его имя.

Творческая жизнь Марджанишвили, охватывающая несколько десятилетий, отражена в его режиссерских записях и статьях, письмах и мемуарах, в которых нашли яркое воплощение его горячий темперамент, мятущаяся артистическая натура, вечно искавшая новые формы сценического воплощения лучших образцов мировой классики и современной драматургии. Он был смелым экспериментатором в театральном искусстве, одним из зачинателей синтетического театра. Его постановки советских лет — лучшее доказательство жизнестойкости и многогранности метода социалистического реализма.

В доказательство сказанного можно было бы привести многие выдержки из его мемуаров, но я остановлюсь только на нескольких, относящихся к 1910 году.

«Спасибо великой России, она дала мне великое постижение — умение заглянуть в тайники души человеческой. Это сделал Достоевский. Она, Русь, приучила меня смотреть на жизнь изнутри, глядеть на нее сквозь призму своей души; это сделал Врубель! Она научила меня слышать в груди моей бездыханные рыдания — это сделал Скрябин. Спасибо ей, моей второй родине, спасибо чудесной России. Она ни на минуту не охладила моей кахетинской крови, крови моей матери. Ее чудесные морозные дни не убили во мне воспоминаний о горячем камне моих гор. Ее волшебные белые ночи не разжижили густоты темного южного бархатного неба, щедро засыпанного звонкими звездами. Ее спокойное добродушие ни на минуту не задержало родные ритмы.

грузинский темперамент, необузданный полет фантазии — это дала мне моя маленькая, моя любимая Грузия.

Воистину все, что я до сих пор создал, мое творчество на сцене было русским, получено мной от России, но ее великое, благодатное воспитание уже кончалось, и я выходил на самостоятельный путь. Воистину «У жизни в лапах» был мой первый грузинский спектакль...»¹.

Речь идет о порученной ему В. И. Немировичем-Данченко постановке в Художественном театре. Впечатление от этих нескольких страничек его мемуаров — неизгладимое.

Марджанишвили считал актера центральной, главной фигурой театра, а всех остальных — призванными помогать ему свободно и полностью проявить на сцене свое дарование.

Совершенно особенное, чуткое и творчески проникновенное отношение Марджанишвили к актеру делало его выдающимся учителем целого поколения актеров как русской, так и грузинской сцены. Эта замечательная режиссерская черта его полностью раскрыта в изданных нами воспоминаниях о Марджанишвили и его творческом наследии. В подтверждение сказанного можно привести десятки имен его учеников.

Выдающийся грузинский актер Ушанги Чхеидзе, прошедший сценическую школу Марджанишвили, пишет о нем:

«...Ничто так не увлекало его во время репетиции, как хорошая игра актера. Она закигала его, он оживал и совершенно преображался; лицо озарялось, глаза блестели огнем молодости. В такой момент весь репетиционный зал затаив дыхание с величайшим напряжением наблюдал за объятым творческим огнем режиссером, который с поразительной изобретательностью создавал изумительные мизансцены, лепил выразительные образы. Этот человек, ниже среднего роста, метался по сцене, на лоб его падали лежащие в беспорядке серебристые волосы, в глазах сверкали молнии, он метал искры, которые закигали актера. Подбегая к одному, он уточнял мизансцену, другому указывал более правильные движения. Иногда с засученными рукавами он стоял у режиссерского стола как натянутый лук или был обращен всем корпусом вперед к актерам. Сжатой в кулак правой рукой показывал актеру или дирижеру ритм движения, речи, музыки, а левой рукой то и дело поправлял волосы или же, не глядя, шарил по столу, ища папиросу. Он повышал голос, сердился, а через несколько минут, особенно когда был доволен репетицией, глаза его с необычайной теплотой и гордостью смотрели на актера»².

Я привел этот отрывок из воспоминаний Ушанги Чхеидзе потому, что он наиболее близкий Марджанишвили по духу актер, мемуары которого, кстати сказать, мы выпустили отдельной книгой.

Если в приведенном отрывке образу режиссера придан эмоциональный колорит, то в воспоминаниях многих других актеров этот образ дополнен тщательным воспроизведением режиссерских приемов, методов, указаний, советов Марджанишвили.

Как было упомянуто выше, вслед за двумя томами, посвященными К. А. Марджанишвили, мы издали воспоминания Ушанги Чхеидзе. Эта книга заслуживает специального разбора и критического осмысления. Автор пишет: «Константин Александрович всегда очень радовался, если актер самостоятельно доходил до чего-либо интересного и значительного, особенно радовался он, если это случалось со мной, так как считал меня своим творением»³. Эта фраза в мемуарах Ушанги Чхеидзе не случайна. Он и сам в определенной степени считал себя «творением» выдающегося режиссера и учителя целого поколения артистов. Именно поэтому Ушанги Чхеидзе как никому другому удалось глубоко и обстоятельно раскрыть в своих мемуарах «секреты» творческой лаборатории Марджанишвили, показать во всей полноте обаяние его личности, силу его творческого интеллекта.

Не удовлетворяясь сказанным, У. Чхеидзе ставит перед учениками Марджанишвили задачу «...выявить и сделать доступными те характерные приемы, которыми он пользовался в своих спектаклях, и определить, в чем заключались характерные его особенности как художника».

Приведя эти строки, я вовсе не хочу сказать, что только У. Чхеидзе поставил и выполнил эту задачу. Изданные нашим издательством два тома творческого наследия К. Марджанишвили и многочисленные воспоминания о нем отобразили многогранный его портрет, дополненный трудами современных театроведов (докторов искусствоведения Этери Гугушвили, Дмитрия Джанели-

¹ К. Марджанишвили. Творческое наследие, Тб., 1958, с. 223.

² Ушанги Чхеидзе. Воспоминания, Тб., 1967, с. 73.

³ Там же.

дзе и других). Тем не менее воспоминания Ушанги Чхеидзе являются очень ценными по теплоте и нежности, с которой он говорит о своем учителе. Предельная откровенность не позволила Ушанги Чхеидзе обойти молчанием ивещее место расхождение с Котэ Марджанишвили. Константин Александрович как отмечает он в своих воспоминаниях, на первых репетициях потребовал от него настоящего, полного чувства и искренности. И хотя, движимый актерским самолюбием, он постарался по возможности выполнить это требование, внутренне не был согласен с самым методом раскрытия образа и считал, что актера нельзя заставлять «с первой же репетиции играть на предельном чувстве, ибо актер перестает расти на следующих репетициях»¹.

По мнению У. Чхеидзе, в процессе работы над ролью актер должен постепенно раскрывать образ, отдельные черты его характера. Он, конечно, находил объяснение данному приему Котэ Марджанишвили, вызванному отчасти пылким темпераментом режиссера, его страстным стремлением как можно скорее воплотить задуманное в реальные формы. Вместе с тем, У. Чхеидзе подтверждает и следующий факт: «Если Константин Александрович видел, что актер стал на определенный путь и нащупал свой самостоятельный интересный образ, пусть даже не похожий на тот, который был задуман им самим, то он не мешал ему. Наоборот, он, следуя за ним, незаметно помогал ему, если, конечно, толкование роли актера не шло вразрез с общей постановочной линией спектакля»².

Наибольшую помощь К. Марджанишвили оказал Ушанги Чхеидзе во время работы над ролью Гамлета, что отражено в соответствующей главе воспоминаний («Мои главные роли»), скорее похожей на творческую исповедь. Вывод из нее таков: только творческая прозорливость К. А. Марджанишвили, его безграничное доверие к молодому артисту помогли Ушанги Чхеидзе овладеть образом Гамлета и создать подлинно сценический шедевр.

С любовью и признательностью рассказывая о своем учителе, Ушанги Чхеидзе с такой же теплотой вспоминает о других артистах, с которыми его связывали общие творческие устремления. Воспоминания о Верико Анджапаридзе он выделяет в отдельную главу. И это закономерно. В спектакле «Гамлет» У. Чхеидзе делил с выдающейся артисткой нашего времени радость, и не только радость, счастье творческих открытий. Вот как он выразил свои переживания:

«В спектакле только в первой картине 2-го акта Офелия и Гамлет остаются одни. Они не говорят о своем чувстве. Слова, которые они произносят, сами по себе имеют совсем иное значение, но за ними угадывается их затаенная безмерная любовь друг к другу. Этот небольшой диалог Верико Анджапаридзе с огромным чувством, от нее веяло такой чистотой и нежностью, она была так трогательна в своем девичьем смятии... Когда я приближался к ней, смотрел на ее лицо или касался ее — мне казалось, будто каждый нерв ее лица и тела охвачен трепетом. Я и сейчас ясно вижу устремленные на меня прекрасные, печальные глаза, я и сейчас ясно слышу слова, произнесенные глубоким проникновенным голосом. Он был так чист, в нем звучала такая боль, что сердце наполнялось не то восторгом, не то щемящей жалостью. Если и мне удавалось выразить в этой сцене всю полноту чувств Гамлета, то это, очевидно, потому, что Верико была удивительной партнершей»³.

Эти строки о сценическом единстве, сподлинности двух ярких творческих индивидуальностей приведены мной потому, что они убедительней всего показывают, как сумел Котэ Марджанишвили сплотить артистический коллектив, зажечь его подлинно творческим пламенем, привить ему свою безграничную влюбленность в театральное искусство.

Читая эти строки, не можешь оставаться равнодушным.

Небольшая книга воспоминаний Ушанги Чхеидзе (творческий путь его, как известно, был рано прерван болезнью) является ценным вкладом в театроведческую литературу, ибо эта книга расширяет и углубляет многие понятия и зовет к новым поискам и дерзаниям, к новым сценическим достижениям. А творческими поисками и достижениями история грузинского театра поистине богата. Доказательством тому служат многие мемуарные произведения, уже переведенные и изданные нами (речь о них пойдет ниже) и подготовляемые к изданию, например, книга о творческом наследии выдающегося режиссера Сандро Ахметели.

С большим интересом была встречена читателями изданная нами в 1969 году книга режиссера М. Квалиашвили «По трудному пути», в которой автор

¹ Ушанги Чхеидзе. Воспоминания, Тб., 1967, с. 66.

² Там же, с. 84—85.

³ Там же, с. 145.

поделиться воспоминаниями о встречах и совместной работе с выдающимися деятелями советского оперного искусства.

Свою жизнь в искусстве Михаил Георгиевич Квалиашвили начал оперным певцом. Его «первый оперный сезон» совпал с первым годом Советской власти в Грузии. С этого начался «трудный путь» служения оперному искусству, описанный им с хронологической последовательностью. На режиссерском поприще во всей полноте раскрывается его дарование. Тем больший интерес представляет вторая книга М. Квалиашвили «Воспоминания оперного режиссера», вышедшая в свет в 1975 году (вскоре после смерти автора).

Редактор этой книги П. В. Хучуа справедливо отмечает в предисловии, что «воспоминания автора, много лет находившегося в гуще ярких событий и напряженной творческой работы большого художественного коллектива, приобретают важное значение для всех, кто заинтересован в ознакомлении с деятельностью национального музыкального театра».

В театральное искусство Грузии, богатое своими интернациональными связями, значительный вклад внесли русские и азербайджанские артисты. Это особенно ярко отражено в творческой биографии народной артистки Грузинской ССР Екатерины Александровны Сатиной, сценическая деятельность которой началась в Тбилиси в 1915 году. Ее воспоминания, изданные нами в 1965 году, привлекли внимание общественности.

Е. А. Сатина — человек, проживший большую и богатую впечатлениями жизнь, в которой она никогда не оставалась равнодушным наблюдателем. О многосторонней творческой и общественной ее деятельности говорят сами названия глав ее книги: «Начало профессиональной работы», «Грузинский театр и его актеры», «Оперный театр», «Армянская драма» и др.

Свою книгу воспоминаний Е. А. Сатина заканчивает строками: «Прошел год со дня моего юбилея, когда я окончательно решила уйти на отдых. Однако я не могу и не хочу совсем оторваться от театральной жизни. Все, что у меня осталось, — мои знания и опыт — я с радостью отдаю своим ученикам. Глядя на свою смену, я всегда испытываю радость и глубокое моральное удовлетворение».

Вся жизнь Е. А. Сатиной до последних дней была примером высокого служения искусству.

Театральные мемуары очень часто переплетаются с литературными воспоминаниями писателей, и это вполне закономерно, ибо театр, живопись литература взаимодействуют в едином русле национальной культуры, более того, все глубже и шире устанавливается их взаимосвязь с национальными культурами братских народов Советского Союза. В этом непрерывном процессе взаимобогащения, обмена культурными ценностями еще более крепнет нерушимая дружба народов. Так, например, литературные воспоминания Симона Чиковани привлекли к себе внимание русской общественности и были изданы отдельной книгой в Москве, а до этого печатались в Грузии, включались в отдельные сборники. Особенно впечатляют воспоминания С. Чиковани о Тициане Табидзе, Владимире Маяковском и Сергее Есенине.

В статьях, воспоминаниях и письмах Тициана Табидзе, изданных нами отдельным сборником, читатель встретит ярко обрисованные образы Андрея Белого, Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна. Перепиской Тициан Табидзе был связан с Сергеем Есениным, Ильей Эренбургом, Егише Чаренцем, Виктором Гольцевым, Борисом Пастернаком, Леонидом Леоновым, Николаем Заболоцким. Задушевная переписка связывала поэтов Георгия Леонидзе и Бенедикта Лившица. В изданном в 1974 году в Ленинграде сборнике «Ольга Форш в воспоминаниях современников» помещены обширные воспоминания Мариджан (М. Алексидзе) «Встречи, которые не забываются», а также воспоминания Г. Бебутова о пребывании О. Форш в Тбилиси — «У истоков большой дружбы». Отдельной брошюрой изданы воспоминания Э. Фейгина о П. Павленко — «Земляки».

Воспоминания грузинских писателей и деятелей культуры о Маяковском составили большой сборник — «Перед вами, багдадские небеса», выпущенный нашим издательством в 1973 году. Прочно вошли в мемуарный фонд воспоминания Александра Кутатели об Александре Фадееве, Николае Тихонове о Тициане Табидзе, В. Немировича-Данченко о своей сценической деятельности, начатой в Тбилиси, Лавросе Калададзе о Галактионе Табидзе, Михаила Джавахишвили о Максиме Горьком, Константине Гамсахурдиа о Деренике Демирчане, Егише Чаренце, Аветике Исаакяне, Георгия Леонидзе о Михаиле Шолохове и Сергее Есенине.

В 1965 году наше издательство выпустило книгу Георгия Леонидзе «В тени родных деревьев. Воспоминания детских лет».

Нельзя без волнения читать строки этой книги: «...слова этой книги на-шел я среди синеглазых фиалок, которые так любил собирать на лесных опуш-ках возле нашей деревни...»

Сереб्रोструйная Иори напелывала мне эти слова — Иори, утопающая в садах и виноградниках, пробирающаяся через заросли, журчащая в камышах.

...Прибрежным иорским нивам читал я свои первые стихотворные опыты. У голосистой, певучей Иори учился я музыке грузинского стиха».

Проникновенно, с глубоким уважением к труду простых людей Георгий Николаевич выражает свои мысли и чувства:

«Мы стояли в благоговейном молчании перед этим зеленым чудо-океаном, творением сил природы и человеческого труда, и светлая радость наполняла нас, в наших сердцах утверждалось чувство гордости за человека, сознание его достоинства».

По образному определению известного грузинского литературоведа и критика Георгия Маргвелашвили — «...это своего рода экзамен, который поэт устраивает своей духовной биографии, проверяя воспоминаниями свой жизненный и творческий путь, мир своего детства и молодости, пробудивший в нем гражданина и поэта»¹. Многие страницы книги Георгия Леонидзе отмечены высокой мерой вдохновения и творческой взволнованностью.

Вплотную подошло наше издательство и к военным мемуарам. Ко дню 30-летия великой Победы издательство «Мерани» выпустило сборник «Незабываемые годы». Авторы воспоминаний, вошедших в книгу, — армейские ветераны, члены Военно-научного общества, офицеры и генералы запаса и в отставке — непосредственные участники памятных боев с врагом. Большое место занимают в сборнике воспоминания участников битвы за Кавказ.

Выход такой книги в свет тем более знаменателен, что помещенные в ней воспоминания, проникнутые духом героизма и мужества, советского патриотизма и верности Родине, перекликаются с многочисленными художественными произведениями грузинских писателей на темы Великой Отечественной войны. Это естественно, потому что и писатель, и художник, и воин черпают свои мысли и чувства, устремления и эмоции из одной сокровищницы — жизни советского народа, социалистической действительности.

В планах нашего издательства мемуарная литература занимает определенное место, что соответствует читательским интересам и запросам. Наряду с книгами, как бы охватившими по воспоминаниям определенный круг событий, известный исторический отрезок времени, внимание привлекают отдельные страницы прошлого, написанные нашими современниками. Те или иные обстоятельства побудили их вспомнить и воссоздать отдельный эпизод, встречу, событие. Так, народный художник СССР Ладо Гудиашвили накануне 80-летия со дня рождения В. В. Маяковского прокомментировал парижский фотоснимок 1922 года, где он изображен вместе с великим поэтом. Этот комментарий вылился хотя и в короткие, но интересные воспоминания. Если учесть, что жизнь замечательного художника богата встречами с выдающимися деятелями культуры СССР и зарубежных стран, то можно надеяться, что в будущем появится представляющая большой интерес книга его воспоминаний. В нескольких страничках Игоря Нежного, вошедших в его книгу «Белое перед глазами», воспроизведена встреча В. И. Немирвича-Данченко с Верико Анджапаридзе. Или вот воспоминания Шалвы Даднани о встречах с Алексеем Толстым и Александром Фадеевым в Тбилиси. Перечень таких локальных воспоминаний, из которых одни уже вошли в книги, а другие появились в периодической печати и явятся в дальнейшем драгоценными звеньями в тех или иных мемуарах, неисчерпаем.

Мы уже сказали о том, что мемуары широко используются литературоведами, авторами биографических произведений, помогают им осмыслить документальные данные. Отдельно взятый факт приобретает весомое значение, когда с помощью воспоминаний выявляются все его стороны, побочные черты, нюансы. Но мемуары только тогда явятся ценным подспорьем в литературоведении, когда будет выяснено, как соотносятся в них объективные и субъективные начала.

Так, А. Твардовский, говоря о мемуарах И. Эренбурга, отметил, что, «не смотря на все неизбежные издержки «субъективного жанра мемуаров», Эренбург именно в этом «жанре» в результате слияния всех сторон своего литературного таланта и жизненного опыта, достигает, на мой взгляд, огромной творческой победы»².

¹ Г. Маргвелашвили. Георгий Леонидзе, Тб., «Мерани», 1970, с. 17.

² «Воспоминания об Илье Эренбурге», М., 1975, с. 24.

Между тем некоторые авторы произведений биографического жанра, не проявляя критического отношения к материалу, зачисляют субъективно воспринятые мемуаристом явления в категорию неопровержимых фактов. Упомянутое замечанием я нисколько не хочу принизить значение и роль мемуаристки, а только обращаю внимание на необходимость учитывать законы и характерные особенности ее как литературного жанра.

Мемуары ценны уже по одному тому, что их автор — современник описываемых событий, участвующий в воссоздании облика эпохи или какой-либо из ее сторон. Мне приходилось неоднократно подмечать, что мемуары того или иного автора (например Давида Сулиашвили) с течением времени расширяются, вырастают в объеме и не за счет новых глав, а путем выявления новых деталей ранее описанных событий и фактов. Хорошо это или плохо? Некоторые читатели (историки, литературоведы, искусствоведы) предпочитают первоначальные варианты мемуаров, полагая, что они более достоверны. Но такой взгляд нельзя считать абсолютно правильным. Ведь память мемуариста имеет свои стадии пробуждения. Записанное на первоначальной стадии может потом дополняться, уточняться. Иной раз какой-либо встречный материал (документ, рассказ другого очевидца) дает толчок памяти, вызывает новые воспоминания, не менее достоверные и значимые, чем свои же первоначальные наброски.

Выбор мемуаров из классического наследия и из текущей, только что формирующейся мемуаристики для издания должен, конечно, быть строго мотивирован, продуман, и в этом отношении организующая роль издательства занимает не последнее место. Поэтому мы стараемся планировать издание мемуаров перспективно, а подчас и стимулировать их написание. Можно ли, например, сомневаться в непреходящей ценности воспоминаний Русудан Николаевны Николадзе — дочери выдающегося публициста и общественного деятеля Нико Николадзе, охватывающих целую эпоху развития грузинской общественной мысли и ее связей и перекличку с русской общественностью? Фрагменты этих воспоминаний появились в печати, но надо уже думать о создании книги.

Случается и так, что однажды изданные мемуары получают в дальнейшем как бы вторую жизнь — переиздаются в дополненной и расширенной редакции. К примеру, в свое время мы издали книгу народного скульптора Грузии Якова Николадзе — «Год у Родена», в которой увлекательно рассказано о его общении с великим французским мастером. Книга встретила отклик среди читателей и уже давно стала библиографической редкостью. Но с течением времени обнаруживались новые материалы, в частности письма Николадзе к Родену, и, конечно же, возникает мысль о переиздании этой книги в новом редакционно-оформительском качестве.

Я уже не говорю о нашей общественной заинтересованности изданием архивных документов и писательских дневников, прошедших стадию систематизации и библиографического учета и описания. Так, ждут своего издания на грузинском языке и в русском переводе избранные главы и страницы обширных дневниковых записей Галактиона Табидзе.

В ожидании издательской инициативы и сборник воспоминаний грузинских писателей о Сергее Есенине, среди которых на первом месте стоят воспоминания Георгия Леонидзе, Тициана Табидзе, Валериана Гаприндашвили, Шалвы Алхайдзе, Симона Чиковани, а также русских писателей и журналистов, встречавшихся с Есениным в Грузии, — Николая Тихонова, Николая Вержбицкого, Николая Стора и других.

В своей издательской практике мы еще далеко не использовали широкие перспективы, которые могут открываться при непосредственных контактах издательства с архивными учреждениями Грузии, да и с личными архивами писателей.

Итак, думая о мемуаристике как жанре, о ее издании, мы обращаемся не только к тому, что уже широко известно и вошло в читательский обиход, но и к тому, что бережно хранится за дверью того или иного архива или даже задумано, но еще не написано нашим современником. Ясно одно — история эпохи создается не только из документов, но и из свидетельств современников, в какой бы форме эти свидетельства ни были выражены.

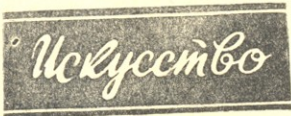
Нам представляется весьма актуальным издание двух-трехтомника грузинской классической и современной мемуаристики в переводах на русский язык; при этом имеются в виду не только собственно воспоминания, но и описание путешествий, повествовательно-публицистические очерки и иные жанры, в которых отразилось движение грузинской общественной мысли в той или иной исторической обстановке, в ее неуклонно растущих интернациональных связях, в первую очередь с русской общественной мыслью. Специальный раз-

дел в таком издании должен отразить советский период в развитии мемуарио-очерково-публицистического жанра.

Более ста лет назад В. Белинский, размышляя о расширении границ литературы, писал: «...Самые мемуары, совершенно чуждые всякого вымысла, ценимые только по мере верной и точной передачи ими действительных событий, самые мемуары, если они мастерски написаны, составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая ее собой».

И действительно, знаем случаи, когда художественное полотно — роман, повесть, поэма — приобретало эпохальное значение и когда мемуары достигали высоты художественной прозы, поэзии. Роль и значение созданного в творческом горении, мне кажется, зависят не от жанра, а от исканий правды и от самой правды.

В этом большое общественное значение и нашей мемуаристики.

Гиви ДЖОХАДЗЕ

Здравствуй, улыбка!

ЕСТЬ писатели, о которых говорят: они обладают острым глазом художника, ибо в характерах и внешности своих героев подмечают мельчайшие подробности, словно обладают даром проникать в душу человека, раскрывать самое сокровенное в нем... К числу таких писателей можно отнести Тенгиза Гоголадзе. И это не удивительно, потому что Тенгиз Гоголадзе — не только писатель, разделяющий с читателем свои мысли и наблюдения, ведущий с ним на равных разговор о достоинствах и недостатках героя, о его душевных переживаниях, но и художник с острым глазом, тонко чувствующий характер. Литературное творчество Т. Гоголадзе, пронизанное светом и улыбкой, сродни его деятельности художника...

В этом можно убедиться, побывав на персональной выставке работ Тенгиза Гоголадзе в республиканском Доме работников искусств. Вот портрет Георгия Леонидзе — всего несколько характерных штрихов, но перед нами живой Гогла. Рядом — Константинэ Гамсахурдиа, мастер, создавший «Десницу великого мастера». Далее идут портреты Сандро Шаншиашвили, Александра Кутатели, Иосифа Гришашвили, Родиона

Коркия, Серго Клдашвили, Георгия Натрошвили. Каждый портрет решен в оригинальной манере. В Георгии Шатберашвили я узнал человека, заложившего основы духовного обновления народа, в Симоне Чиковани — дарящего свет людям, в Ревазе Маргиани — несущего радость от общения с поэзией, в Морисе Поцхишвили — покоряющего поэтические высоты... Тонким юмором пронизан рисунок «Икалтойские ребята», изображающий писателей Ладо Мрелашвили и Соломона Демурханашвили.

Портреты, портреты... Видимо, немало времени отдается увлечению рисованием. Пытливый взгляд, проникающий за пределы видимого, острое перо, отточенный карандаш — все взаимосвязано и подчинено одному: созданию образа.

А вот дружеские шаржи на наших друзей: М. Шолохова, Н. Тихонова, В. Катаева, В. Шкловского, К. Кулиева, Р. Рождественского и многих других. Их роднит одно: доброжелательность и любовь. И не только их. Доброжелательность и любовь — лейтмотив всей экспозиции Тенгиза Гоголадзе. И еще улыбка! Она незримо присутствует в зале и надолго еще остается с вами...

«КАВКАЗСКИЙ МЕЛОВОЙ КРУГ» ТЕАТРА ИМ. ШОТА РУСТАВЕЛИ

УСПЕХ спектакля по пьесе «Кавказский меловой круг», Бертольта Брехта, показанного в Москве театром им. Шота Руставели на фестивале драматического искусства ГДР на советской сцене, предопределен органичным сочетанием публицистической заостренности постановки с ее яркой театральностью и современным звучанием. Трактовка этой пьесы Робертом Стуртуа, получившим за ее режиссуру премию на фестивале, исполнение ролей актерским коллективом говорят о гражданственности позиций театра, о его стремлении отражать передовые идеи современности на уровне новых художественных и этических задач, выдвинутых временем.

Тяготение Р. Стуртуа к публицистике, проявившееся в его предыдущих работах, к преобразующей силе мысли, к синтезу поэтического слова, музыки и танца нашло в драматургии Брехта реальную почву для высокохудожественного воплощения.

В режиссерском прочтении пьесы Брехта преобладают жесткий порядок, абсолютное чувство целого, возникающее благодаря монолитности актерского ансамбля и особой ритмической организации сценического действия. Это способствует непринужденности сценического течения спектакля и легкости его зрительского восприятия.

Ритмическая партитура пьесы зарождается в энергично-взрывчатом темпе «зонга», исполняемого Певцом (арт. Ж. Лолашвили) в прологе, и композиционно завершается карнавальным «зонгом» — в эпилоге.

Активно вторгаясь в действие, определяя ведущую, жизнерадостную интонацию спектакля, музыка заслуженного деятеля искусств Грузии, лауреата Государственной премии СССР Г. Канчели, также отмеченная премией фестиваля, находится в тесном контакте с режиссерским замыслом, характеризует и укрупняет события и образы в пьесе.

Именно в музыке находит режиссер опору для реализации традиционной для грузинского театра концепции ритмической связи образов героев с их пластикой и движением в сценическом пространстве.

Если говорить о принципе организации Робертом Стуртуа сценического действия, то здесь очевиден упор на теорию «эпического театра» Брехта, ярко проявляющуюся в демонстративном характере «показа» событий, в стиле актерской игры, в фарсовой преувеличенности деталей, в остром гротеске, характерности и сатиричности образов.

Спектакль решался режиссером в едином идейном, образном и психологическом русле с драматургическим материалом.

На важнейших мыслях Брехта он фиксирует внимание зрителя посредством статуарно-выразительных мизансцен, чередующихся в стремительном темпе — по принципу стоп-кадра.

Уходящий воевать Симон (арт. К. Кавсадзе) нацелил себе на грудь огромную в кровавых подтеках мишень для стрельбы. Эта мизансцена обнажает четкую мысль режиссера — на войне человек становится пушечным мясом!..

Кантителенная связь между отдельными сценами осуществляется в спектакле выразительной пластикой актеров. Для каждого персонажа режиссер находит «свою», индивидуальную пластическую характеристику. И здесь порой бывает достаточно какой-либо одной, но предельно выразительной детали, выставляющей тот или иной персонаж в главном, характеризующем его свете. Слуг Абашвили — полицейского Шалву (арт. Д. Папуашвили), Лаврентия (арт. Дж. Гаганидзе), лакеев по природе своей — режиссер заставляет ходить на цыпочках, подчеркивая угодническое начало их сути. Ефрейтор (нар. арт. ГССР Гуррам Сагарадзе) — типичный солдафон, намеренно одетый режиссером в нацистскую форму — появляется сидя верхом на солдате; так воплощается идея грубости и насилия вояк-наемников, наглостью которых щедро пользуются «сильные мира сего».

Князь Казбеки (нар. арт. СССР Гурам Сагарадзе) ходит жадными, как бы поглощающими пространство шагами, как бы тараня своим огромным туловищем невидимые нам препятствия. Такими же шагами будет идти он к власти, не брезгуя предательством, казнями и обманом. А его брат Абашвили (в этом же исполнении) с первого появления безжизненно статичен. И когда чучело его головы прибьет к огромным воротам, у нас возникнет мысль, что и при жизни он был так же безжизнен, как это чучело.

Словно голодная волчица мечется свекровь девушки Груше (засл. арт. СССР Л. Дзиграшвили) между умирающим сыном, смертью которого она торгует, и нанятым по дешевке монахом, вся ее фигура вопиет о безысходной бедности.

Лаконизм в выборе выразительных средств и четкая обусловленность характеров героев той социальной средой, черты которой они носят, — отправная точка для актеров в воплощении брехтовских персонажей. Все действующие лица спектакля, за исключением Груше, Симона и Аздака, предстают в спектакле в гротескном, сатирическом плане.

Живое, трепетное чувство Груше молодая актриса Иза Гигошвили контрастно выделяет на фоне обобщенно решенных образов спектакля. Каждая поза актрисы, пластически четкая и завершенная, вызывает ассоциации с крестьянками на полотнах фламандских живописцев. Вся она — воплощенная женственность, терпеливость и естественность. Иза Гигошвили наделает свою героиню многогранным, эстетически богатым характером. С тонким актерским чутьем и мастерством раскрывает она динамику внутреннего развития образа Груше — от наивной крестьяночки до человека, способного выставить свои требования окружающему его миропорядку. Сродни ей Симон, проявляющий свои чувства с удивительной щедростью и ясностью.

Народный артист СССР Рамаз Чхиквадзе — мастер словесного поединка и пластической метафоры в спектакле — в трактовке образа Аздака руководствуется не только «фальстафовским» началом природы героя. Скорее, подобно шутам шекспировских трагедий, — он правдоговоритель, преподносящий трагическое с элементом комического. И наоборот. Блистательное исполнение актером роли Аздака было отмечено премией на фестивале. Аздак у Чхиквадзе — весь противоречие. Резким контрастом к облику героя прозвучат его речи, обнаруживающие философский склад ума. Шаг за шагом Чхиквадзе открывает нам в Аздаке честного человека с натурой бунтаря, жаждущего изменить мир к лучшему.

Шутовской грим, буффонный розыгрыш и гротеск служат актеру маской, под прикрытием которой он без декларативности и пафоса говорит о сложных проблемах и щедро сеет добро.

Показав Аздака человеком с красивой душой, бичующим порок, актер дает богатую пищу не только нашему воображению, но и критической мысли.

Выразительная, наполненная конкретным содержанием пластика актеров в спектакле определяет эмоциональный настрой действующих персонажей. Через нее же осуществляется в спектакле двулановость сценического действия, реализующая брехтовскую теорию отчуждения актерской игры.

Пластика актеров (Ю. Зарецкий), музыкальное оформление и изобразительное решение (Г. Месхишвили), составляя органичное целое с режиссерским замыслом служат созданию условий атмосферы сценического действия и максимального соотношения показанных в пьесе событий с современной действительностью.

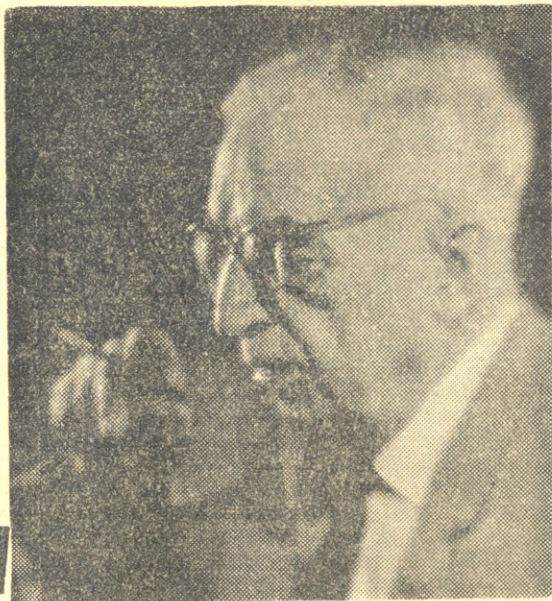
В оформлении сцены нет этнографических примет места событий. Условная декорация, напоминающая высокий загон из ветхих досок, с воротами в глубине сцены. Эта декорация обрамляет весь спектакль, только по ходу действия с колосников спускаются огромные холсты, сконструированные по типу парусов, и служат то стеной, то потолком комнаты, то сараем, то ручьем.

В антрактах «паруса», будто открытые ветру, занимают всю сцену, а боковые морские фонари придают подмосткам видимость «корабля жизни».

Условны действующие на рампе комментатор спектакля Певец и Музыкант (Л. Сигмашвили). Эти последние выполняют роль камертона эмоционального ритма эпизодов. Органичное сочетание публицистики и гуманизма с многоплановым эмоционально-психологическим проникновением в духовный мир героев — характерная особенность как режиссерского подхода к спектаклю, так и его актерского исполнения.

Умение воплощать в художественной форме острые проблемы современности позволяет театру им. Ш. Руставели языком образов говорить со зрителем о сложных, многообразных и противоречивых отношениях между личностью и обществом, о необходимости изменять к лучшему окружающий нас миропорядок.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПОЧЕТНОГО ПРЕЗИДЕНТА

3 МАЯ 1972 ГОДА на собрании в Академии наук Грузинской ССР Николай Иванович Мухелишвили неожиданно отказался от предложения быть вновь избранным на пост президента и сам назвал новую кандидатуру — академика Илью Векуа. Новый президент Академии наук Грузии был избран единогласно...

С этого дня Н. И. Мухелишвили стал первым почетным президентом Академии наук Грузинской ССР.

На следующий день Николай Иванович с утра уже был в своем кабинете и, как всегда, беседуя, не торопясь расхаживал по комнате. Трезвым, умным взором окидывая прошлое, он с присущим ему чувством юмора вспоминал некоторые забавные эпизоды.

Я позволил себе обратиться к нему с вопросом: думал ли он в эти дни о чем-либо таком, что никогда раньше не волновало его.

Николай Иванович задумался и стал пристально рассматривать свой портрет, выполненный художником Георгием Тотибадзе, словно видел его впервые.

Чуть погодя он спокойно, чеканя слова, произнес:

— Мало, очень мало сделано мною. Мог бы, вероятно, гораздо больше...

Мало?! Разве общепризнанные его монографии, переведенные на многие языки народов мира, это «мало»? Созданная Н. И. Мухелишвили математическая школа — тоже «мало»? А его заслуги как организатора и руководителя науки в Грузии?! Это «мало»?

И все-таки какая-то неудовлетворенность явно беспокоила его.

— А чего бы вам хотелось больше всего теперь? — задал я Николаю Ивановичу свой второй вопрос.

— Думаю написать очень нужную книгу, возможно, успею, боюсь только одного — не стать по отношению к самому себе менее требовательным, тогда монография не получится такой, какой я ее вижу. За день я писал не более двух страниц, долго думал над каждой фразой, и думаю, это дало свои плоды.

Часам к двенадцати я снова зашел к Николаю Ивановичу, принес на под-
пись кое-какие материалы. Каждую деловую бумагу он всегда читал очень вни-
мательно и нередко вносил поправки.

— В последнем нашем труде 23 страницы. Неплохо поработали. Интересно, а какого объема был первый протокол? — спросил он с улыбкой. И удивился, когда узнал, что на протяжении многих лет протоколы пишутся почти в одном стиле.

— Видать, мы с вами всегда были «великими секретарями», — пошутил он. Президент остался верен себе: одну страницу все-таки пришлось перепечатать!

Николай Иванович выложил из среднего ящика письменного стола какие-то бумаги. Он собирался выкинуть в корзину свою рукопись, я остановил его и попросил подарить рукопись мне. Это был текст одного из его выступлений. Он был написан черными чернилами, буква к буквке, и напоминал старинную грузинскую рукопись. Николай Иванович не любил читать отпечатанные на машинке грузинские тексты, и перед выступлением обязательно сам переписывал текст своей речи.

— Я пристрастился к этому благодаря Иванэ Джавахишвили. Вы теперь не представляете, как нам, получившим образование в Петрограде, трудно было в те годы читать лекции на грузинском языке, вот и приходилось все записывать, а потом это вошло в привычку, — вспоминал он.

Уход первого президента огорчил многих, особенно переживала его личный секретарь Сидония Ивановна Луарсамидзе, Сесиль, как называют ее все в академии. Да, нелегко расставаться после тридцатилетней совместной работы.

— Я уже говорил с Илико о судьбе Сесиль, просил оставить ее на прежнем месте. Ты ведь знаешь, какой это добрый, отзывчивый человек, да и работу свою она знает прекрасно...

Сесиль ничего об этом не знала — Николай Иванович все шутил:

— Если тебя лишат должности секретаря президента, я откажусь от звания почетного президента...

Я был в кабинете у Николая Ивановича, когда к нему пришли дети — поздравить с Праздником цветов. Голубоглазая девушка преподнесла ему цветы, особенно понравился ему букет полевых цветов.

— Эти полевые цветы — друзья моего детства, они напоминают мне милое сердцу Мацевани...

...Я вспомнил, как много лет назад, кажется, спустя год после окончания Великой Отечественной войны, правительство приняло постановление о строительстве на государственный счет дач для академиков. Нико Мухелишвили выбрал дачное местечко Манглиси, причем попросил выделить ему участок не в центре села, а на окраине. Манглисцы долго удивлялись: почему академик Мухелишвили выбрал такое нелюдимое место, неужели людей сторонится?

Тайну президент открыл много позднее. Как-то он признался друзьям:

— Смотрите, как хорошо видны отсюда поля Мацевани. Это ведь край моего детства. И теперь отсюда я могу вдоволь любоваться им. Мысленно я могу переноситься во «владения» моего деда Александра Сагинашвили и, как мальчонка, снова бегать по росистой траве...

Николай Иванович с нежностью смотрел на букет полевых цветов, потом попросил отвезти их домой. «Рузана Фадеевна тоже любит их», — сказал он, задумавшись.

В комнату вошли математики. Николай Иванович словно на глазах помолодел, присанился, глаза его радостно заблестели. Это были его ученики, и он знал, что будущее грузинской науки в надежных руках.

Арамейский язык в Грузии

1.

АРАМЕЙСКИЙ язык — один из важнейших семитских языков, имеющий тридцативековую фиксированную (письменную) историю. Хотя носители этого языка арамейцы и не создали больших государственных объединений, тем не менее их язык в течение сотен лет служил таким большим и могучим государствам, какими являлись Ассирийская и Иранская империи. Во времена их существования (VII—IV вв до н. э.) арамейский язык находит широкое распространение и охватывает огромную территорию от реки Нила до Урмийского озера (Иран). С расширением границ ахеменидской империи Ирана расширяются и границы употребления арамейского языка, который по всей этой территории становится административно-канцелярским языком данного государства.

Более широкое распространение выпало на долю арамейской письменности, восходящей к древнесемитскому письму. Ею пользовались не только семиты (арамейцы, евреи, арабы), но и народы несемитского происхождения (иранцы, уйгуры, монголы и др.). Среди последних следует выделить народы, проживающие в пределах древнего Ирана. Позднее, в парфяnsкое время и при сасанидах (I—VI вв.), арамейская письменность используется иранцами для своего языка в качестве идеографического письма. Таково положение вещей в среднеиранском — в пехлеви и фарси, что же касается самого арамейского, то он утратил функцию официального языка и лишь на периферии империи (или по соседству с ней) сохранил ее, о чем свидетельствуют арамейские надписи и документы из Египта, Сузы, Таймы, Киликии и др.¹ В самом же Иране памятников, написанных на арамейском языке, к этому времени уже нет; исключения составляют лишь монеты аршакидов.

Памятники, исполненные арамейским письмом, встречаются и на территории Грузии. В этом отношении особого внимания заслуживают каменные стелы, обнаруженные во время археологических раскопок в Мцхета—Армази: одна из них представляет собой одноязычную надпись на арамейском языке, а другая — греко-арамейскую билингву. Как известно, эти тексты были прочитаны и датированы (I—II вв.) академиком Г. В. Цертели. Им же было установлено, что данные надписи исполнены ранее неизвестным видом арамейского письма, встречающимся лишь на территории Армази, почему он и был назван «армазским»². Следует отметить, что в период ахеменидов арамейское письмо на территории всей империи было единым и только после падения империи, в последующие эллинистический и парфянский периоды (III в. до н. э. — III в. н. э.), когда арамейский в качестве административного языка используется лишь на периферии, начинается развитие локальных разновидностей «государственной арамейской письменности»³.

¹ R. Stiehl, *Aramäisch als Weltsprache*. — *Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt*, B. I, Berlin, 1964, S. 72—75.

² Г. В. Цертели, *Армазская билингва*, Тбилиси, 1941.

³ Cp. J. Oelsner, *Bemerkungen zur schriftgeschichtlichen Einordnung der Inschriften aus Armazi*, — *Wiss. Zeitschrift der Fr.-Schiller-Univ.*, Jena, Ges. und Sprachwiss., R. 22, 1973, Hf. 3, S. 430.

По материалам, имеющимся у нас в настоящее время, их число отнюдь не велико (7—8), и среди них определенное место отводится армазской разновидности, которая в типовом отношении должна представлять собой дальнейшее развитие северомесопотамского арамейского письма. Таким образом «армазская письменность» заняла свое место в истории арамейского письма, и поэтому теперь невозможно воссоздать полную картину его развития без учета арамейских памятников, обнаруженных в Грузии. Эти надписи вызвали большой интерес специалистов и вплоть до настоящего времени продолжают оставаться предметом изучения и обсуждения (см. исследования за последние годы Фр. Альтгейма, Р. Штиля, И. Ельснера и др.)⁴. На протяжении десятков лет дискутировался вопрос о языке армазских текстов, а именно: были ли они составлены на арамейском или же на среднеиранском, использовавшем арамейское письмо в качестве идеографического. Последнее предположение принадлежит В. Б. Хеннингу⁵. Он в течение многих лет спорил с Фр. Альтгеймом и Р. Штилем, которые придерживаются мнения, согласно которому армазские тексты исполнены на арамейском языке⁶. Эту точку зрения разделяли такие видные ученые семитологи, как Леви делла Вида, Шницер, Дюпон-Сомэ, Доннер и др.⁷. Это предположение впервые было высказано академиком Г. В. Церетели: «...Мы не можем быть уверены в персидском характере языка надписей, пока в них не выявлена какая-либо явно персидская форма»⁸.

Обнаруженные позже памятники, а также сравнительное изучение ранее известных надписей подтвердили данное положение. В настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что как армазские тексты, так и другие арамейские памятники приблизительно того же периода исполнены на арамейском языке, который до III в. н. э. (до сасанидов) продолжал оставаться официальным языком на окраинах империи, а также в непосредственно примыкавших к ней областях. Хотя в некоторых текстах и встречаются иранизмы, особенно лексического характера, тем не менее сам язык является арамейским, весьма отличающимся от среднеиранского с арамейским идеографическим письмом. Аналогичны нашим надписям (в отношении языка, а не письменности) и другие арамейские памятники с периферии древнеперсидской империи: острака из парфянского города Нисы, Авроманский пергамент (Курдистан), надпись Агача-Кале из Малой Азии и некоторые др.⁹. Арамейские надписи были обнаружены и на территории Армении (около озера Севан, III в. до н. э. и в Гарни, II в. н. э.)¹⁰. Язык этих текстов — «государственный арамейский» (так назывался арамейский язык, распространенный в империи ахеменидов), который даже после падения империи некоторое время, «по инерции» все еще продолжал оставаться в данных областях местным административным языком. В последующий период мертвый «государственный арамейский» сменяют местные живые языки (пехлеви, фарси, согдийский и др.), которые продолжает обслуживать арамейское письмо.

Тот факт, что к I в. н. э. в Грузии существовала особая разновидность арамейской письменности, так называемая армазская, свидетельствует об определенной (отнюдь не малой) традиции использования арамейской письменности. Мы полагаем, что немецкий ученый И. Ельснер справедливо относит образование армазской разновидности письма к последним векам до н. э. (II—I вв.). При этом он считает, что армазское письмо представляет

⁴ Fr. Altheim, R. Stiehl, Die zweite (aramäische) Inschrift von Mzcheta, — «Forschungen und Fortschritte», B. 35, Berlin, 1961, S. 172, ff.; и х ж е, Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden, B. 1/3, Frankfurt/M., 1963, S. 245, ff.; Oelsner, ук. соч. и др.

⁵ См. статью В. Б. Хеннинга в книге «Handbuch der Orientalistik, B. 4/1, 1958, S. 21—40.

⁶ Altheim, Stiehl, The Greek-Aramaic Bilingual Inscription of Kandahar and its Philological Importance. — «East and West», N. S. vol. 10, № 4, Rome, 1959, p. 253; (см. также их вышеуказанные сочинения).

⁷ См. высказывание Г. Леви делла Вида в книге Фр. Альтгейма «Geschichte der Hunnen», B. II, Berlin, 1960, S. 295, след.; Szyner, Dupont-Sommer, Die aramäische Sprache, 2. Lfg., 1960, S. 234, ff.; H. Donner, W. Röllig, Kanaanäische und aramäische Inschriften, B. II, Wiesbaden, 1964, S. 328.

⁸ Г. В. Церетели, Армазская билингва, с. 43.

⁹ Ср. R. Stiehl, Aramäisch als Weltsprache, S. 75; Oelsner, ук. соч., с. 432—434.

¹⁰ А. Г. Периханян, Арамейская надпись из Гарни. — Историко-филологический журнал АН Армянской ССР, Ереван, 1964, № 3, с. 123—138; «К вопросу о происхождении армянской письменности». — Переднеазиатский сборник, т. II, Москва, 1966, с. 102, сл.

с собой дальнейшее развитие северомесопотамийского типа арамейской письменности¹¹. Это предположение высказывалось и ранее (Г. Церетели, А. Периханян)¹². Если это действительно так, то использование арамейского языка в Грузии (Восточная Грузия) должно иметь долголетнюю историю и, вполне естественно, что ее начало следует считать со времен ахеменидов. Именно тогда в Грузии (как и в Армении) должно было быть положено начало использованию арамейского в качестве административного языка. Однако здесь нам могут возразить, что Грузия не входила в империю ахеменидов¹³ и в то время являлась самостоятельным государством. Исторические источники и соответствующий археологический материал, найденный на территории Грузии, отнюдь не подтверждают этого предположения¹⁴. Тем не менее, если даже и допустить, что Грузия не входила в пределы ахеменидской империи, то ведь во всяком случае она находилась в непосредственном соседстве с нею. Не вызывает сомнения и факт использования арамейского языка с той же целью, как это имело место в пределах ахеменидской империи. В таком случае распространение арамейского языка в Грузии следовало бы увязать с письменными традициями могучего соседнего государства. Как мы видим, налицо совпадение и в хронологическом отношении. Это является фактом, который нельзя отрицать. Быть может, это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения и уточнения вопроса о взаимоотношении Грузии с ахеменидской империей. В качестве письменного языка арамейский использовался в Грузии вплоть до III в. н. э. (по имеющимся у нас материалам), что является характерным для всей периферии древнеиранской империи (ср. выше), а длительное же употребление этой письменности способствовало развитию ее местной разновидности — «армазской», которая дошла до нас в виде надписей, выполненных на каменных стелах (I—II вв.). Об этой традиции свидетельствуют и некоторые другие, исполненные этим же письмом, памятники, которые были обнаружены на территории Грузии. Таковы найденные в Армази золотые украшения (браслет, амулет, перстень) и серебряная чаша с арамейской надписью из Бори (Западная Грузия, III в.)¹⁵. К этому же периоду (точнее, к II в.) относится арамейская надпись из Гарни. К сожалению, она не пространна, однако ее письмо явно проявляет большое сходство с армазским (ср. Периханян, Ельснер)¹⁶. За исключением некоторых моментов, характерных для других арамейских надписей, она идентична армазской и, по справедливому замечанию Ельснера, надпись из Гарни должна быть поставлена наряду с мцхетскими¹⁷ (что нельзя сказать о другой надписи из Армении, найденной на Севане). По мнению Альтгейма и Штиля, армазская традиция находит свое продолжение в письме, которым исполнены надписи на двух серебряных чашах из Мазендерана (Северный Иран, VIII—IX вв.) и которое, вследствие сказанного, им названо «позднеармазским» (Spätarmazisch)¹⁸. Возможно, это является более поздним отголоском той письменной традиции, которая существовала в Закавказье в последние века до н. э. и в первые века н. э. Ельснер считает возможным распространение «армазской письменности» на западе и на юге от Каспийского моря¹⁹. Менее вероятно, что эта чаша была ввезена сюда из расположенной на северо-западе «армазской зоны», поскольку в тот период как в Грузии, так и в Армении широко действовали собственные письмена.

Следовательно, в I—II вв. н. э. в Грузии (Иберии) арамейский является письменным (канцелярским) языком, с локальной разновидностью арамейского письма. В Западной Грузии (Колхиде) как в этот период, так и до того

¹¹ Oelsner, Bemerkungen . . . , S. 434—435.

¹² Г. В. Церетели, Армазская надпись эпохи Митридата Иверийского.—Труды 25-го Международного конгресса востоковедов, т. I, Москва, 1962, с. 374—378; А. Г. Периханян. К вопросу о происхождении армянской письменности, с. 103.

¹³ Ср. напр. Oelsner, Bemerkungen . . . , S. 430.

¹⁴ Н. А. Бердзенишвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, История Грузии, т. I, 1948, с. 118 (на груз. яз.).

¹⁵ Мцхета, I: А. Апакидзе, Г. Гобеджишвили, А. Каландадзе, Г. Ломтатидзе. Археологические памятники Армазского ущелья, Тбилиси, 1958, с. 135—137. Ср. там же, с. 82; Г. В. Церетели «Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита», I. — Эпиграфика Востока, II, 1948, с. 94.

¹⁶ А. Периханян, К вопросу о происхождении армянской письменности, с. 125—126; Oelsner, ук. соч., с. 434.

¹⁷ Oelsner, ук. соч., там же.

¹⁸ Fr. Altheim, Stiehl, Die Araber in der alten Welt, B. V, Berlin, 1968, S. 85—91.

¹⁹ Oelsner, там же.

широко был распространен греческий язык, о чем свидетельствуют и раскопки в Вани²⁰. Однако позже (II—III вв.) в Восточной Грузии наряду с арамейским языком используется и греческий (ср. греко-арамейскую билингву и найденные в армазских захоронениях предметы с греческими надписями, в которых упоминаются лица, засвидетельствованные в арамейской надписи, например, Зевах)²¹. Несмотря на то, что чаша из Бори обнаружена в Западной Грузии, она вполне могла быть изготовлена в Восточной Грузии, а затем привезена в Западную. (Следует учесть и то, что в Западной Грузии греческий язык был распространен некоторое время и после принятия христианства)²². Позднее III в. н. э. арамейские надписи на территории Грузии не встречаются. Последующие письменные памятники в Восточной Грузии относятся к христианскому периоду и выполнены на грузинском языке грузинским письмом. Таково фактическое положение вещей в Грузии на сегодняшний день (то же самое можно сказать и об Армении).

Таким образом, не исключено (во всяком случае, по имеющимся в настоящее время материалам), что еще в начале н. э. (I—III вв.) в Грузии не было собственной письменности (ср. К. Кекелидзе, А. Периханян)²³ и в качестве письменного языка грузины пользовались греческим и арамейским. «По результатам раскопок в Мцхета—Армази, — отмечает К. Кекелидзе, — можно предположить, что вначале грузины удовлетворяли свои нужды в основном с помощью арамейской и греческой письменностей»²⁴. Тот факт, что у арамейского языка в Грузии имелась определенная традиция и что «армазское письмо» — продукт этой традиции, естественно, требуется учесть при выяснении происхождения грузинской письменности. Этим, видимо, объясняется, что все, кто занимался вопросом происхождения грузинского алфавита после обнаружения арамейских надписей в Грузии (Г. Церетели, Р. Патаридзе, Г. Гамкрелидзе, А. Лекиашвили и др.), не могли обойти вниманием арамейское письмо. Более того, именно находка арамейских стел вновь поставила вопрос о происхождении грузинской письменности. В трудах Г. В. Церетели по этой проблеме («Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита», «Эпиграфические находки в Мцхета» и др.) сделана конкретная попытка разрешить ее с помощью арамейского письма. Этот вопрос (происхождение грузинского алфавита) требует специального суждения. Мы здесь его коснулись лишь постольку, поскольку нам хотелось подчеркнуть значение древнеарамейского языка и его письменности, к тому же в развитии грузинской культуры указанные грузинско-арамейские отношения освещают один из древнейших этапов (V—IV вв. до н. э.) в истории нашей страны, нашего народа.

2.

В христианскую эпоху на Ближнем Востоке особое распространение получает эдесский диалект арамейского языка, известный под названием сирийского. Это один из важнейших диалектов среднеарамейского, на котором была создана довольно богатая литература, в основном церковно-религиозного характера (патрология, агнография, гимнография и т. д.). Отдельные сирийские надписи встречаются даже в первые века н. э. Однако сирийская литература в основном охватывает III—XVII вв., расцвет же ее приходится на V—XIII вв. (хотя после появления ислама, начиная с VII в., роль сирийского как разговорного языка все более ослабевает, и постепенно он вытесняется арабским). Велико значение сирийского языка для стран так называемого христианского Востока (Грузия, Армения, Египет, Эфиопия, Сирия-Палестина), где он является связующим звеном между западным (греко-византийским) и восточным христианским миром.

Немаловажную роль сыграли сирийский язык и литература, так же как и сами сирийцы, в истории Грузии, ее культуры. Известно, что грузинские летописцы с именами сирийцев связывают появление и распространение христианства в Грузии. Они основали здесь первые монастыри, ставшие круп-

²⁰ Т. Каухчишвили. Греческие надписи из Вани. — Сообщения АН Груз. ССР. т. XVIII, № 1, 1967.

²¹ «Мцхета», с. 29; Г. В. Церетели. Армазская билингва, с. 26—27.

²² Ср. Н. А. Бердзенишвили, И. А. Джавахишвили, С. Н. Джанашиа, История Грузии, I, с. 118.

²³ К. Кекелидзе, История грузинской литературы (на груз. яз.), I, Тбилиси, 1960, с. 36—37; А. Периханян. К вопросу о происхождении письменности, с. 125—126.

²⁴ К. Кекелидзе, указ. соч., там же.

ными очагами грузинской культуры того времени (Шию Мгвиме, Зедзени, Гареджа и др.). Но связь с Сирией этим не исчерпывалась. Еще до создания названных монастырей (во всяком случае, уже в V в.) грузины устремились в Антиохию и другие пункты Сирии—Палестины (Черная Гора, Палав, Давра св. Саввы и др.), где сирийский язык и литература были одним из важнейших источников их деятельности. Благодаря сирийскому, как и греческому, грузины знакомятся с христианской церковно-духовной литературой. Особое значение в просвещенных кругах Грузии придавалось сирийскому языку и литературе, о чем свидетельствует «Житие Григория Хандзтели» (VIII—IX вв.), где говорится об изучении Григорием сочинений Ефрема Сирина²⁵. В этот период (V—X вв.) для образованного грузина незнание сирийского языка, как и греческого, представлялось невозможным. В этом отношении заслуживает внимания сведение из «Картлис цховреба» («История Грузии», Список царицы Анны)²⁶. Разумеется, это не означает, что в последующий период грузины не знали сирийского или же что сирийско-грузинские литературные связи прекратились после X века. Так, например, «Житие Петра Ивера» было переведено Макарием Месхи с сирийского на грузинский в XIII—XIV вв., оно было создано на сирийском или переведено с греческого (греческий оригинал не сохранен) в V в. (На сирийском языке сохранившаяся пространная версия «Жития», которая когда-то считалась анонимной, а в настоящее время приписывается Иоанну Руфусу, создана в VI в.)²⁷. Сравнительно поздними являются также и некоторые другие грузинские переводы с сирийского. Однако интенсивные (постоянные) связи между грузинами и сирийцами, традиции Христианского Востока с особой силой проявляются в Восточной Грузии до X в. Во всяком случае, в настоящее время можно смело заявить, что грузинско-сирийские литературные связи охватывают весь период расцвета сирийской литературы (V—XIII вв.).

Все это со всей очевидностью свидетельствует о значении сирийского языка для истории грузинской культуры. Оно не вызывало сомнений ни у Н. Марра и И. Джавахишвили, ни у К. Кекелидзе и И. Абуладзе, ни у одного из исследователей, серьезно занимавшихся историей грузинской литературы и языка. Исходя из сказанного, грузино-сирийские исторические и литературные взаимоотношения должны были оставить определенный след, и прежде всего в виде сирийских версий или сирийских редакций сохранившихся на грузинском языке литературных памятников (наряду с греческими и армянскими). И действительно, подобных памятников должно быть немало. В свое время Н. Марр некоторые существующие на грузинском языке памятники увязывал с сирийскими источниками. Так, например, он полагал, что сочинение Иосифа Аримафийского о строительстве Лудийской церкви, которое сохранилось лишь на грузинском языке, должно (через арабский) восходить к сирийскому оригиналу²⁸. Апокрифическое сочинение Леонтия Мровели, переведенное с греческого, «Сказанное святым отцом нашим Ефремом о рождении небес, земли и человека...» К. Кекелидзе увязывает с одной из редакций сирийского сочинения «Пещера сокровищ»²⁹. Рассматривая текст «Мученичество Леонтия», он же отмечает, что грузинская редакция весьма напоминает сирийскую, изданную Беджаном³⁰, и др. В 1960 году, говоря об агнографических памятниках, К. Кекелидзе справедливо подчеркивал: «...то немногое, что сделано в этой области, явно свидетельствует о переводе грузинами Жития святых в древности, в первый период (до 750 г.) со всех языков христианской литературы, как, напр., с армянского, арабского, сирийского и греческого»³¹.

Мы полагаем, что в этой связи особого внимания заслуживают сочинения грузинских авторов, подвизавшихся в лауре св. Саввы, у которых были тесные связи с арабскими и сирийскими деятелями. Ж. Гаррит считает, что грузинские тексты Жития Симеона Стилита и Ефрема Сирина переведены с сирийского языка³². Такое же предположение он высказал и о сочинении

²⁵ К. Кекелидзе, ук. соч., с. 134, прим. 21.

²⁶ Картлис цховреба (История Грузии), Список царицы Анны (на груз. яз.), Тбилиси, 1942, с. 11.

²⁷ Ed. Schwartz, Johannes Rufus, ein monophysitischer Schriftsteller.—Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl., Abh. 16, 1912 (ср. Э. Хонигман, Петр Ивер и сочинения Пс.-Дионисия Ареопагита. — Труды Тбилисского государственного университета, т. 59, 1955, с. 64).

²⁸ Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, т. II, 1900, с. 20.

²⁹ К. Кекелидзе. История грузинской литературы, I, с. 243.

³⁰ К. Кекелидзе. Этюды по истории др. грузинской литературы, XI, 1972, с. 123 (на груз. яз.).

³¹ К. Кекелидзе. История груз. лит., I, с. 502.

³² G. Garitte. Les vis georgiennes de S. Syméon Stylite..., Louvain, 1957.

Мартирия Савваита «О покаянии и смирении»³³. О существовании грузинско-сирийских литературных взаимосвязей говорят и другие зарубежные исследователи (Молитор, Утхе и др.)³⁴.

Филолого-лингвистический анализ грузинских библейских текстов подтвердил связь сирийских текстов с некоторыми грузинскими редакциями. Это хорошо видно на примере изучения «Псалтыря»³⁵. Исследование и языковых особенностей, характерных для оригинала Библии, выявило также в грузинских переводах особую близость некоторых редакций к сирийской Библии³⁶. Стало быть, вопрос о происхождении грузинских библейских текстов, являющийся одним из кардинальных вопросов истории грузинской литературы, не может быть разрешен без учета соответствующего сирийского материала (наряду с еврейским, греческим, армянским).

Относительно происхождения грузинского текста «Жития св. Нисимы» высказывались предположения, что оно восходит либо к коптскому (К. Кекелидзе)³⁷, либо к сирийскому оригиналу (П. Пеетерс)³⁸. Сравнительный анализ сирийско-арабско-грузинских текстов показал, что грузинская версия переведена с арабского, который и восходит к сирийскому оригиналу (Н. Цакадзе)³⁹. Сирийская версия и сирийские источники находят свое отражение в целом ряде других грузинских письменных памятников (Житие св. Дросия, сочинение Мартирия Савваита «О покаянии и смирении» и др.). Здесь же следует упомянуть одно из наиболее значительных грузинских произведений «Балавариани», арабская версия которого, по мнению Н. Марра, восходит к сирийскому источнику⁴⁰. Мы убеждены, что дальнейшее изучение древнегрузинских литературных памятников с привлечением соответствующих сирийских материалов (что в настоящее время ведется весьма интенсивно) выявит еще не одно звено сирийско-грузинских литературных связей.

Сирийско-грузинские литературные и церковные взаимоотношения, существующие на протяжении ряда веков, не могли не оставить следов и в грузинском языке. В качестве иллюстрации можно привести несколько слов сирийского происхождения, встречающихся в грузинском; так, например, თარგმანება (targmaneba), თარგმანი (targmani), «перевод (с языка)», отсюда глагол თარგმნის (targmnis), «переводит», ср. თარგმანის (targmani) от араб. targimān «переводчик»; გუნდი (gundi) «войско», შობა (mšia) «мессия», ჭუკა (šuka) «улочка» и др.

Из вышесказанного явствует, что сирийский язык широко был распространен среди просвещенных кругов как в Грузии, так и за ее пределами, во всяком случае, в IV—X вв.

Здесь же следует отметить, что в последнее время на территории древней Сирии были найдены фрагменты древнегрузинских рукописей. А именно, в Национальном музее в г. Дамаске аспирантка кафедры семитологии Тбилисского государственного университета М. Чачибая, находясь на стажировке в Дамаском университете, в конце 1974 года обнаружила фрагменты древнегрузинских рукописей (18 страниц, X—XI вв.)⁴¹. Несколько раньше французский ученый В. Утхе в армянском монастыре в Бзомаре (Ливан) нашел фрагменты грузинского лекционария, которые относятся к X веку. Один из фрагментов круп-

³³ G. Garitte. Le sermon géorgiennes du moine Martyrius et son modèle syriaque, Muséon, t. LXIX, p. 243—312.

³⁴ J. Molitor, Altgeorgische Evangelienübersetzung als Hüterin syrischer Tradition, — Revue de Karthvélogie, Paris, vol. 23, 1957, pp. 136—142; vol. 25, 1968, pp. 158—193; vol. 26, 1969, pp. 162—169; В. Outtier, Les enseignements des pères. Une recueil géorgien traduit de l'arabe, id., vol., 31, 1973.

³⁵ М. Шанидзе. Древнегрузинские переводы «Книги псалмов» (Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук), Тбилиси, 1974.

³⁶ К. Церетели. Параномазия в грузинском. I. Случаи параномазии в древнегрузинских текстах. — Иберийско-кавказское языкознание, VI, Тбилиси, 1954, с. 464, сл.

³⁷ К. Кекелидзе. История грузинской литературы, I, с. 50.

³⁸ P. Peeters. Analecta Bollandiana, 31, с. 478—479.

³⁹ Н. П. Цакадзе. Сирийская, арабская и грузинская версии «Жития святой Нисимы» (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук), Тбилиси, 1975.

⁴⁰ Н. Я. Марр. Армяно-грузинские материалы для истории душеполезной повести о Ворааме и Иосафе, ЭВРАО, II, с. 59—63.

⁴¹ Фотокопии данных фрагментов переданы Институту рукописей АН Груз. ССР им. акад. К. Кекелидзе. Датировка рукописей дана на основе предварительного предположения чл. корр. АН Груз. ССР Е. П. Метрели.

ного формата составляет 40 страниц, остальные же четыре фрагмента другого лекционария были использованы в качестве переплета армянской рукописи⁴².

Еще одним весьма интересным и важным свидетельством грузино-сирийских взаимосвязей является Евангелие, найденное старшим научным сотрудником Института рукописей имени Кекелидзе АН Грузинской ССР Р. Мирианашвили в одном из монастырей Сирии (вблизи портового города Хомса), носящем имя св. Георгия. По сведению Р. Мирианашвили, это Евангелие было преподнесено в дар монастырю сыном Ираклия II Георгием⁴³.

3.

Третий этап в развитии арамейского языка образует новарамейский, на котором с 40-х годов XIX века создается литература и на котором сегодня говорят небольшие группы арамейцев или, как они себя называют, ассирийцев, компактно населяющих территорию от Антиливанских гор до Урмийского озера («ассирийцы» по грузинской и сирийской традиции означают «сирийцев», т. е. арамейцев-христиан)⁴⁴.

Новарамейский язык распространен и на территории Грузии: в частности, здесь имеется целая группа его восточных диалектов (урмийский, саламасский, ванский, джилу, ботани). Переселение ассирийцев (арамейцев) в Грузию должно было произойти в первой половине прошлого столетия (после заключения мирного договора 1828 года между Россией и Ираном), хотя не исключены случаи как более ранней, так и более поздней иммиграции. Еще при Ираклии II была сделана попытка переселения в Грузию христиан-ассирийцев из мусульманских стран (Турции, Ирана). Сохранилось послание ассирийского епископа Исая к Ираклию II (которое было им получено 26 сентября 1770 года). На послании имеется приписка самого Ираклия II: «Епископ ассирийцев Исая, который недавно был у нас и сказал нам, что ассирийцы хотят присоединиться к Вам...»⁴⁵. К сожалению, нам не известно, чем завершились эти переговоры. Большой поток иммигрантов направился в нашу страну во время первой мировой войны, когда за возвращавшейся из Ирана русской армией неотступно следовали христиане-ассирийцы. В 1916 году в Грузию переселяются беженцы из Ванского вилайета (Турция).

В настоящее время в Грузии ассирийцы проживают компактными группами в районах Мцхета и Гардабани, а также в городах Тбилиси, Зестафони, Самтредиа. Наряду с родным языком они сохранили и услышанные ими от предков сказки, басни, пословицы и поговорки⁴⁶. Заслуживают внимания также их поэтические и прозаические сочинения. Из проживающих в Грузии ассирийских поэтов, пишущих на своем родном языке, широко известны имена Фридуна Атураия, Давида Ильяна и других. В Грузии некоторое время издавались ассирийский журнал и газета, на страницах которых систематически печатались произведения местных ассирийцев, фольклорные материалы, переводы грузинской литературы (среди них грузинские сказки и сказания). Двухнедельный журнал «Мадыха» («Восток») издавался в Тбилиси в 1913—14 гг. с применением сирийского шрифта. Журнал в основном предназначался для ассирийцев, проживающих в Закавказье и России, хотя, видимо, его читали и за границей (цена на журнале выражена как в русских, так и в иранских, американских и английских денежных единицах). В этом журнале печатались новости, статьи политического характера, а также стихи, сказки, басни, пословицы и т. д. Определенное место отводилось тбилисской хронике.

В 1926—38 гг. в Тбилиси выходит сирийская газета «Кохва д-Мадыха» («Звезда Востока»), где параллельно с сирийским шрифтом использована письменность, созданная в Советском Союзе на основе латинского алфавита. (Следует отметить, что она не нашла распространения среди ассирийцев и в настоящее время советские ассирийцы, так же как и их зарубежные соотечественники, пользуются лишь своим собственным — сирийским письмом). В газете помимо обычных газетных материалов в большом количестве были

⁴² В. Cuttler. Fragments oncieux du Lectionnaire géorgien, — *Révue de Karthvéologie*, vol. 33, Paris, 1975, p. 110—118.

⁴³ См. статью Р. Мирианашвили в газ. «Тбилиси» (на груз. яз.), № 177 (6679), 1975, 31.VII.

⁴⁴ К. Церетели. Грузинские этнические термины, обозначающие «сириец» и «ассириец» (на груз. яз.). Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И. А. Джавахишвили, Тбилиси, 1976.

⁴⁵ А. Цагарели, Грамоты и другие исторические документы, относящиеся до Грузии, т. II, вып. I, С.-Петербург, 1898, с. 59—61.

⁴⁶ См., например, «Ассирийские сказки», Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).

представлены образцы художественной литературы; среди них зачастую встречались переводы с грузинского (отрывков из «Витязя в тигровой шкуре», сочинений грузинских классиков и т. д.).

Современные восточно-арамейские диалекты, носители которых проживают в Грузии, в основном сохранили древнесемитский тип языка, хотя их структура претерпела немалые изменения. Больше всего это отразилось на глаголе (образование грамматических времен), а также на звуковой системе. Заслуживает внимания тот факт, что среди современных арамейских диалектов, именно в речи наших ассирийцев, засвидетельствованы такие ряды согласных, которые неизвестны семитским языкам, однако характерны для грузинского; таковы, например, так называемые глотализованные согласные. Следует отметить, что для большей части проживающих в Грузии арамейцев (ассирийцев) сирийская письменность незнакома и свои тексты они записывают грузинскими буквами (частные письма, стихи, сказки, которые они сами сочиняют). В данном случае грузинская транскрипция ассирийского текста оказывает нам определенную помощь в получении правильной характеристики звуковой системы данного языка. Здесь же необходимо отметить, что именно благодаря речи проживающих на территории Грузии ассирийцев было установлено существование донныне неизвестного ванского диалекта, которому присущи весьма интересные языковые особенности (на нем говорят ассирийские беженцы из ванского вилайета Турции).

Общее число проживающих в Грузии ассирийцев (арамейцев) составляет 5.617 человек (по данным переписи 1970 года).

В данной статье мы попытались показать, что арамейский язык в нашей стране имеет давнюю, двадцативековую историю. Более того, можно предположить, что в качестве письменного языка (хотя бы в канцелярских целях) он использовался со времен ахеменидской империи (т. е. VI—IV вв. до н. э.), что, вероятно, и обусловило создание «армазской письменности», которая в основном характерна именно для Грузии. Традицию использования арамейского языка, как и продукт этой традиции — «армазское письмо», нельзя обойти вниманием при изучении происхождения известной нам грузинской письменности, которая, по имеющимся у нас историческим данным, пришла на смену так называемому армазскому письму в Грузии.

Начиная с III в. н. э. древнеарамейский язык уступает место среднеарамейскому (сирийский, мандейский, арамейский языки Вавилона и др.). И в этот период не прекращается связь арамейского языка с Грузией. Один из важнейших литературных среднеарамейских диалектов, а именно сирийский язык широко распространен среди просвещенных кругов Грузии. Ей не чужд и новоарамейский язык. В результате сложившейся историко-политической обстановки целые группы арамейцев (ассирийцев) иммигрировали в Грузию, куда пятнадцатью веками раньше их предки явились с целью распространения христианства, а задолго до этого их язык — древнеарамейский — служил канцелярским языком. В настоящее время арамейский язык, хотя и в весьма ограниченных рамках, все еще можно услышать на грузинской земле.

Многовековая история распространения (в том или ином виде) арамейского языка в Грузии, длительные арамейско-грузинские культурно-исторические связи обусловили необходимость изучения арамейского языка и, следовательно, развития соответствующей области востоковедения — арамеистики в нашей республике.

КНИГА ДРУЗЕЙ

В МОСКВЕ на русском, а в Варшаве на польском языке вышла «Книга друзей» — сборник рассказов, воспоминаний, стихов, авторами которых являются около 150 прозаиков, поэтов и переводчиков. Советскую литературу представляют такие писатели, как Константин Федин и Константин Паустовский, Борис Полевой и Константин Симонов, Николай Тихонов и Эдуардас Межелайтис и многие другие. Со страниц книги с читателем говорят широкоизвестные польские писатели, такие как Владислав Броневски и Юлиан Тувим, Константы Ильдефонс Галчынски и Станислав Лем, Ярослав Ивашкевич и Ежи Путрамент и другие.

Первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков в своем «Слове к читателям», открывающем сборник, отмечает: «Вошедшие в сборник произведения рассказывают читателю о том, как складывалась, росла и крепла в совместных классовых боях дружба советского и польского народов».

Во вступительном слове к польскому изданию первый секретарь Союза польских писателей Я. Ивашкевич пишет: «В этой «Книге друзей» собраны произведения советских и польских писателей, рассказывающие о всех дружеских контактах, о дружеских встречах, о тех тысячах нитей, которые объединили наши два государства союзом и братскими узами».

Составителем польской книги является Игорь Сикирицки, большой друг грузинской литературы. Напомним, что ему принадлежит один из переводов «Витязя в тигровой шкуре» на польский язык.

На страницах обоих вариантов книги — польского и русского — определенное место отведено «грузинским мотивам».

Выдающийся польский поэт Юлиан Тувим в стихотворении «Ex oriente» восклицает:

Эй, господа педанты, корпеющие
над Данте!
Есть Шота Руставели. Его
щедрейшие краски пою.

И дальше:

Тебя, Симон Чиковани, любимый
певец грузинский,
Дружбу, и вдохновенье, и сладость
лозы кавказской пою.

Рядом, как отзыв в поэтической переключке, стихотворение самого Симона Чиковани «Письмо из Татр».

Не потому ли тянутся друг к другу сердца поляка и грузина, не оттого ли наливается свежими соками давняя дружба, что

**С действительностью иллюзию,
С растительностью гранит
Так сблизили Польша и Грузия,
Что это обеих роднит.**

Строфа эта из помещенного в сборнике стихотворения Бориса Пастернака «Трава и камни».

Большое место в творчестве польского поэта Леопольда Левина занимают переводы грузинских поэтов. Он, в частности, является редактором вышедшей в Варшаве «Антологии грузинской поэзии». В «Книге друзей» Л. Левин выступает со стихотворением «Сад в Мхета». Это поэтическое посвящение известному «чародею сада» Михаилу Мамулашвили:

Ты получила от архисадовника
Роду —
Сестрицу роз,
Которую Леонидзе
Положил —
На пульсирующем сердце Польши.

Северин Полляк представлен в польском издании сборника стихотворением «В долине Алазани», а в русском — стихом «Сагурамо». В нем нашли отражение кавказские впечатления польского поэта:

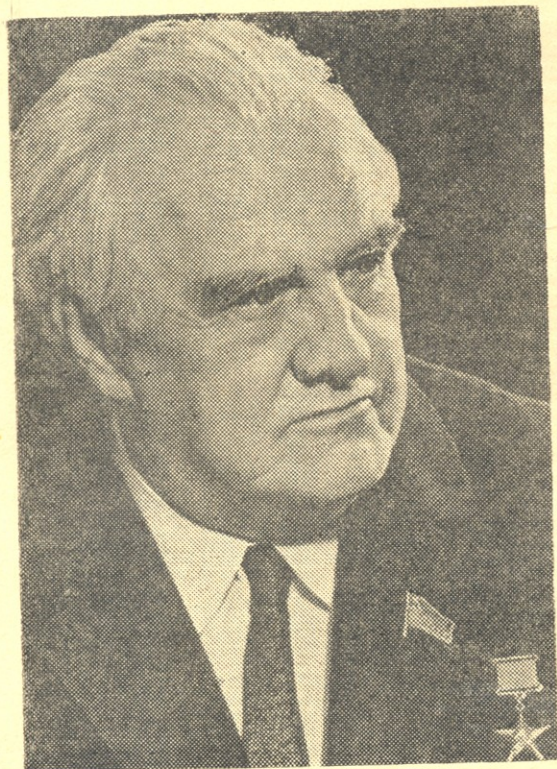
Столетний орех в отдаленье
шуршал обрывками строчек,
сплохи костра одолели
непрекаемость ночи,
и в сонме трескучих искр
плыл дом Чавчавадзе в сон...

Игорь Сикирицки включил в книгу свое стихотворение «Вардзия» — своеобразный гимн героическому прошлому Грузии.

Издание «Книги друзей» является важным вкладом в укрепление братского сотрудничества и дружбы между народами Советского Союза и Польши.

А. ГЕРШТЕНБЛИТ,
член правления Грузинского
отделения Общества советско-польской дружбы

К 80-ЛЕТИЮ Н. С. ТИХОНОВА

Исполнилось 80 лет выдающемуся советскому писателю, одному из основоположников советской поэзии и первопроходцу многонациональной советской литературы, большому общественному деятелю и крупнейшему мастеру русского стиха Николаю Семеновичу ТИХОНОВУ.

Секретарь Союза писателей СССР, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Союза ССР, лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и премии имени Шота Руставели, председатель Советского Комитета защиты мира Николай Семенович Тихонов — живая история всей советской литературы.

Этот большой русский поэт, подлинный интернационалист, неутомимый труженик, самозабвенный боец за торжество великих идеалов является подлинным другом всех народов Советского Союза. Поэтому и пользуется он таким большим авторитетом и безграничной любовью среди миллионов масс нашей Советской Отчизны и стран народной демократии, всего великого социалистического содружества. Его знает и ценит все прогрессивное человечество как выдающегося писателя современности, неутомимого борца за

светлое будущее народов, крупнейшего общественного деятеля.

Грузинская советская общественность, весь грузинский народ с большой торжественностью и теплотой отметили эту знаменательную дату. Газета «Коммунисти», «Заря Востока», «Литературиლი Сакартвело», «Вечерний Тбилиси», «Молодежь Грузии», «Тбилиси», журналы «Мнатоби», «Цискари», «Дроша» опубликовали статьи и выступления С. Шаншиашвили, Гр. Абашидзе, Ир. Абашидзе, Г. Джигладзе, Д. Шенгелая, Р. Маргиани и других видных грузинских писателей и общественных деятелей.

Правление Союза писателей Грузии решило весной будущего года устроить в г. Тбилиси юбилейное чествование дорогого поэта.

Журнал «Литературная Грузия», его редколлегия, сотрудники и весь читательский актив горячо поздравляют замечательного поэта, большого друга грузинского народа с днем 80-летия и желают ему еще долгих лет жизни, крепкого здоровья и большой творческой радости.

Юбилейная подборка, посвященная восьмидесятилетию юбилею НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА ТИХОНОВА, будет опубликована в первом номере нашего журнала за 1977 год.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ЗА 1976 ГОД

К 70-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА ИЛЬИЧА
БРЕЖНЕВА, XII, 5.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXV СЪЕЗДА КПСС. Доклад первого секретаря ЦК КП Грузии тов. Э. А. Шеварднадзе на Всесоюзной научно-практической конференции 20 октября 1976 года в г. Тбилиси, XII, 7.

ПРОГРАММА ТРУДА И БОРЬБЫ, ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ, III, 5.

К ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ! IV, 5.

К НОВОМУ РАСЦВЕТУ! VII, 5.

VIII СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ, V, 5.

ВЫСОКИЙ ДОЛГ ПИСАТЕЛЯ, IV, 6.

ХУДОЖНИК СЛОВА — АКТИВНЫЙ СТРОИТЕЛЬ ЖИЗНИ, V, 6.

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

ГУЛАШВИЛИ В. Слава Заиры, I, 8.

МЕГРЕЛИШВИЛИ Р. Кавалер орденов Ленина, I, 5.

МУМЛАДЗЕ К. Десять дней весны, II, 5.

ПРОБЛЕМЫ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

ДАВИТАЯ Ф. Поможем «зеленому другу»! IX, 57.

КОГОШВИЛИ Л. В защиту грузинского леса, IX, 57.

НА ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ОСНОВУ. (На вопросы «Литературной Грузии» отвечает министр сельского хозяйства ГССР Н. А. Читанава), VIII, 5.

СТРОИТЬ БЫСТРО, ДОБРОТНО, ЭКОНОМНО. (На вопросы «Литературной Грузии» отвечает министр строительства ГССР Н. А. Медзмаришвили), VI, 5.

ПОЭЗИЯ

АБДУЛАЕВ А. Отчизны символ, V, 79.

АЛЕКСАНДРОВ Ю. Вечное братство. «Нарикала и Метехи...», V, 8.

БАРАТАШВИЛИ М. Покинутый дом, IV, 13.

БЕРУЛАВА Х. Тина из Тортизы, II, 15.

ГУРЕШИДЗЕ Н. Весна, V, 2-я стр. обл.

ДЖГУБУРИЯ М. Весна. «Солнце, начав восхождение утром...». «А что в селе соседнем происходит...». Погода. «Вот пришло безмятежие ночи...». «Скоро дождик просыпнется дробно...». «Вот солнце за синие горы устало садится...», VI, II

ДЖУМАБАЕВ У. Тбилиси, V, 13.

ЖУМАГАЛИЕВ К. Счастливая страна, V, 76.

ИВАРДАВА Д. День и человек. Одойя. «Завидую тебе, море...». Отцу-солдату, X, 7.

КАЗАКОВ М. Поэтам Грузии, V, 12.

КАЛАДЗЕ К. Даиси. Старинный театр. Птица, IV, 10.

КАРПЕЦ В. Три сонета, XI, 10.

КВЛИВИДЗЕ М. Северная весна. Песенка, VIII, 8.

КУЛИЕВ К. Свет матери, XI, 5.

ЛАСУРИА А. Моя вера, V, 9.

ЛЕОНИДЗЕ Г. Родина, I, 2-я стр. обложки.

ЛОМИА К. «С одним крылом на землю птица канет...», «Глаза у ночи еще темны...». «Я не водил с одиночеством дружбу...», I, 12.

МАМПОРИЯ О. Сколько дней в году. Бессонная ночь. Календарь. Вечер. Сванские башни. Рог, XI, 7.

МАРГИАНИ Р. «1942». Беседа с Новым годом, XII, 32.

МАРИДЖАН. Мать. Четки матери. Сила улыбки. Тебе, сердце мое, VI, 8.

МАХМУДОВ А. Коммунист, V, 90.

МЕЖЕЛАЙТИС Э. Письма Чурлениса, IX, 5.

МИНДАДЗЕ Б. Занавес. Снегопад. Героическая роль. Утро, IX, 7.

- НАРИМАНИДЗЕ С. Большая жизнь. Земля родная. Полевые травы. «На дороге одному одиноко...». «Пастушок и стадо...». «Я, как прежде, зову...». Миг. Дай руку, VI, 9.
- НИКОЛАЕВСКАЯ Е. Рязань. «Волгой полнятся...», V, 8.
- ПОЦХИШВИЛИ М. Оправдание. Чужое, безликое и незримое. Журавль. Верность. Да здравствует меньше ждать! «Сколько я должен страдать...», I, 10.
- РЯШЕНЦЕВ Ю. Тбилисский дождь. У развалин храма Баграта. В старом Тбилиси, XI, 8.
- САДЫГ Ф. Пиросмани, V, 10.
- СИНЕЛЬНИКОВ М. Шарден в Тифлисе. Старый город. Пробуждение. Имя. Утрата. Небо. Сумерки, IV, 13.
- СУЛАБЕРИДЗЕ Л. У генерального плана строительства Тбилиси. В Тбилиском салоне художников. У дома-музея Гришавили. В Тбилиси решается мировая проблема. Идет скорый... X, 5.
- ТАРБА И. Песнопения, VIII, 8.
- ТЕДЕТЫ Р. Размышление, V, 9.
- ТОРОСЯН Ш. Мечтает человечество парить, V, 12.
- ХАЛВАШИ Ф. Хлеб Грузии. «Поскольку и я эту землю мотыжил...». Гармония связей. Вечер стихов в Стамбуле, I, 12.
- ЦХОВРЕБОВ В. Знамя Ленина, I, 13.
- ЧИЛАДЗЕ О. Белое поле. «И реюшие над водой мосты...». Цыгане. Целый год. Тень. Странствующий остров. Железное ложе, VII, 6.
- ШАТБЕРАШВИЛИ Г. Земля для цветов. Самоварная земля. Небу Грузии. Скидаться по полям. Ртвели. Грузия. Жизнь после смерти. На могиле предков. В долине Картли. Арсен-разбойник, III, 7.
- ШЕРЕЗАДИШВИЛИ З. непокорный конь. Река Шаори. Моя несравненная Рача. «Ты не думай, Шатиль...», VIII, 10.
- ЭРТАЦМИНДЕЛИ С. Из лирики военных лет, VII, 12.
- УРДЖУМЕЛАШВИЛИ В. Преображение, IV, 52; V, 14; VI, 13; VII, 13.
- ХЕРГИАНИ М. Пусть облака останутся с тобой, IX, 9; X, 14; XI, 38.
- ХОРГУАШВИЛИ Г. Черная душа, XI, 11.
- ЧИЛАДЗЕ Т. Бассейн, I, 26; II, 40; III, 39; IV, 33.
- ЧИЛАЯ С. Дети Екатерины, VIII, 48; IX, 35.
- ЧХЕИДЗЕ Б. Прогулка на «лошаке», IX, 27; X, 37.

ОЧЕРК

- АМИСУЛАШВИЛИ Ш. Потийская комета, III, 70.
- ГАМКРЕЛИДЗЕ Т. Наследники Амирани, IV, 60.
- ГОГОЛАШВИЛИ В. Как дела, Ния-Грузинская? VII, 55.
- ГУДЖЕДЖИАНИ Р. Призвание — хирургия, XII, 58.
- ГУЛАШВИЛИ В., МЕГРЕЛИДЗЕ Р. Небо звало... VI, 54.
- ИАШВИЛИ Л. Трудные заботы Зестафони, V, 62.
- КВАРЕЛАШВИЛИ М. Друг и покровитель молодежи, X, 55.
- НЕМИРОВА М. Строители победы, X, 51.
- ХВИЧИЯ П. Всегда начеку! XI, 60.
- ЦУЛЕЙСКИРИ Н. Зов родных полей, I, 54.
- ЧХЕИДЗЕ Н. На стыке искусства и науки, V, 82.

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- АБАШИДЗЕ Г. Служение родному народу, II, 91.
- АБЗИАНИДЗЕ З. Взгляд внутрь, XI, 69.
- АВАЛИАНИ Л. Акакий Гацерелиа, мастер прозы, VI, 74.
- АРВЕЛАДЗЕ Б. «Край родной у нас один...», VI, 84.
- БАТИАШВИЛИ Г. Блеск мгновения, III, 78.
- БЕСТАВАШВИЛИ А. Город Ая и его обитатели, VII, 70.
- ВГЛЯДЫВАЯСЬ В 70-е... VIII, 66.
- ГВЕРДЦИТЕЛИ Г. Набирая силу и высоту, I, 59; II, 56; Как солдат в окопе, X, 64.
- ГРАЖДАНСКАЯ МИССИЯ ПОЭЗИИ («Круглый стол» «Литературной Грузии»), VI, 58.
- ДЖИБЛАДЗЕ Г. Талант, озаренный красотой человеческой, II, 92; Дни, проведенные с Шолоховым, X, 59.
- ДЖИБУТИ В. Могучее дыхание жизни, V, 77.
- ЖГЕНТИ Н. От прототипа к художественному образу, VIII, 76.
- ЗАВЕРИН М. Человек, творящий мир, VII, 60.
- ЗЛАТКИН М. Свидетельствует современник, XI, 76; XII, 70.
- КАКАБАДЗЕ Н. Достоевский и Томас Манн, I, 73.

ПРОЗА

- БИБИЛУРИ Т. Счастливый конец. Конь. Большой и Малыш. Смех, VIII, 39.
- ДЖАХИД Б. Счастливый род, XII, 56.
- ДОЧАНАШВИЛИ Г. Человек, который очень любил литературу, I, 34.
- ДУМБАДЗЕ Н. Мать, V, 57; Кровь, VIII, 12; Птичка, X, 9.
- ИСАЕВ-АВАРСКИЙ А. Дагестанские вечера, VII, 47.
- МАГЛАПЕРИДЗЕ Т. Жажда, V, 42; VI, 37; VII, 25; VIII, 17.
- МАЙСУРАДЗЕ Э. Партизаны, XI, 53; XII, 39.
- НАТРОШВИЛИ Г. Я, Одиннадцатый... Горянка. Страна волшебников, III, 65; Девочка из Тюмени, IV, 47.
- СУЛАКАУРИ А. Лука, I, 14; II, 22; III, 14; IV, 16.

КАРАБУТЕНКО И. Стихотворения в прозе Шарля Бодлера, II, 63.

КЕРЕСЕЛИДЗЕ Г. «Поэзия — живу ей и дышу», III, 73.

КИЛАСОНИЯ Н. Жизнь ее книг продолжается, VI, 76.

КОНТРИДЗЕ Н. Партия. Жизнь. Слово. IX, 60.

КУРДОВАНИДЗЕ Г. Фольклорные сюжетные типы грузинской сказки, II, 69.

МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. Триптих Эммануила Фейгина, XII, 64.

МАЧАБЕЛИ М. Несколько слов в защиту литературного героя, IV, 72.

МЕИЛАХ Б. «Загадка» Пушкинской речи Достоевского, VII, 76.

МИМИНОШВИЛИ Р. Интернационализм и художественная литература, IV, 65.

МИРИАНАШВИЛИ А. Коммунист — главный герой литературы, XI, 62.

МЧЕДЛИДЗЕ Б. Дорогое народу имя, IX, 86.

НАТРОШВИЛИ Г. «Я живу, я преграды сметаю...», XII, 61.

ОБОЛАДЗЕ У. Основа народной школы, IX, 79.

СИХАРУЛИДЗЕ К. Всегда в поиске, V, 80.

ТВЕРСКОЙ А. Проникновение, VI, 69.

ТЕВЗАДЗЕ Д. Открывая новый творческий горизонт, I, 67.

ТОПУРИЯ А. Новый роман — новый герой, IV, 68.

ЦАИШВИЛИ С. Великий урок прошлого, IX, 68.

ЧИЧУА Ш. Рабочему классу — внимание писателей, V, 72.

ШИНКУБА Б. За вершиной—вершина, XII, 37.

ЭКИЗАШВИЛИ Г. «Счастливая смерть» или крах одинокого человека, IX, 74.

ЭРАДЗЕ Л. Покоряющая стихия его поэзии (К 70-летию Самеда Вургуна), VII, 89.

ПУБЛИЦИСТИКА

БАБАЛАШВИЛИ И. Школа интернационального воспитания, V, 67.

ЛАГИДЗЕ Н. Ленинское учение о партийности литературы и идеологическая борьба, II, 78.

ЛЕЙБЕРОВ И. «Ясочка» — почтовый ящик революции, II, 71; III, 83; IV, 76.

ЛЕОНИДЗЕ Н. Общественная природа телевидения, VII, 82.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИКИ

ДУДУЧАВА М. Проблема прогресса искусства, I, 78.

СКОГОРЕВА И. Эпоха, личная судьба, творчество, XI, 82.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ДЖИНДЖИХАШВИЛИ Ф. Яркий факт испытанной дружбы, VI, 77.

ЛАПЕРАШВИЛИ В. Я слушал Багрицкого... VI, 81.

МЕНАБДЕ Л. Руставели в зарубежной литературе, X, 70.

ИСКУССТВО

ГОЦИРИДЗЕ Г. Молодо, талантливо, VI, 82.

ДЖОХАДЗЕ Г. Здравствуй, улыбка! XII, 78.

ДОЛИДЗЕ Л. Национальное начало в раннем симфоническом творчестве Стравинского и Прокофьева, II, 86.

НАДАРЕИШВИЛИ Л. «Кавказский меловой круг» театра им. Шота Руставели, XII, 79.

НАЦИАШВИЛИ С. Слово о художнике, V, 89.

ПИРАЛИШВИЛИ О. Трансформирующее право искусства, VIII, 80.

ЭЛИЗБАРАШВИЛИ Н. Детям — настоящее искусство, V, 91.

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

АБАШИДЗЕ И. Первая встреча с Твардовским, V, 86.

ВЛАСОВ М. Рядом с Миронычем, VIII, 87.

ГАЦЕРЕЛИА А. Встречи с Юрием Тыняновым, I, 83.

ДЖАПАРИДЗЕ В. Отдал народу все, IV, 90.

ДУРМИШИДЗЕ С. «Я еще вернусь...», X, 93; Первый день почетного президента, XII, 81.

ИМЕДАШВИЛИ И. Встречи с Габриэлом Сундукяном, VI, 87.

МАРГВЕЛАШВИЛИ Г. Свет памяти, IV, 82.

НАУКА

БЕРДЗЕНИШВИЛИ Л. Споры и размышления о проблемах фольклора, X, 74.

ДИАЛОГ АКАДЕМИКОВ А. И. ОПАРИНА И С. В. ДУРМИШИДЗЕ — «Гражданином быть обязан!», III, 88.

КАУХЧИШВИЛИ С. Археологические раскопки в Грузии и греческие надписи, I, 90.

ЦЕРЕТЕЛИ К. Арамейский язык в Грузии, XII, 83.

К 100-ЛЕТИЮ ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ

БАРАМИДЗЕ А. Тонкий и глубокий исследователь грузинской литературы, X, 83.

ДЗИДЗИГУРИ Ш. Языковедческие труды выдающегося историка, X, 88.

МЕЛИКСЕТ-БЕК Л. Вечно живой, X, 90.
СУРГУЛАДЗЕ А. Он поднимал целину
грузинской науки, X, 78.

В МИРЕ КНИГ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПИСАТЕЛЬ, БОЛЬШОЙ
ДРУГ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (К
60-летию Константина Симонова), III,
91.

К 80-ЛЕТИЮ Н. С. ТИХОНОВА, XII, 92.
ТЕВЗАДЗЕ Д. Писатель-провидец (К 80-
летию Демны Шенгелая), IX, 87.
ЦИЦИШВИЛИ Г. Слово от сердца (К 80-
летию Симона Каухчишвили), I, 88.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ВСЕ БОГАТСТВО ЛИТЕРАТУРЫ — НА-
ШЕМУ ЧИТАТЕЛЮ. (Рассказывает глав-
ный редактор издательства «Сабчота
Сакартвело» Алио Адамиа), III, 95.

ГЛАВНАЯ ТЕМА — СОВРЕМЕННОСТЬ.
(Беседа с главным редактором редак-
ции изданий на русском языке изда-
тельства «Мерани» М. И. Златкиным),
I, 94.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ, V, 96.
ГЕРШТЕНБЛИТ А. Книга друзей, XII, 91.
ГИГОЛОВ Г. Живая жизнь романа-эпо-
пеи, IX, 93.
ДЬЯЧЕНКО А. Повесть о дороге к солн-
цу, VI, 95.
ИВАНОВА Н. «Я ветвь меньшая от ствола
России...», XI, 88.
КУМСИАШВИЛИ И. «Увидеть сразу всю
эту красоту...», X, 95.
МАЧАВАРИАНИ В. Отпор антисоветчи-
кам от литературы, VI, 93.
МЕГРЕЛИДЗЕ И. «На рубеже», V, 94.
НИКОЛЕИШВИЛИ А. За новые краски и
глубины, XI, 90.
ПАЙЧАДЗЕ Г. Древнегрузинская руко-
пись на русском языке, XI, 92.
РОСТОВЦЕВ Л. Повесть о рыцаре из
Хварбети, VII, 94.
ТУХАРЕЛИ Д., ПОРАКИШВИЛИ Н. Дра-
матургия Буревестника в зеркале мне-
ний, II, 94.
ТУХАРЕЛИ З. В русле современных иска-
ний, IV, 94.
ШАМЕЛАШВИЛИ Р. Новое в современ-
ном языкознании, VIII, 95.

НЕКРОЛОГ

Бесо Жгенти, XI, 95.

Сдано в набор 28 октября 1976 года. Подписано к печати 14 декабря 1976 года.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ. № 3634.

Тираж 5 650

УЭ 14572

26-1926.

76-896

ბიბლიოთეკის
სიგნიფიკაცია

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა